

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

1

2023

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	КОНДРАЛЬ А. А. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by
Бон Т.	Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волански Ф.	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жанбосинова А. С.	Научно-исследовательский центр Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми, Россия.
Линднер Р.	Констанцский университет, Констанц, Германия.
Упадуэй А.	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
Фишер Д.	Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш.	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М.	Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Вабищевич А. Н.	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Космач В. А.	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелёв В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Лозовюк П.	Западно-Чешский университет, Пльзень, Чехия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзалюк И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Новогродский Т. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Пилипенко М. Ф.	Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	КОНДРАЛЬ А. А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі новага і навішага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by

- Бародкін Л. І.** Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т. Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Валанскі Ф. Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жанбасінава А. С. Навукова-даследчы цэнтр Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л. М. Гумілёва, Астана, Казахстан.
Жарабцоў І. Л. Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывукар, Рэспубліка Комі, Расія.
Лінднер Р. Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Упадуэй А. Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.
Фішэр Д. Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.
Фэн Ш. Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М. Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

- Вабішчэвіч А. М.** Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э. Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Карпаў С. П. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г. Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А. Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лазавюк П. Заходне-Чэшскі ўніверсітэт, Пльзень, Чэхія.
Лакотка А. І. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В. Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А. Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р. Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Наваградскі Т. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Нячухрын А. М. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Піліпенка М. Ф. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Туманс Х. Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Ходзін С. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **KAKHANOUSKI A. G.**, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
- Deputy editor-in-chief** **MENKOUSKI V. I.**, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: menkovski@bsu.by
- Executive secretary** **KONDRAL A. A.**, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kondral@bsu.by

- Bohn T.** Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
- Borodkin L. I.** Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Feng Sh.** School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
- Fisher D. C.** University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
- Lindner R.** University of Konstanz, Konstanz, Germany.
- Šmigel' M.** Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
- Upadhyay A.** Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
- Wolański F.** Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
- Yanouski A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Zhanbossinova A. S.** Research Center of L. N. Gumilyov, Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
- Zherebtsov I. L.** Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic, Russia.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Duk D. V.** Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
- Karpov S. P.** Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Karpyuk S. G.** Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Khodzin S. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Koshelev V. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Kosmach V. A.** Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
- Kovalenya A. A.** National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Larin M. V.** Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
- Lavrinovich D. S.** Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
- Lokotko A. I.** National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Lozovyuk P.** University of West Bohemia, Plzeň, Czechia.
- Marzaluk I. A.** House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
- Miazga M. M.** Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
- Miknys R.** Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
- Nechukhrin A. N.** Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
- Novogrodski T. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Pilipenko M. F.** Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Tumans H.** University of Latvia, Riga, Latvia.
- Vabishchevich A. N.** Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
- Widder E.** Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 303.442

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В ИЗУЧЕНИИ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Т. В. ЛИСОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлена методология дискурс-анализа, изучены структурные элементы дискурса, проанализированы возможности применения дискурс-анализа в конфессиональных исследованиях. Определено, что дискурс-анализ является основанным на междисциплинарной стратегии качественным инструментом, который позволяет выявить скрытый смысл, заложенный в нарративных источниках, и его проявление в процессе реализации общественных отношений. Рассматриваются различные методики анализа дискурса и подходы к нему. Отмечается, что в рамках конкретного исторического исследования дискурс-анализ всегда включает основные положения методологии критического дискурс-анализа и стремится к изучению неотъемлемых компонентов дискурса (субъект – деятельность – текст – среда). В качестве методологических принципов дискурс-анализа в исследовании выделены проблематизация и оценка дискурса как диалогического коммуникативного акта, предполагающего комплексное взаимодействие акторов в условиях исторического, политического, социально-экономического и культурного контекста, реализованное в конкретном нарративе. Дискурс-анализ построен на междисциплинарной стратегии, что предполагает применение теории, приемов и методов различных наук (культурология, риторика, философия, психология, политология, социология и т. д.) для выявления связи между социальными, культурными, политическими и общественными процессами, воздействующими на сущность дискурса. Особенности практического применения дискурс-анализа при изучении конфессиональной истории проиллюстрированы на примере анализа дискурса государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси в 1921–1939 гг. Дискурс-анализу были подвергнуты основные элементы дискурса с применением методов формальной логики, историко-генетического метода, юридических,

Образец цитирования:

Лисовская Т. В. Дискурс-анализ в изучении конфессиональной истории: теория и практика. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023; 1:5–18.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-5-18>

For citation:

Lisouskaya T. V. Discourse analysis in the study of confessional history: theory and practice. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;1:5–18. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-5-18>

Автор:

Татьяна Витальевна Лисовская – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Tatyana V. Lisouskaya, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history.
lisovski_rb@tut.by

социологических и иных методов, что позволило сделать выводы о внешних и внутренних факторах государственной конфессиональной политики, определить ее характерные особенности и выявить латентный смысл дискурса государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси. В результате апробации подтверждена эффективность применения дискурс-анализа для всестороннего изучения предмета исследования конфессиональной истории.

Ключевые слова: дискурс-анализ; методология истории; исторические исследования; междисциплинарность.

ДЫСКУРС-АНАЛІЗ У ВЫВУЧЭННІ КАНФЕСІЙНАЙ ГІСТОРЫІ: ТЭОРЫЯ І ПРАКТЫКА

Т. В. ЛІСОЎСКАЯ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Прадстаўлена метадалогія дыскурсу-аналізу, вывучаны структурныя элементы дыскурсу, прааналізаваны магчымасці прымянення дыскурсу-аналізу ў канфесійных даследаваннях. Вызначана, што дыскурсу-аналіз з'яўляецца якасным інструментам, заснаваным на міждысцыплінарнай стратэгіі, які дае магчымасць выявіць латэнтны сэнс, закладзены ў наратыўных крыніцах, і яго праяўленне ў працэсе рэалізацыі грамадскіх адносін. Прадстаўлены розныя метадыкі аналізу дыскурсу, а таксама падыходы да яго. Адзначана, што ў рамках канкрэтнага гістарычнага даследавання дыскурсу-аналіз заўсёды ўключае асноўныя палажэнні метадалогіі крытычнага дыскурсу-аналізу і імкнецца да вывучэння неад'емных кампанентаў дыскурсу (суб'ект – дзейнасць – тэкст – асяроддзе). У якасці метадалагічных прынцыпаў дыскурсу-аналізу выдзелены праблематызацыя і ацэнка дыскурсу як дыялагічнага камунікатыўнага акта, які прадугледжвае комплекснае ўзаемадзеянне актараў ва ўмовах гістарычнага, палітычнага, сацыяльна-эканамічнага і культурнага кантэксту, рэалізаванае ў канкрэтным наратыве. Дыскурсу-аналіз пабудаваны на міждысцыплінарнай стратэгіі, што прадугледжвае прымяненне тэорыі, прыёмаў і метадаў розных навук (культуралогія, рыторыка, філасофія, псіхалогія, паліталогія, сацыялогія і г. д.) для выяўлення сувязі паміж сацыяльнымі, культурнымі, палітычнымі і грамадскімі працэсамі, якія ўздзейнічаюць на сутнасць дыскурсу. Асаблівасці практычнага прымянення дыскурсу-аналізу пры вывучэнні канфесійнай гісторыі праілюстраваны на прыкладзе аналізу дыскурсу дзяржаўнай палітыкі ў дачыненні да позднепратэстанцкіх рухаў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. Дыскурсу-аналізу былі падвергнуты асноўныя элементы дыскурсу з прымяненнем метадаў фармальнай логікі, гісторыка-генетычнага метада, юрыдычных, сацыялагічных і іншых метадаў, што дазволіла зрабіць высновы аб знешніх і ўнутраных фактарах дзяржаўнай канфесійнай палітыкі, вызначыць яе характэрныя асаблівасці і выявіць латэнтны сэнс дыскурсу дзяржаўнай канфесійнай палітыкі ў дачыненні да позднепратэстанцкіх рухаў Заходняй Беларусі. У выніку апрабавання пацверджана эфектыўнасць прымянення дыскурсу-аналізу для ўсебаковага вывучэння прадмета даследавання канфесійнай гісторыі.

Ключавыя словы: дыскурсу-аналіз; метадалогія гісторыі; гістарычныя даследаванні; міждысцыплінарнасць.

DISCOURSE ANALYSIS IN THE STUDY OF CONFESSIONAL HISTORY: THEORY AND PRACTICE

T. V. LISOUSKAYA^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The author of the article presents the methodology of discourse analysis, studies the structural elements of discourse, and analyses the possibilities of using discourse analysis in confessional studies. It has been determined that discourse analysis is a qualitative tool based on an interdisciplinary strategy that allows revealing the hidden meaning embedded in narrative sources and its manifestation in the process of implementing social relations. The article presents different approaches and methods of discourse analysis, which depend on the approach of the researcher, while noting that, within the framework of a specific historical study, discourse analysis always includes the main provisions of the critical discourse analysis methodology and it is aimed at studying the integral components of discourse: subject – activity – text – environment. As methodological principles of discourse analysis, the article highlights the problematisation and evaluation of discourse as a dialogic communicative act, involving the complex interaction of actors in a specific historical, political, socio-economic and cultural context, implemented in a specific narrative. Discourse analysis is built on an interdisciplinary strategy, which involves the use of theory, techniques and methods of various sciences (culturology, rhetoric, philosophy, psychology, political science, sociology, etc.) to identify the relationship between social, cultural, political and social processes, affecting the essence of discourse. Features of the practical application of discourse analysis in the study of confessional history are illus-

trated by the author on the example of the analysis of the discourse of state policy in relation to the Evangelical movements of Western Belarus in 1921–1939. The main constituent elements of the discourse were subjected to discourse analysis using the methods of formal logic, the historical-genetic method, legal, sociological and other methods, which made it possible to draw conclusions about the external and internal factors of the state confessional policy, to determine its characteristic features and to reveal the latent meaning of the discourse of the state policy regarding the Evangelical movements of Western Belarus. As a result of testing, the effectiveness of using discourse analysis for the comprehensive study of the subject of confessional history research was confirmed.

Keywords: discourse analysis; methodology of history; historical research; interdisciplinarity.

Введение

Современное развитие исторической науки и методологии исторических исследований характеризуется переходом от простого (формального) подхода в описании исторического события к содержательному анализу прошлого как многоуровневой системы, в которой нашли отражение как формальные действия, так и субъективные условия, психологические паттерны, факторы внешней и внутренней социокультурной среды, уровень развития и содержание идеологии, характер коммуникаций в обществе.

При изучении конфессиональной истории поле научного поиска находится на междисциплинарном уровне – на стыке истории, религиоведения, теологии, социологии, психологии, права. Это приводит к появлению новых вызовов для исследований, требует новых методологических подходов, при этом возникает необходимость в подборе эффективного методологического инструментария как среди общенаучных и специально-исторических методов и подходов, так и среди частных методов иных наук, а также в использовании понятийного аппарата неисторических наук.

Принимая во внимание то, что основным методом исторических исследований является работа с текстовыми (нарративными) источниками, на основе анализа которых ученый делает теоретические обобщения, для успешного анализа этих источников возможно применение не только количественных, но и преимущественно качественных методов. Последние позволяют всесторонне изучить предмет исследования конфессиональной истории.

К ним относятся дискурс-анализ, компаративный и лингвистический анализ, деконструкция, интервьюирование и др. Несомненно, цели и задачи исследования, характер источниковой базы определяют выбор тех или иных методов. Однако особое место в изучении конфессиональной истории, на наш взгляд, занимает метод дискурс-анализа, который включает изучение экстралингвистической информации (политические, экономические, социальные, культурные аспекты) и основывается на влиянии религиозного и нерелигиозного мировоззрения на исторический процесс, что позволяет объективно раскрыть проблемы конфессиональной истории на основе изучения текстовых источников.

Целью статьи является определение главных методологических аспектов применения дискурс-анализа в исследованиях конфессиональной истории на основе теоретических моделей и практики применения. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определить особенности дискурс-анализа как качественного метода изучения конфессиональной истории, выделить основные методологические принципы и методы исследования структурных элементов дискурс-анализа, провести апробацию метода дискурс-анализа, разработанного на основании теоретической модели дискурса М. Халлидея с использованием методологии и методики дискурсного анализа Т. А. ван Дейка и методологии критического дискурс-анализа (КДА), для изучения дискурса государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси в 1921–1939 гг.

Дискурс-анализ как качественный метод в исследованиях конфессиональной истории

Ключевым моментом в понимании дискурс-анализа как метода исследования является само понятие «дискурс». В широком академическом применении до конца 1960-х гг. термин «дискурс» воспринимался как синоним к терминам «текст», «речь» [1, с. 5]. Однако постепенно в научных исследованиях дискурс в системе язык – речь выделяется как специфический компонент коммуникации в качестве механизма реализации языковой практики в определенной коммуникативной ситуации. Со-

ответственно, дискурс воспринимается как многофакторное явление, в структуру которого входит не только сам текст, но и субъекты коммуникации, а также конкретная коммуникативная ситуация.

Так, один из основоположников теории дискурса М. Фуко понимает дискурс как связную последовательность высказываний, условием создания которых служит определенная эпистема, свойственная той дискурсивной формации, в рамках которой эти высказывания порождаются [2, с. 350–351]. Н. Фэркло,

расширяя понятие «дискурс», заявляет, что существуют следующие измерения для каждой речевой ситуации: непосредственно текст, деятельность (дискурсивная практика) по производству и восприятию текста, а также социальная практика [3]. М. Фуко и Н. Фэркло утверждают, что для текста характерна диалогичность, а высказывания субъектов дискурса отражают тип их социальной активности, исторически обусловленный и связанный с уровнем цивилизационного и культурного развития общества. Таким образом, диалогичность субъектов коммуникации зависит от культурного контекста исторической и политической реальности, а также от мировоззренческих принципов, господствующих в обществе.

Ключевым моментом в теории дискурса является внимание к динамичности дискурса и его компонентов, а также понимание первичности дискурса в отношении текста. Соответственно, дискурс определяется как коммуникативное действие в условиях конкретной социокультурной среды, в результате которого создается и артикулируется текст. Так, текст (например, Ответное послание Святейшего синода Вселенской патриархии 1903 г.) является результатом не только процесса создания, но и его интерпретации (закрепление понимания отношения Русской православной церкви к инославным вероисповеданиям), а дискурс представляет собой динамический процесс – дискурс межконфессиональных отношений в Российской империи, элементом которого является данный документ, а также иные письменные и устные тексты.

Таким образом, к дискурсу можно отнести коммуникативный процесс в рамках взаимодействия субъектов социальных отношений (государство, религиозные институты, общественные организации, этнические и конфессиональные группы и т. д.), а также в рамках социальных и правовых отношений (государственная конфессиональная политика, межрелигиозные отношения). В обобщающем значении дискурс может выступать как коммуникативная практика в конкретной сфере общественных отношений (религиозный дискурс, правовой дискурс, политический дискурс и т. д.), как проблемно ориентированная коммуникативная практика (правовой дискурс положения религиозных организаций, дискурс государственно-конфессиональных, межрелигиозных отношений, дискурс закрепления христианства у восточных славян и т. д.), как коммуникативная практика, объединяющая множество дискурсов (правовое закрепление и правоприменительная практика, например государственная политика в отношении православной церкви в 1917–1991 гг.). И в то же время дискурсом можно также признать частный случай коммуникации [4, р. 35], например обращение прихожанина

в консисторию, переписку с государственными органами, а также конкретный законодательный акт, воспоминания участников исторических событий, докладную записку о состоянии дел в епархии и т. д. Дискурс является способом придать смысл любым элементам социального процесса, так как с помощью дискурса происходит трансляция определенной точки зрения в конкретной социокультурной среде.

Анализ дискурса осуществляется в рамках нескольких научных подходов: постструктуралистского дискурс-анализа, КДА, культуральной политэкономии, культурологического и дескриптивного подходов. Данные подходы не имеют четких разграничений. Однако для исследования конфессиональной проблематики особо значим критический дискурс-анализ, который направлен на изучение способов применения языка в конкретной социокультурной среде [3, р. 65; 5, р. 88–89]. В центре внимания КДА находятся вопросы взаимодействия между знаковыми компонентами (тексты) и социокультурными элементами (контекст) дискурса, что позволяет комплексно изучать предмет конфессиональных исследований.

При этом внутри критического дискурс-анализа разные методологические подходы (классический дискурс-анализ (диалектико-реляционный подход) Т. ван Дейка и Н. Фэркло, дискурсивно-исторический подход Р. Водак и культурологический подход Ши Сю) по-разному используют методику анализа дискурса.

Диалектико-реляционный подход Н. Фэркло опирается на качественный анализ текста и его языковые характеристики, в нем применяются разработки и методы юриспруденции, психологии, социологии и других наук [6, с. 57]. В дискурсивно-историческом подходе особое внимание уделяется анализу политических, экономических, культурологических данных, связанных с дискурсом, а также выявляется влияние идеологии на коммуникативный процесс, что дает возможность объективно проанализировать взаимодействие в плоскости язык – власть – идеология (текст – государство – религия). Автор данного подхода Р. Водак предлагает при анализе текста (текстов) в рамках дискурса изучать интертекстуальные связи между различными нарративами [7, р. 67], что позволяет привлекать данные об этносоциальном, политическом, культурном контексте, в которых функционирует дискурс конфессиональной проблематики.

Автор культурологического подхода Ши Сю понимает дискурс как коммуникативный акт в рамках определенного социокультурного контекста. Субъекты осуществляют коммуникацию с помощью лингвистических и иных символов в соответствии с историческим и культурным контекстом [8, с. 241]. Таким образом, анализу должны подвергаться такие

элементы дискурса, как устные и письменные нарративы, субъекты коммуникации (государство, религиозные институты, общество, личности), действия субъектов отношений (вербальные и невербальные), каналы коммуникации (язык, каналы передачи информации, время, обстановка и т. д.), цели и последствия коммуникативных действий, исторический и межкультурный контекст (в том числе нормы и модели поведения, а также социальные отношения).

Таким образом, основным методологическим принципом анализа дискурса в рамках всех подходов КДА выступает изучение дискурса как многоуровневого явления на основе понимания неразрывного взаимодействия политических, экономических, религиозных и иных социальных процессов с языком. Поэтому в фокусе анализа дискурса находятся

нарративы в их неразрывной связи с историческим, политическим, правовым, культурным и иным контекстом.

Целью дискурс-анализа как метода изучения дискурса является не просто лингвистическое исследование текстов, а изучение коммуникативного процесса, проходящего в условиях специфической социокультурной среды, исторических и общественных реалий и артикулированного в виде устных и письменных текстов. Таким образом, дискурс-анализ является качественным инструментом, позволяющим исследователю выявить заложенный в нарративных источниках латентный смысл коммуникативного акта в историческом контексте и его проявление в процессе реализации общественных отношений.

Методика дискурс-анализа при изучении конфессиональной истории

Вопрос конкретной методики изучения дискурса является дискуссионным в теории дискурса. Разные подходы ориентированы на применение разных методов анализа. Однако в КДА более, чем в других подходах, разработаны общие принципы методологии анализа дискурса, при этом для разных направлений в КДА еще нет единого универсального метода. Так, ввиду того, что культурологический подход признает уникальные исторические, культурные и лингвистические традиции каждого дискурса, он отвергает возможность использования универсальной методологии и требует создания такого метода анализа, который мог бы учитывать исторические и культурные различия дискурсов [8, с. 250]. При этом Ши Сю не уточняет, как следует учитывать культурные особенности дискурсов, что не позволяет сформировать четкий методический аппарат анализа. При анализе дискурса Р. Водак применяет метод интертекстуальности – анализа связи разных текстов через отсылки к теме или субъектам дискурса, к одним и тем же событиям, аллюзиям или воспоминаниям как в рамках одного дискурса (например, перенос термина «секта» из православного дискурса инославия в официальный правовой дискурс о положении религиозных меньшинств), так и при изучении междискурсивных отношений [7, р. 69]. Однако Р. Водак признает, что дискурсивно-исторический подход не является конкретным эмпирическим методом, а для лингвистического и контекстного анализа дискурса используются набор методов и теоретический аппарат разных наук [9, р. 73]. Поэтому при проведении анализа исследователю необходимо применять социальные теории, методы лингвистики и контент-анализа, а также привлекать большое количество объективных данных о социально-политическом и историческом

контексте. Для характеристики текста и его компонентов Н. Фэркло предлагает междисциплинарную стратегию анализа дискурса, предполагающую применение грамматического, семантического, конверсационного и контекстного анализа, теорий и методов юриспруденции, социологии, психологии и других наук. С ее помощью можно изучить не только текст, но и социальные условия, в которых он создавался и воспринимался обществом [9, р. 78].

Таким образом, при отсутствии единой методики дискурс-анализа в рамках КДА можно выделить основные положения методологии анализа дискурса: проблематизацию, оценку дискурса как диалогического коммуникативного акта, контекстный (экстралингвистический) анализ и междисциплинарную стратегию.

Наиболее четкая методика дискурс-анализа, которая включает в себя все компоненты методологии КДА, разработана на основании теоретической модели дискурса М. Халлидея с использованием методологии и методики дискурсного анализа Т. А. ван Дейка [10, с. 10]. Она применяется преимущественно для анализа правового дискурса. Поскольку одним из основных типов письменных источников для изучения конфессиональной проблематики являются нормативно-правовые акты, документы делопроизводства государственных органов, религиозных организаций, административные и судебные документы, рассмотрим методику дискурс-анализа правового дискурса.

Следует отметить, что методика дискурс-анализа зависит от выбранного подхода, но в рамках конкретного исторического исследования она всегда включает основные положения методологии КДА и имеет целью изучение основных элементов дискурса (субъект – деятельность – текст – среда).

При деконструировании дискурса с учетом основных методологических принципов КДА в качестве ключевых элементов для анализа выделяются следующие:

- субъекты коммуникации, которые участвуют в процессе создания текста и в общественных отношениях;
- коммуникативная деятельность в процессе создания текста и общественных отношений (дискурсивная практика);
- текст в письменной или в устной форме (воспоминания, выступления, статьи, нормативный акт, документы делопроизводства и т. д.);
- среда, которая включает исторический, социокультурный, ситуационный (объективные причины и условия формирования дискурса) и мировоззренческий контекст.

Элементы дискурса анализируются с помощью метода деконструкции: каждый компонент дискурса разбивается на части, что позволяет сопоставить явные и скрытые намерения автора текста с культурным контекстом. В связи с этим в каждом структурном элементе дискурса необходимо выделить доминанты – социально обусловленные главенствующие характеристики дискурса. Их изучение составляет основу для анализа дискурса.

Субъектом коммуникации является ее непосредственный участник. В качестве доминант, которые влияют на коммуникативные отношения, могут выступать статусно-ролевая характеристика, т. е. социальный статус субъекта, его роль во взаимодействии и в процессе составления текста (священнослужитель или светское лицо, руководитель религиозной организации или прихожанин церкви и т. д.); тип социально-коммуникативной активности (автор текста, его адресат); тип коммуникатора (активный, пассивный); уровень и готовность к обратной связи; мотивы и цели в коммуникации (доминирование, выражение власти, подчинение, компромисс); мировоззренческие характеристики и приоритеты субъекта (его религиозная, национальная принадлежность, политическая позиция, консервативное или либеральное мировоззрение). На наш взгляд, социальные, половые и возрастные особенности субъектов также могут оказывать влияние на содержание дискурса, так как они воздействуют на мотивы и цели субъектов. Таким образом, данные характеристики следует принимать во внимание [11, с. 33].

Например, при анализе дискурса реализации советской антирелигиозной политики в 1944–1991 гг. в качестве субъектов анализа могут выступать уполномоченный по делам религий Совета по делам религий при Совете министров СССР по БССР, областные уполномоченные Совета по делам религий (их возраст, социальный статус, мировоззрение, вероисповедание, активность или пассивность в ходе деятельности, мотивация к осуществлению

политики). Изучение доминант субъекта в данном случае позволяет выявить мотивы, цели, влияние мировоззренческого фактора на формирование нормативно-правовой базы и его реализацию представителями государственной власти и, как результат, определить степень влияния субъективного фактора в осуществлении религиозной политики.

При анализе коммуникативной деятельности в качестве доминант могут быть выделены характер коммуникативных действий (формальные или неформальные действия, произвольная или принудительная коммуникация, место и время совершения коммуникативного акта), способ принятия решения в рамках коммуникации (коллегиальный или единоличный), форма взаимодействия (вербальная или невербальная, устная или письменная) [11, с. 29–30], соответствие (несоответствие) порядка действий в ходе коммуникации между субъектами формальным или административным процедурам.

Например, при анализе дискурса отношений Советского государства с Русской православной церковью в 1941–1945 гг. характеризуется сам процесс выстраивания отношений между ними: выявляются инициатор и методы взаимодействия (формальные или неформальные), возможность вариативности, степень демократичности и свободы принятия решений, рассматриваются процедура созыва и проведения Архиерейского собора Русской православной церкви 9 сентября 1943 г., сроки его созыва и т. д. Также исследуются характеристики процесса принятия нормативных документов (постановление Архиерейского собора Русской православной церкви от 9 сентября 1943 г., директивы НКГБ СССР от 22 сентября 1943 г. о создании Русской православной церкви Московского патриархата), поскольку процедура принятия, место, время и сроки разработки имеют большое значение для анализа взаимоотношений между Русской православной церковью и Советским государством.

Такой компонент дискурса, как текст, может быть представлен одним текстом или комплексом научных, нормативно-правовых, эпистолярных, справочных, аналитических документов. В качестве доминант для анализа нарративов могут быть выделены тема речевого общения, речевой жанр, композиция и последовательность речевых актов, речевые средства и т. д.

Например, речи судей в религиозных процессах 1960-х гг. имеют преимущественно директивный, монологичный и за редким исключением диалогичный характер. В таких высказываниях могут применяться дифференцированные (*Вы, ты*), нейтральные (*гражданин, истец, пострадавший*) или субъективно окрашенные (*сектант, туеядец*), личностные (фамилии, имена) способы обращения и оценочные фразы (*уклоняетесь от гражданских обязанностей, вовлекли в паутину мракобесия, реакционное мировоззрение*), которые позволяют определить степень личностного

вовлечения судьи в процесс субъективного влияния на осуществление правосудия, реализацию прав верующих и состояние судебной системы. При том что нормативно-правовой акт характеризуется особым жанром и стилем, предполагающими нейтральность к субъектам правового регулирования, его композиция и речевые средства, использование терминов с негативной коннотацией могут показать наличие оценочности в содержании и выявить трансляцию мировоззренческих моделей и стереотипов. Например, постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» нейтрально по терминологии в отношении религиозных организаций, в то время как в Указе Президиума ВС РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» используется фраза «антиобщественный паразитический образ жизни», стигматизирующая священнослужителей, которые попадают под данное определение.

Последний из выделенных элементов дискурса – среда – отражает социокультурный, идеологический, информационный контекст социума, в котором происходит коммуникация. В качестве основных доминант могут быть выделены мировоззренческие доминанты социума (ценности, религиозные ориентиры, политические идеологии, главенствующие в обществе или характеризующие социальные группы в процессе коммуникации), представление об окружающем мире (о социальных, гендерных, этноконфессиональных ролях субъектов, структуре общества, месте религии и конфессии в государстве и в правовой системе, а также о роли государства в религиозных процессах), психологические характеристики социальных групп, способ восприятия социальных оппонентов в парадигме свой – чужой, уровень и характер правовой культуры общества, коммуникативный эффект (уровень воздействия норм права, правовых и религиозных текстов на общество и наоборот).

Важными характеристиками являются взаимопроникновение и взаимозависимость компонен-

тов дискурса. Так, психологические, социальные и личностные особенности субъекта влияют на мотивацию и цели взаимодействия, социально-коммуникативную активность, от которой зависит порядок действий в процессе коммуникации, способности принятия решений и их эффект при создании нарративов. В свою очередь, духовные ценности и мировоззрение субъектов во многом определяются доминирующими духовными приоритетами, ментальностью общества и отражаются в статусно-ролевых характеристиках личности [10, с. 140].

Таким образом, дискурс-анализ предоставляет возможность изучить социальные и религиозные процессы комплексно, выявить их скрытые причины (снижение религиозности, смена конфессиональной ориентации, религиозная стигматизация, межконфессиональные и мировоззренческие противоречия) и определить тенденции в религиозном развитии общества.

Особенностями дискурс-анализа как качественного метода являются его междисциплинарность и отсутствие универсальной методик, что позволяет использовать для анализа широкий спектр теоретических подходов и методов исследования в зависимости от объекта и целей анализа. На разных этапах и стадиях дискурс-анализа могут быть задействованы и использованы как лингвистический и контекстуальный анализ, контент-анализ, так и методики социологического наблюдения (не включенное и включенное), опросные методы, методы математического анализа, метод толкования права и др. Таким образом возможно комплексно проанализировать все базовые компоненты дискурса. В этом состоит неоспоримое преимущество основанного на междисциплинарной стратегии метода, который оформился на стыке социолингвистики, культурологии и истории, но впитал в себя приемы и методы различных наук гуманитарного профиля: риторики, философии, психологии, политологии, социологии и т. д. В результате дискурс-анализ создает возможности для изучения письменных и устных источников как продукта социальных, культурных, политических и общественных процессов.

Применение дискурс-анализа при изучении дискурса государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси в 1921–1939 гг.

В 1921–1939 гг. в религиозной сфере Западной Беларуси активизируются движения позднего протестантизма: евангельские христиане, евангельские христиане-баптисты, христиане веры евангельской, адвентисты, методисты. Процесс формирования государственной политики в отношении поздних протестантских движений Западной Беларуси проходил в условиях становления нового польского государства, трансформации его государственно-конфессиональной системы, при-

соединения западнобелорусских территорий с однородным этноконфессиональным составом на протяжении межвоенного периода.

С помощью метода дискурс-анализа изучен правовой дискурс государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси в 1921–1939 гг. Целью являлось определение особенностей правового дискурса, а также выявление латентного смысла коммуникативного процесса, влияющего на формирование и реализацию

государственной политики в отношении позднепротестантских движений. Для анализа был использован комплекс письменных источников: нормативно-правовые документы (Конституция II Речи Посполитой 1921 и 1935 гг., Указ Николая II от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», Указ Николая II от 17 октября 1906 г. «О порядке образования религиозных общин старообрядцев и сект, отпавших от православия», циркуляр Министерства иностранных дел Польской Республики от 2 января 1926 г. № 1 «В деле приезда в Польшу иностранных духовных лиц, членов сект», директивные указания в отношении иностранных религий и национальностей Министерства вероисповеданий и общественного просвещения Польской Республики (далее – МВиОП) 1932 г. и др.), документы административных органов (каталог МВиОП «Церкви и религиозные объединения Польши. Правовые основы», монография о верховенстве закона в Польше в Виленском воеводстве 1939 г., комментарии к декрету Президента Польской Республики от 18 ноября 1938 г. «Об отношении к Польской православной автокефальной церкви», отчеты общественно-политических отделов воеводских управлений и др.) и документы административных процедур (регистрация религиозных общин, обращения в воеводские правления, староства).

При анализе указанного правового дискурса использовался метод деконструкции, в ходе которого были рассмотрены основные элементы дискурса (субъект – деятельность – текст – среда). Также для анализа компонентов дискурса и их доминант были использованы методы формальной логики и математического анализа, историко-генетический и формально-юридический методы, метод толкования правовых норм, социологические методы, контент-анализ. С учетом ограниченного объема изложения материала представлены только основные процедуры и результаты анализа.

В правовом дискурсе государственной политики в отношении позднепротестантских движений в качестве субъектов коммуникации определены официальные должностные лица, являющиеся субъектами нормотворчества (должностные лица МВиОП и Министерства иностранных дел Польской Республики, воеводы восточных воеводств), а также субъекты административных процессов (старосты, представители общин и организаций). Субъекты дифференцированы по степени коммуникативной активности и взаимодействия: активными, готовыми к обратной связи коммуникантами были старосты, а также представители общин и организаций, которые являлись инициаторами административ-

ных процессов. В то же время коммуникация высших должностных лиц характеризовалась монологичностью, мотиватором в данном случае являлось выражение власти, в большинстве случаев компромиссное решение проблемы не было целью ни на одном уровне субъектов власти.

Этноконфессиональная характеристика субъектов коммуникации выявила определенную дихотомию: субъекты нормотворчества и административные лица были преимущественно поляками по национальности и католиками по вероисповеданию (за исключением представителей местной администрации – старост и некоторых воевод, которые были белорусами по национальности и православными по вероисповеданию). Кроме того, часть должностных лиц являлись представителями католического духовенства: епископ А. Шелёнзек был сотрудником департамента вероисповеданий МВиОП, прелат Б. Жонголович – вице-министром МВиОП, в правительственные комитеты входили представители Римско-католической церкви¹. В то же время члены позднепротестантских общин были преимущественно белорусами, ранее православными: по изученным демографическим данным, из 2272 членов общин белорусами были 95,2 %, поляков насчитывалось 4,8 % [12, с. 39].

В политической и мировоззренческой позиции субъектов нормотворчества и административных лиц доминировала государственная концепция построения польского государства, основанная на политике национальной ассимиляции территорий Западной Беларуси. Так, в 1923 г. полесский воевода С. Довнарвич сформулировал принцип выборочной полонизации белорусов-«тутэйшых», которую поддерживал его преемник – воевода В. Костек-Берняцкий [13, с. 53–54]. Подготовленная в 1939 г. Виленским воеводским правлением монография о верховенстве закона в Польше в Виленском воеводстве транслировала идеи жесткой ассимиляции, для чего было «необходимо исключить все факторы, которые апеллируют к национальному самосознанию, а также использовать все возможные методы, которые приближают общество к польской культуре»². В то же время в идеологических установках позднепротестантских движений доминировали консервативная концепция евангелизма и религиозные цели деятельности. Это обусловило их лояльную позицию в отношении государства, отсутствие активной политической деятельности и стремление к национальной самоидентификации [14, с. 308].

При анализе коммуникативной деятельности в рамках дискурса государственной политики в отношении позднепротестантских движений За-

¹Langer T. Państwo a nierzymskokatolickie związki wyznaniowe w Polsce Ludowej. Poznań : Wydaw. poznańskie, 1967. S. 134.

²Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1. Оп. 8. Д. 1092. Л. 51.

падной Беларусі следует выдзельць такія напраўленыя камунікацыі, як норматворчы працэс і адміністрацыйныя працэсы ў рамках рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі. Норматворчы працэс ажыццяўляўся ў ўмовах фарміравання новай дзяржаўна-канфэсійнай сістэмы, інтэграцыі рэлігійных нормаў Аўстрыі і Расіі ў заканадаўчую сістэму Польшы пад ціскам двух проціборствующих палітычных сіл – ліберальных (Польская сацыялістычная партыя, польская народная партыя «Вызваленне») і кансерватыўных (хрысціянскія і нацыянальныя дэмакраты). Кроме таго, на заканадаўчы працэс аказвалі ўздзеянне прадстаўніцы Рымска-каталіцкай царквы, чыя дзейнасць і ўплыву пры падтрымцы правых партый вызначылі пра-каталіцкую палітыку ўрада. Гэта нашло адражэнне ў прыняцці шэрагу нарматывных актаў, абмежаваных праваў і свабоды членаў абшчын і дзейнасць пратэстанцкіх арганізацый (цыркуляр № 1 Міністэрства замежных спраў Польскай Рэспублікі ад 2 студзеня 1926 г. «У справе прыезда ў Польшу замежных духоўных асоб, членаў сект», дырэктывныя ўказанні ў адносінах да замежных рэлігій і нацыянальнасцей МВіОП 1932 г., каментарыі да дэкрета Прэзідэнта Польскай Рэспублікі ад 18 студзеня 1938 г. «Аб адносінах да Польскай праваслаўнай аўтокефальнай царквы»), а таксама ўплыву на працэс прыняцця заканапраекта аб прызнанні позднепратэстанцкіх рухаў. Так, пасля падрыхтоўкі ў 1927 г. заканапраекта аб прызнанні новых ці да сых пар непрызнаных рэлігій і яго перадачы ў Прэзідыум Савета Міністраў Польскай Рэспублікі для ўнесена паправак нунцыя Л. Лавра адправіў срочную дэпешу ў Ватыкан, а 10 студзеня 1927 г. пасол В. Скрынскі вступіў з кардыналам Р. Гаспарам, які выказаў неадольнасць польскай рэлігійнай палітыкі і падкрэсліў, што царква «боралася і павіна барацца з такімі заканапраектамі»³. Пасля прадстаўлення данага заканапраекта ў 1929 г. на разгляд урадавай камісіі па ажыццяўленню ўмоўнага канкордату было афіцыйна заяўлена аб прыстанавцы ўсіх дзеянняў па правому прызнанню непрызнаных вероісповеданняў⁴. Паслядоўныя ўрадавыя кабінеты таксама знаходзіліся пад моцным уплывам Рымска-каталіцкай царквы і прытрымліваліся аналагічнай пазіцыі.

Рэалізацыя рэлігійнай палітыкі і вядзенне адміністрацыйных працэсаў (рэгістрацыя абшчын, выдача дазволенаў на рэлігійную дзейнасць, разгляд абрашчэнняў) возлагаліся на органы мясцовай адміністрацыі і носілі суб'ектыўны, палітычна матавіраваны характар. Пры налі-

чы магчымасцяў арганізацыі рэлігійнай дзейнасці позднепратэстанцкіх абшчын ў частковай і публічнай сферах, прадстаўляемых заканадаўствам ІІ Рэчы Паспалітай, адміністрацыйныя працэдуры неаднократа затываліся (пасля падачы заяўленняў на рэгістрацыю ў 1930 г. абшчыны евангеліскага хрысціянства ў д. Аніскавічы і д. Бельск Кобрынскага павета атрымалі адказ ў 1939 г.⁵), немотывавана забараняліся рэлігійныя абрады і дзейнасць (староста Столінскага павета ў 1932 г. выдаў забарону на правядзенне біблійскіх курсаў абшчыне евангеліскага хрысціянства ў д. Маньковічы («правядзенне курсаў нежаўнальна для польскага дзяржаўнасці»⁶)). У дырэктывах для воеводаў Западнай Беларусі пры рашэнні пытанняў дзейнасці евангеліскага абшчын рэкамендавалася арыентавацца перада ўсёга на палітычныя задачы. Гэта прыводзіла да суб'ектыўнаму трактаванню і прымяненню правых нормаў і ставіла абшчыны ў разнае правое становішча ў залежнасці ад палітычнага ўважлівасці мясцовых чыноўнікаў.

Камплексаў тэкстаў для аналізу дыскурса прадстаўлены нарматывна-правовымі актамі, рэгулюючымі правую статус і правыя асновы дзейнасці позднепратэстанцкіх абшчын, а таксама дакументамі адміністрацыйных працэсаў. С ўлікам таго што прымяняемая ў нарматывных дакументах тэрміналогія можа адражаць месца і ролю пазднега пратэстанцізма ў ашчэсце ў разуменні суб'ектаў ўлады і трансліраваць яе праз нарматывна-правыя дакументы, для выяўлення смясловага нагрукі прымяняемых ў правых дакументах тэрмінаў і номінацый, а таксама для ацэнкі ўважлівасці суб'ектамі ўлады новых рэлігійных актараў і іх месца ў сацыякультурнай сродзе была ўвучана номінацыя позднепратэстанцкіх рухаў ў правым дыскурсе з дапамогай кантэнт-аналіза.

Следует адметыць, што ў правых дакументах номінацыя позднепратэстанцкіх рухаў, ўпершыню, вызначалася іх правым статусам, які фарміраваўся на працяжэнні ўсёга міжваеннага перыода, а ў-вторых, ілюстравала ўважлівасць даных рэлігійных рухаў прадстаўнікамі дзяржаўных ўладаў. У адпаведнасці з Канстытуцыяй ІІ Рэчы Паспалітай 1921 г. і з іншымі нарматывна-правымі актамі для вызначэння правых статуса позднепратэстанцкіх рухаў прымяняліся наступныя тэрмыны: «непрызнаныя вероісповеданні» (адсутнасць заканадаўчага ўрэгуліравання дзяржаўна-царкоўных адношэнняў) і «талераваныя вероісповеданні» (магчымасць легальнай рэлігійнай дзейнасці на аснове заканадаўства).

³ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2307. Л. 1–2.

⁴Krasowski K. Losy unifikacji ustawodawstwa międzywyznaniowego // Czas. praw.-hist. 1987. No. 2. S. 288–289.

⁵ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2824. Л. 77, 81.

⁶Там же. Оп. 3. Д. 1274. Л. 25.

Кроме того, в связи с тем что деятельность протестантских общин и организаций на протяжении межвоенного периода регулировалась Указом Николая II от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и Указом Николая II от 17 октября 1906 г. «О порядке образования религиозных общин старообрядцев и сект, отпавших от православия», в официальное употребление вошел термин «секты, отпавшие от православия». Данный термин был характерен для российского общества, где православие доминировало в религиозной среде, и подразумевал вычленение из аутентичного религиозного поля страны чуждых религиозных элементов, к которым были отнесены позднепротестантские движения.

В то же время такая смысловая нагрузка термина «секта» не была свойственна польскому официальному дискурсу. В официальных документах евангельские движения относились к категории сект, в первую очередь, в связи с их соответствующим именованию в Указе Николая II от 17 октября 1906 г. «О порядке образования религиозных общин старообрядцев и сект, отпавших от православия», а во-вторых, на основании религиозной стратификации секта – конфессия – религия, определяющей уровень развития религиозной организации. Так, в докладе о характеристике религиозных сект, действующих в Полесском воеводстве (середина 1930-х гг.), представлена структура сектантского движения, в которой секты разделены на протестантские (евангельские христиане и баптисты, адвентисты, исследователи Священного Писания), католические (мариявиты, польский национальный костел) и православные (старообрядцы)⁷.

Кроме того, при анализе нормативно-правовых актов и документов не выявлено лингвосемантических элементов, транслирующих восприятие авторами текстов позднепротестантских движений как деструктивных для религиозного сознания, термин «секта» в правовых актах имеет нейтральный характер. Таким образом, употребление данного термина в официальном правовом дискурсе в отношении позднепротестантских движений означало скорее признание низкой степени их институционализации, нежели характеристику их деструктивности.

В то же время на местном уровне в документации воеводских управлений и поветовых староств термин «секта» приобретает иную коннотацию: при характеристике сектантства употребляются формулировки «вредная», «враждебная для польской государственности», «враждебная для общества», «серьезная опасность»⁸ и т. д. При описании

политики в отношении сектантства используются выражения «сдерживание движения», «борьба»⁹, «уничтожение»¹⁰, что свидетельствует о негативном восприятии протестантских движений. Соответственно, на местном уровне, особенно в восточных воеводствах, термин «секта» приобретает негативную коннотацию.

Изменение смысловой нагрузки термина «секта» в отношении евангельских движений в официальных документах локального уровня, трансляция субъективного отрицательного отношения к сектантству обусловлено в первую очередь закреплением в Российской империи восприятия евангелизма как негативного явления. Также трансляции термина «секта» как негативного в административной деятельности местных властей содействовали резко отрицательное отношение клира православной церкви к сектантству, активная антисектантская деятельность¹¹ его представителей, конфессиональные характеристики местного административного аппарата (преимущественно православные).

Следует отметить, что в отношении позднепротестантских движений в официальном дискурсе преобладали нейтральные номинации движений, основанные на правовом статусе, и термин «секта» при этом включал в себя институциональную характеристику движения. Его употребление с негативной коннотацией имело место исключительно на уровне местных властей, что определялось исторически сформированным отрицательным восприятием позднепротестантских движений в результате российской конфессиональной политики.

Что касается политической и социокультурной среды, то формирование дискурса государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси в 1921–1939 гг. осуществлялось в условиях интеграции в польское государство и общество западнобелорусских территорий с иными социокультурными характеристиками, а также в условиях проведения государственной политики национальной ассимиляции.

Западная Беларусь не была моноконфессиональным и мононациональным регионом. По данным переписи населения 1921 г., общее число белорусов составляло 1 281 900 человек (57,3 %), поляков – 692 900 человек (30,9 %), евреев – 241 500 человек (10,8 %), представителей других национальностей – 23 700 человек (1,0 %). Большинство белорусов проживали в Полесском воеводстве (42,6 %), поляки доминировали в Новогрудском воеводстве (54,0 %) и в белорусских поветах Белостокского (76,9 %) и Виленского (46,7 %) воеводств. П. Эберхарт на основа-

⁷ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2313.

⁸Там же. Ф. 2059. Оп. 1. Д. 81. Л. 230 ; Там же. Оп. 2. Д. 2309. Л. 23–25.

⁹Там же. Оп. 1. Д. 81. Л. 186.

¹⁰Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2308. Л. 85 ; Там же. Оп. 10. Д. 2313. Л. 11.

¹¹Там же. Ф. 2059. Оп. 1. Д. 81. Л. 22, 129, 143, 155, 197.

нии анализа переписи населения 1921 г. заключил, что количественно в Полесском и Новогрудском воеводствах, в белорусских поветах Белостокского и Виленского воеводств белорусы составляли около 1 350 000 человек, поляков насчитывалось около 600 000 человек, евреев – около 240 000 человек¹². Конфессионально в Западной Беларуси, согласно переписи населения 1921 г., 1 281 900 человек (57,3 %) принадлежали к Русской православной церкви, 692 900 человек (30,9 %) – к Римско-католической церкви, 241 500 человек (10,8 %) составляли иудеи, 23 700 человек (1,0 %) – представители других религий¹³.

Восприятие позднепротестантских общин и верующих как социальных оппонентов в парадигме свой – чужой и построение коммуникации в этноконфессиональной ситуации Западной Беларуси базировалось на том факте, что в позднепротестантские общины входило преимущественно белорусское православное население, соответственно, оппонентами – чужими – были члены одного общества с точки зрения этнических и социально-экономических характеристик. На этом основании большинством западнобелорусского населения протестанты воспринимались как члены социально-

психологической группы «мы», что реализовывалось через толерантное отношение к ним. Однако иная, нетрадиционная для региона вера была основанием для обвинения в вероотступничестве¹⁴, и протестанты воспринимались как чужие с позиции православного концепта инославия¹⁵ [15, с. 45]. Это, в свою очередь, обусловило трансляцию субъективной позиции представителей местной власти в административных процессах.

Этноконфессиональная ситуация в регионе (соперничество православия и католицизма) усложнялась наличием этноконфессиональной дихотомии белорус (русский) – православный и поляк – католик. В этих условиях религиозному фактору в политике национальной ассимиляции, осуществляемой в Западной Беларуси, придавалось особое значение. И хотя доля приверженцев позднего протестантизма не превышала 1 % от численности населения региона (7807 человек в 1929 г.), местный, белорусский, православный базис движения воспринимался как фактор возможного усиления национальных меньшинств, что противоречило интересам национальной политики Польши и стало определяющим фактором в дискурсе государственной политики в отношении позднепротестантских движений.

Заключение

Дискурс государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси в 1921–1939 гг. формировался в условиях становления государственно-конфессиональной системы и интеграции в политическое и социокультурное пространство Польши региона с отличными этноконфессиональными характеристиками. Внутренними факторами, воздействующими на правовой дискурс, стали, во-первых, тенденция к либерализации политического устройства государства и государственно-конфессиональных отношений, во-вторых, демографические характеристики позднепротестантского движения Западной Беларуси и его позиционирование в политической и национальной структуре общества. Этноконфессиональные характеристики позднепротестантского движения (белорусский православный базис), несмотря на его позицию лояльности к государству и отсутствие активной политической и национальной деятельности, воспринимались польским государством сквозь призму политики национальной ассимиляции как фактор возможного усиления национального меньшинства, что противоречило интересам национальной политики Польши. Основ-

ными внешними факторами стали сильное влияние Римско-католической церкви на нормотворчество и административные процессы.

Правовой дискурс государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси характеризовался следующими чертами:

- наличием противоречивых аспектов: либеральное понимание, нормативно-правовое закрепление статуса позднего протестантизма как интегративного элемента религиозной структуры польского общества сочетается с усилением тенденции к закреплению статуса позднего протестантизма Западной Беларуси как нежелательного элемента в религиозном и политическом пространстве со второй половины 1920-х гг. и до конца межвоенного периода в свете национальной политики Польши (реализовывалось посредством введения ограничительных положений подзаконных правовых актов);
- двойственным восприятием движения субъектами дискурса: с одной стороны, в отношении евангелизма выявлено отсутствие негативных коннотаций в официальном правительственном дискурсе, с другой стороны, фактор национальной политики

¹²Eberhardt P. Przemiany narodowościowe na Białorusi. Warszawa : Ed. Spotkania, 1994. S. 62.

¹³Эберхардт П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1897–1989 / пад рэд. У. Люкевіча. Берасце : Беларус. фонд Сораса, 1998. 282 с.

¹⁴Государственный архив Гродненской области. Ф. 551. Оп. 1. Д. 1186. Л. 12.

¹⁵Отвѣтное посланіе Святы́шаго Правіцельсцуюшага Снвда ко Вселенскай Патрыярхіі [Электронный ресурс]. URL: https://russportal.ru/index.php?id=church_history.synod1903_02_25_01 (дата обращения: 12.03.2022).

и особенности социокультурной среды белорусских воеводств содействовали негативному восприятию движения на локальном административном уровне, отнесению его к сектантству как к нежелательному элементу религиозной среды и воздействовали на процесс реализации государственной политики Польши;

- дифференцированным характером и способами коммуникации на разных уровнях власти: на уровне центральных органов власти при отсутствии негативного восприятия позднепротестантского движения (за исключением представителей Римско-католической церкви) наблюдается активная коммуникация в процессе формирования правового статуса при легализации и оформлении нормативно-правовой базы их деятельности, в то время как на уровне местных властей коммуникация осуществлялась преимущественно в одностороннем порядке с применением методов ограничения деятельности, административные процессы велись с нарушением законодательства;

- трансляцией субъективного отношения к позднепротестантским движениям в дискурсе при проведении административных процедур, что обусловлено как политической позицией субъектов власти, так и этноконфессиональной дифференциацией субъектов коммуникации (должностных лиц и представителей позднего протестантизма в Западной Беларуси);

- воздействием на формирование и содержание дискурса двух основных субъектов религиозного поля Польши и Западной Беларуси – Римско-католической церкви (при формировании нормативно-правовых основ государственной политики в отношении позднего протестантизма) и Русской православной церкви (при реализации взаимодействия с общинами в рамках административных процессов на локальном уровне).

В коммуникативном процессе формирования и реализации государственной политики наблюдается двойственное отношение субъектов власти к позднепротестантскому движению Западной Беларуси: от восприятия как интегрированной части религиозной среды до отнесения к числу нежелательных элементов религиозного поля. На смысловое содержание дискурса оказали воздействие национальная политика Польши, трансформация религиозной структуры западнобелорусского общества, демографические факторы, а также психосоциальное восприятие позднего протестантизма как нового религиозного актора в традиционной социокультурной среде.

С учетом данных особенностей правового дискурса в государственной политике по отношению к позднепротестантским движениям Западной Беларуси на протяжении 1921–1939 гг. осуществлялся

переход от либеральной концепции интеграции новых религиозных акторов в религиозную среду общества на основе их легализации к концепции ограничения их участия в религиозных и социокультурных процессах западнобелорусского региона как правовыми, так и неправовыми средствами.

Таким образом, на основе изучения теоретических аспектов методологии дискурс-анализа и практического применения методики при исследовании дискурса государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси в 1921–1939 гг. можно отметить основные методологические аспекты дискурс-анализа.

Дискурс-анализ, как качественный метод исследования, направлен не столько на выявление определенного содержания или аутентичного смысла текста, сколько на объяснение того, в соответствии с какими правилами, в каких условиях, при каких обстоятельствах создание данного текста становится возможным и что при этом явилось внутренней и (или) внешней движущей силой. Это позволяет исследователю определить характерные черты развития субъектов конфессионального поля на конкретном историческом этапе, выявить причины межконфессиональных конфликтов, прояснить, как государственные акты и проводимая религиозная политика оказывали воздействие на конфессиональную структуру общества и тем самым определить скрытый смысл, заложенный в нарративных источниках, и его проявление в процессе реализации общественных отношений.

Методологическими принципами дискурс-анализа являются проблематизация и оценка дискурса как диалогического коммуникативного акта, предполагающего комплексное взаимодействие участников в условиях исторического, политического, социально-экономического и культурного контекста, реализованное в конкретном нарративе. Это вызывает необходимость применить междисциплинарную стратегию, направленную на изучение текста и его компонентов с использованием лексического, семантического и контекстного анализа, а также разработок и методов других наук (социология, психология, юриспруденция и др.) при изучении всех неотъемлемых элементов дискурса (субъект – деятельность – текст – среда).

В результате применения метода дискурс-анализа, разработанного на основании теоретической модели дискурса М. Халлидея с использованием методологии КДА и методики дискурсного анализа Т. А. ван Дейка, при изучении дискурса государственной политики в отношении позднепротестантских движений Западной Беларуси в 1921–1939 гг. были охарактеризованы основные внешние и внутренние факторы формирования государственного дискурса, определен характер психосоциального восприятия

позднего протестантизма как нового религиозно-актора в традиционной социокультурной среде, что позволило выяснить латентный смысл дискурса и причины двойственного характера коммуникации государства и позднепротестантских организаций, проявившегося в трансформации либеральной по-

литики Польши в концепцию ограничения участия названных движений в религиозных и социокультурных процессах западнобелорусского региона. Подтверждена эффективность применения дискурс-анализа, который позволил всесторонне изучить предмет исследования конфессиональной истории.

Библиографические ссылки

1. Кожемякин ЕА. Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект. *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. 2008;15:5–12.
2. Фуко М. *Археология знания*. Ракова МБ, Серебрянникова АЮ, переводчики. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия; 2004. 416 с.
3. Fairclough N. *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage; 2013. 200 p.
4. Fairclough N. *Language and power*. London: Longman Group UK Limited; 1989. 259 p.
5. Reisigl M, Wodak R. *The discourse-historical approach (DHA)*. In: Wodak R, Meyer M, editors. *Methods for critical discourse analysis*. London: Sage; 2009. p. 87–121.
6. Дубровская ТВ. Методы исследования языка правовой сферы: рече-жанровая модель. В: Шумская Д, редактор. *Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века*. Краков: Издательство Ягеллонского университета; 2012. с. 55–68.
7. Wodak R, Meyer M, editors. *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage; 2001. 200 p.
8. Ионова АО. Современные подходы к анализу политического дискурса. *Политическая наука*. 2016;3:236–259.
9. Datondji AC, Amousou F. Discourse-historical approach to critical discourse studies: theoretical and conceptual analysis, basic characteristics and analytical tools. *Revue Internationale de Linguistique Appliquée, de Littérature et d'Éducation*. 2019;2(1):70–80.
10. Храмова НГ. *Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения*. Курган: Издательство КурГУ; 2012. 180 с.
11. Григорьева ВС. *Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты*. Тамбов: Издательство Тамбовского государственного технического университета; 2007. 118 с.
12. Лисовская ТВ. *Поздний протестантизм в Западной Беларуси (1921–1939 гг.)*. Брест: Альтернатива; 2021. 190 с.
13. Загідулін АМ. *Беларускае пытанне ў польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.)*. Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы; 2010. 166 с.
14. Лісоўская ТВ. Месца і роля евангельскіх рухаў у рэлігійным полі Заходняй Беларусі. У: Бокун АІ, рэдактар. *Евангельская царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць (да 500-годдзя Брэсцкай Бібліі)*. Мінск: Пазітыў-цэнтр; 2021. с. 286–309.
15. Лісоўская ТВ. Міжканфесійныя камунікацыі: пратэстантызм ў поліканфесійным грамадстве Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. У: Бокун АІ, рэдактар. *Евангельская царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць (да 500-годдзя Брэсцкай Бібліі)*. Мінск: Пазітыў-цэнтр; 2021. с. 43–62.

References

1. Kozhemyakin EA. [Discourse analysis as an interdisciplinary methodology: a historical aspect]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008;15:5–12. Russian.
2. Fuko M. *Arheologiya znaniya* [Archaeology of knowledge]. Rakova MB, Serebryannikova AYU, translators. Saint Petersburg: Humanitarian Academy; 2004. 416 p. Russian.
3. Fairclough N. *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage; 2013. 200 p.
4. Fairclough N. *Language and power*. London: Longman Group UK Limited; 1989. 259 p.
5. Reisigl M, Wodak R. *The discourse-historical approach (DHA)*. In: Wodak R, Meyer M, editors. *Methods for critical discourse analysis*. London: Sage; 2009. p. 87–121.
6. Dubrovskaya TV. [Methods for studying the language of the legal sphere: speech-genre model]. In: Shumskaya D, editor. *Yazyk i metod. Russkii yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka* [Language and method. Russian language in linguistic research of the 21st century]. Krakov: Publishing House of Jagiellonian University; 2012. p. 55–68. Russian.
7. Wodak R, Meyer M, editors. *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage; 2001. 200 p.
8. Ionova AO. Contemporary approaches to the analysis of political discourse. *Political Science*. 2016;3:236–259. Russian.
9. Datondji AC, Amousou F. Discourse-historical approach to critical discourse studies: theoretical and conceptual analysis, basic characteristics and analytical tools. *Revue Internationale de Linguistique Appliquée, de Littérature et d'Éducation*. 2019;2(1):70–80.
10. Hramtsova NG. *Diskurs-pravovoi analiz: ot teorii k praktike primeneniya* [Discourse-legal analysis: from theory to practice of application]. Kurgan: Publishing House of Kurgan State University; 2012. 180 p. Russian.
11. Grigor'eva VS. *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalinguisticheskii i kognitivnyi aspekty* [Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects]. Tambov: Publishing House of Tambov State Technical University; 2007. 118 p. Russian.
12. Lisouskaya TV. *Pozdnii protestantizm v Zapadnoi Belarusi (1921–1939 gg.)* [Late Protestantism in Western Belarus (1921–1939)]. Brest: Al'ternativa; 2021. 190 p. Russian.

13. Zagidulin AM. *Belaruskae pytanne w pol'skaj nacynal'naj i kanfesijnaj palitycy w Zahodnjaj Belarusi (1921–1939 gg.)* [Belarusian question in the Polish national and confessional in Western Belarus (1921–1939)]. Hrodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2010. 166 p. Belarusian.

14. Lisouskaya TV. [The place and the role of Evangelical movements in the religious field of Western Belarus]. In: Bokun AI, editor. *Evangel'skaja carkva Belarusi: gistoryja i suchasnasc' (da 500-goddzja Brjesckaj Biblii)* [Evangelical Church of Belarus: history and present (to the 500th anniversary of Brest Bible)]. Minsk: Pazityw-cjentr; 2021. p. 286–309. Belarusian.

15. Lisouskaya TV. [Inter-confessional communications: Protestantism in the poly-confessional society of Western Belarus in 1921–1939]. In: Bokun AI, editor. *Evangel'skaja carkva Belarusi: gistoryja i suchasnasc' (da 500-goddzja Brjesckaj Biblii)* [Evangelical Church of Belarus: history and present (to the 500th anniversary of Brest Bible)]. Minsk: Pazityw-cjentr; 2021. p. 43–62. Belarusian.

Статья поступила в редколлегию 16.06.2022.
Received by editorial board 16.06.2022.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(438):327.5/.8«1938–1939»

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ НАКАНУНЕ ЧЕТВЕРТОГО РАЗДЕЛА: МЕЖДУ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ (1938–1939)

М. КМЕТОВА¹⁾, М. СЫРНЫ¹⁾

¹⁾Университет Матей Бела, ул. Народна, 12, 97401, г. Банска-Бистрица, Словакия

После Первой мировой войны Польша была восстановлена и относилась к средним государствам Европы как по площади, так и по человеческому и экономическому потенциалу. В начале 1920-х гг. Польская Республика смогла присоединить большие территории Западной Украины, Беларуси и Литвы, а также расширилась за счет спорных германских земель, но ее геополитическое положение было очень уязвимым. Германия и Советский Союз постепенно наращивали военную мощь и приобретали все большее значение в европейской политике, а во второй половине 1930-х гг. стали доминирующими силами в Центральной и Восточной Европе. В таких условиях Польша пыталась поддерживать внешнеполитический баланс в отношениях с обоими государствами и маневрировала от нейтралитета к дружбе с этими великими державами (в основном это касается Германии). В то же время она пыталась действовать как региональное государство, стремясь консолидировать вокруг себя более мелкие дружественные страны, что, однако, не увенчалось успехом. Напротив, из-за постепенного ослабления союза с Францией и враждебной политики по отношению к Чехословакии осенью 1938 г. Польша оказалась в значительной степени изолированной. В 1939 г. Польша уже не могла помешать договоренности Берлина и Москвы о ее новом разделе.

Ключевые слова: межвоенная Польша; нацистская Германия; Советский Союз; международные отношения; территориальный ревизионизм; зоны влияния великих держав.

Образец цитирования:

Кметова М, Сырны М. Внешняя политика Польши накануне четвертого раздела: между нацистской Германией и Советским Союзом (1938–1939). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023; 1:19–27 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-19-27>

For citation:

Kmeťová M, Syrný M. Polish foreign policy on the eve of the 4th division: between nazi Germany and the Soviet Union (1938–1939). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;1:19–27.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-19-27>

Авторы:

Марианна Кметова – докторант факультета политологии и международных отношений.
Марек Сырны – кандидат исторических наук; доцент факультета политологии и международных отношений.

Authors:

Marianna Kmeťová, doctoral student at the faculty of political science and international relations.
marianna.kmetova@umb.sk
Marek Syrný, PhD (history); associate professor at the faculty of political science and international relations.
marek.syrny@umb.sk

ЗНЕШНЯЯ ПАЛІТЫКА Польшчы НАПЯРЭДАДНІ ЧАЦВЁРТАГА ПАДЗЕЛУ: ПАМІЖ НАЦЫСЦКАЙ ГЕРМАНІЯЙ І САВЕЦКІМ САЮЗАМ (1938–1939)

М. КМЕТАВА^{1*}, М. СЫРНЫ^{1*}

^{1*}Універсітэт Мацея Бела, вул. Народна, 12, 97401, г. Банска-Бістрыца, Славакія

Пасля Першай сусветнай вайны Польшча была адноўлена і адносілася да сярэдніх дзяржаў Еўропы як па плошчы, так і па чалавечым і эканамічным патэнцыяле. У пачатку 1920-х гг. Польская Рэспубліка змагла далучыць вялікія тэрыторыі Заходняй Украіны, Беларусі і Літвы, а таксама пашырылася за кошт спрэчных германскіх зямель, але яе геапалітычнае становішча было вельмі слабым. Германія і Савецкі Саюз паступова павялічвалі ваенную моц і набывалі ўсё большае значэнне ў еўрапейскай палітыцы, а ў другой палове 1930-х гг. сталі дамінаваць у Цэнтральнай і Усходняй Еўропе. У такіх умовах Польшча спрабавала падтрымліваць знешнепалітычны баланс у адносінах з абедзвюма дзяржавамі і манеўравала ад нейтралітэту да сяброўства з імі (у асноўным гэта тычыцца Берліна). У той жа час яна спрабавала дзейнічаць як рэгіянальная дзяржава, імкнучыся кансалідаваць вакол сябе драбнейшыя дружалюбныя краіны, што, аднак, не ўвянчалася поспехам. Наадварот, у выніку паступовага паслаблення саюза з Францыяй і варажай палітыкі ў адносінах да Чэхаславакіі восенню 1938 г. Польшча аказалася ў значнай ступені ізаляванай. Такім чынам, у 1939 г. Польшча ўжо не магла перашкодзіць дамоўленасці Берліна і Масквы аб яе новым падзеле.

Ключавыя словы: міжваенная Польшча; нацысцкая Германія; Савецкі Саюз; міжнародныя адносіны; тэрытарыяльны рэвізіянізм; зоны ўплыву вялікіх дзяржаў.

POLISH FOREIGN POLICY ON THE EVE OF THE 4th DIVISION: BETWEEN NAZI GERMANY AND THE SOVIET UNION (1938–1939)

М. КМЕŤOVÁ^a, М. SYRNY^a

^aMatej Bel University, 12 Národná Street, Banská Bystrica 97401, Slovakia
Corresponding author: M. Syrny (marek.syrny@umb.sk)

After the World War I, Poland was restored and within European countries belonged to medium-sized states in terms of its area, but also human and economic potential. Although at the beginning of the 1920s, the Second Polish Republic was able to gain large areas of Western Ukraine, Belarus, and Lithuania from Russia and also acquired part of the disputed territories with Germany, its geopolitical position was very vulnerable. Initially defeated or the bypassed superpowers of Germany and the Soviet Union gradually gained in importance and military power in European politics, until in the second half of the 1930s they became dominant in dealing with the foreign political affairs of Central and Eastern Europe. Surrounded by these revisionist neighbours, Polish foreign policy tried to maintain a balance towards both and maneuvered from neutrality to friendship with these great powers (mainly towards Berlin). At the same time, it tried to act as a regional power, with the ambition of concentrating smaller friendly states on itself, but without success. On the contrary, by the gradual loosening of the alliance with France or even the hostile policy towards Czechoslovakia in the fall of 1938, Poland became largely isolated. Finally, in 1939, it was no longer able to prevent the agreement of Berlin and Moscow on its new division between the neighbouring powers.

Keywords: inter-war Poland; nazi Germany; Soviet Union; international relations; territorial revisionism; great power's zones of influence.

Polish foreign policy in the 1930s

At first glance, the position of interwar Poland in the international political system of Europe could appear to be solid. A relatively large country with 35 mln inhabitants and probably the fifth most powerful army on the continent could (and did) aspire to the position of a regional power. This demographic and military potential (the ability to mobilise up to 2 mln soldiers) supported

the great power ambitions of the Warsaw governments, which for this reason refused to bind themselves in multilateral blocs of collective security. Thus, throughout the interwar period, Poland played the role of an important factor on the European power chessboard, even though the state's economic performance in particular significantly undermined this position [1, s. 15].

In the course of the 1930s and the 1940s the European geopolitical area experienced some significant changes resulted in the limited development of the Republic of Poland within the foreign policy. We primarily mean economic and political strengthening of Germany leading to growing expansive tendencies aimed at the east, and also revisionist plans of the Soviet Union in the context of the results of Polish-Soviet war and the consequent Treaty of Riga signed in 1921. Following development of not only Central Europe but Europe itself was significantly affected by union of three factors mutually influencing – the great depression, the raise of fascist movements across Europe and the raise of international tension. The fact was that the states of Central Europe appeared in the worst situation – surrounded by totalitarian regimes – the fascist regime in Italy, the nazi regime in Germany and the communist regime under the Stalin dictatorship in the USSR [2, s. 423].

Poland, in particular, was in a very unpleasant situation, which was in the sight of the foreign policy of both Nazi Germany and the communist Soviet Union. Both states had territorial claims against Poland, or they expressed displeasure with its restoration after the World War I at the expense of defeated Germany or Russia weakened by the civil war. After the failure of initial efforts to close the so called Eastern Locarno under French patronage, Polish foreign policy began to be oriented towards achieving acceptable relations with both neighbouring revisionist powers and was quite successful in this (in 1932 it signed a non-aggression pact with Moscow¹ and in 1934 similar with Germany). At first glance, the peaceful existence of Poland was largely ensured. However, the reality was that both totalitarian and revisionist regimes never stopped considering Poland as problematic for them. The nazis considered the very existence of the Polish state to be a significant obstacle in achieving German «vital» interests². Moscow, on the other hand, constantly railed against the alleged pro-German policy of Warsaw, criticised the government and foreign policy of Poland, which considered as «anti-people», with insufficient interest in good relations with the Soviets³.

This situation automatically led to need for reassessment of the foreign policy of the Republic of Poland in those days and also creation of such a foreign doctrine that would introduce the possibility of escaping

from the complicated geopolitical situation. At that time there were three basic geopolitical scenarios for the middle-size Republic of Poland: seeking for support of one of the neighbouring powers, an accord with both great neighbours, establishment of the defensive bloc created by small states of the region under the command of Poland aimed against of Germany and the Soviet Union.

When assessing Polish foreign policy in 1930s, or shortly before the outbreak of World War II, it can be stated that the second and third scenario was applied by Polish diplomacy. In the course of the 1930s minister of foreign affairs J. Beck introduced an alternative based on creating the two main powers within the European political scene. The alternative included a coalition of revisionist states led by nazi Germany on one side and a coalition of Western powers led by Great Britain and France on the other one. His idea lay in the necessity of creating another coalition among these two groups that he called Third Europe. That is precisely conception of so called Third Europe, or Intermarum, that was supposed to guarantee the sovereignty and safety of the (Second) Republic of Poland in the context of changing geopolitical environment as well as worsening depression on the European continent. This coalition should have been based on cooperation of the Republic of Poland with Hungary and Romania alongside with support of Italy and Yugoslavia [3, s. 134–135].

The basic premise of the J. Beck's conception of so called Third Europe lay in the fact that the geographic and geopolitical area of Central Europe is formed by the bigger number of smaller states that are, in many cases, the tool of foreign policy of the bigger powers. This is the reason to concentrate smaller states into the bloc led by Poland directly⁴.

Taking previous facts into consideration, it is undisputable that the project of Third Europe was a very ambitious but realised with considerable difficulty conditioned by several momentous reasons:

- the Republic of Poland lacked sufficient economic and military potential for realising this idea and this fact showed unreal political ambitions of authorities of the Second Republic of Poland;
- it was a big mistake not to take Czechoslovakia as an important player in Central European geopolitical region into consideration;

¹According to that agreement, both sides officially renounced war as a tool for resolving mutual conflicts and pledged to refrain from any commitment directed against the other side. In addition, all political disputes were to be solved by peaceful and diplomatic means in the future. See: *Materski W.* Poland and the Soviet Union in the late 1920s and early 1930s // *White spots black spots (difficult matters in Polish-Russian relations, 1918–2008)* / ed. by A. D. Rotfeld, A. Torkunov. Pittsburgh : Univ. of Pittsburgh Press, 2015. P. 64–67.

²Foreign minister G. Stresemann was also among them. See: *Wandycz P. S.* Poland in international politics // *Canad. Slavonic Rev.* 1972. No. 3. P. 410.

³Archiv Ministerstva zahraničních věcí Praha (A MZV). F. Politické zpravodajství – Moskva. Box 36. Periodická zpráva za měsíc duben – červen 1936 ; *Ibidem.* Box 36. Periodická zpráva za měsíc leden – březen 1936 (At a plenary session of the Central Executive Committee on 10 January 1936, Prime Minister V. Molotov effectively identified Poland as an agent of Germany's expansionist policy towards the Soviet Union, including the support of Polish nationalists for plans to conquer some Russian territories.) ; *Ibidem.* Periodická zpráva za měsíc červenec – září 1936 (Overall, in the Soviet press of the second half of the 1930s, Poland was already presented as a non-independent foreign-political entity that was fully subordinated to German interests.) ; *Ibidem.* Osmý mimořádný sjezd sovětů.

⁴See: *Kornat M.* Realny projekt czy wizja ex post? Koncepcja «Trzeciej Europy» Józefa Becka (1937–1938) // *Spraw. Komis. Środokowo-Europ. Pol. Akad. Umiejętności.* 2007. T. 17. S. 149–187.

- the conception collided with political aims of the Little Entente as well as German Mitteleuropa;
- the Polish expansive effort was perceived negatively by more smaller states in Central Europe;
- the heterogeneity of political, economical, national, cultural or historical perspective was typical of the states intended to be concentrated in this bloc;
- the conception of Third Europe failed in its realisation because Hungary and Romania having their own ambitions joined the side of Nazi Germany shortly before the outbreak of World War II [3, s. 136–138].

At the beginning of 1938 it became clear that power ambitions of Nazi Germany would pose a lot bigger problem as other European powers supposed and would make urgent threats against European democracies. As for the A. Hitler's book «Mein Kampf» it was evident that his expansive ambitions would infringe the revised terms of the Treaty of Versailles. The aggressive behaviour of Germany was primarily focused on the immediate neighbouring states – Austria, Czechoslovakia and Poland [2, s. 425].

Nature of Polish-German alliance started changing due to the fact that Germany was obtaining more powerful position within European geopolitical area and it became obvious that the position of the Republic of Poland was considerably weakened by increasing power potential of its Western neighbour. So in the course of the summer 1938 the authorities of the Polish diplomacy were seeking new ways of realising their foreign policy offering an escape from this unfavourable situation primarily in the context of increasing threat of a German possible attack on Poland. The Polish leaders remained hopeful that A. Hitler's anti-Polish statements although becoming more and more intensified would keep the nature of propaganda despite the fact, that at the time a lot of European statesmen were aware of threat of war conflict that became a reality in a few months [4, s. 303].

Events resulting in the outbreak of a world-wide conflict escalated gradually in the course of the years

1938–1939 and reflected the failure of the Treaty of Versailles itself.

At the beginning of 1938 the Soviet attitude towards the crisis on the European continent was relatively vague but in May 1938 Polish ambassador in Moscow W. Grzybowski informed the Polish government that the Soviets were closely monitoring the worsening situation in Central Europe and their strategy was based on playing of a waiting game how the conflict would develop and consequently they would approve the most advantageous strategy for them [5, p. 110].

At that time Moscow went all out to avoid being included in the serious international conflict. In this context it is necessary to comment that in the course of the 1930s the Soviet Union succeeded in overcoming the international isolation and gradually entrenched in the system of international relations⁵. Subsequently, its internal problems resulting in persecution and purges within political⁶ and military structures and affecting also the number of officers of the Red Army, put the Soviet Union in a negative light in the eyes of the international commonwealth [2, s. 424].

In connection with the ongoing «cleansing» processes, it is also necessary to be aware of the changes that occurred in the second half of the years in Moscow's relationship to the Polish question. While before A. Hitler's rise to power and Berlin's evident preparations for war expansion, I. Stalin and his surroundings considered Poland to be the greatest danger to the Soviet Union in the West, the massive onset of the Nazi threat changed these priorities. While in internal Soviet politics the solution to the Polish question was treated as harshly as in the previous period (tens of thousands of Poles on the territory of the USSR accused of spying for Poland fell victim to it), in international Moscow politics already considered Warsaw as a secondary enemy, with which, unlike Germany, it will not be a problem to deal with if necessary [6, s. 218–219].

Czechoslovak crisis of 1938 and Poland

The greatest failure of the European powers was a long-term acceptance of German revisionist effort in revising the Versailles system for the purpose of avoiding the outbreak of World War II known as the policy of appeasement of the Western powers. The policy of appeasement resulted in several following events that foreshadowed the development in Europe for the

following period. The crucial reason was unwillingness of Great Britain to be too closely engaged in European affairs as well as the effort to avoid an international conflict within Europe. Last but not least, it was also an approach of British diplomats performing various prejudice against the representatives of succession states.

⁵In this context it means establishing diplomatic relations, including the USA, Czechoslovakia or Romania. In 1933 the Soviet Union became a member of the League of Nations. See: *Křen J. Dvě století střední Evropy. Praha : Argo, 2019. P. 424.*

⁶MZV. F. Politické zpravodajství – Moskva. Box 36. Proces proti trockistům – zinovievovcům 24.8.1936 (Even the highest representatives of the Communist party, especially open or potential party competitors of I. Stalin, did not escape the accusations. G. Zinoviev, L. Kamenev and many others were accused of planning assassinations of I. Stalin and his entourage, for which they were supposed to join forces with Trotskyists in exile and even with the German Gestapo. Their first victim was supposed to be S. Kirov, who, according to the indictment, was murdered on the direct instructions of L. Trotsky and G. Zinoviev.) ; Ibidem. Box 37. Nový proces s trockistami v Moskvě (New and new processes with the so called Trotskyists, Zinovievists, etc. they also had their foreign political context, when they took into account the creation of the Pact against the Comintern and the connection of domestic vandals with foreign agents sent or financed by Germany and Japan.).

The expansionist efforts of Nazi Germany were first fully manifested in March 1938, when Austria was annexed to the Third Reich. This violated the Versailles peace treaty of 1919, which expressly forbade the union of these nations. Despite the fact that the former countries of the Entente were directly responsible for observing the rules and principles of the Versailles system, apart from diplomatic notes of protest, there were no fundamental steps taken by them that would in any way sanction Germany for violating the peace treaties. However, the Anschluss of Austria represented only the beginning of events that escalated over the following months to such dimensions that they finally plunged Europe into war.

Another and perhaps the most striking manifestation of the failure of the foreign policy of the Western democratic powers was the convening of a conference of four decisive European powers (Great Britain, France, Germany, Italy) in Munich at the end of September 1938. The conference was supposed to resolve the issue of ethnic Germans living in the border areas of Czechoslovakia. Indeed, A. Hitler's Germany persistently claimed that citizens of German nationality living in the Sudetenland region were discriminated by the Czechoslovak government, and for the sake of their protection they demanded the annexation of the mentioned regions to the German Empire. Based on the negotiations of the Munich conference, a decision was made, on the basis of which Czechoslovakia had to cede approximately 30 % of its territory, almost 1/3 of the population and 2/5 of the important industrial infrastructure to A. Hitler. Not to mention the fatal losses on the military defense infrastructure in the border area. The Western powers counted on the fact that these territorial gains would satisfy A. Hitler's demands and that no armed conflict would occur. In reality, however, the outcome of the Munich conference was a huge victory for A. Hitler, as he achieved territorial gains without using of military force, and with the approval of the Western powers. For that reason, Munich is still today a symbol of the failure of the policy of appeasement, as an example of the wrong approach of democratic countries towards dictatorships [2, s. 442–446].

As far as Poland and the USSR are concerned, both countries were on the fringes of the interest of the Western powers in the matter of the Munich agreement. Moscow was bypassed in deciding the fate of Czechoslovakia and very disillusioned with the new European «concert of great powers». Ultimately, the retreat of the West and the abandonment of Central Europe to A. Hitler caused a divergency of Soviet foreign policy from the promotion of collective security to an inclination towards the purpose-built superpower agreements [7, p. 251–252].

In the case of Poland, the reason for its bypass was mainly the conclusion of the Polish-German agreement of 1934, so it was assumed that the Poles would take a friendly approach to German claims. Overall, however, it can be concluded that in this period Warsaw tried to resolve its territorial disputes with Czechoslovakia without direct dependence on the Munich agreement. Shortly after the announcement of the results of the Munich conference, Poland took separate steps to assert its own interests. As early as 30 September 1938, the Polish ambassador in Prague submitted an ultimatum to the Czechoslovak government demanding the withdrawal of territory inhabited by ethnic Poles [8, s. 116]. Due to its unfavourable foreign policy situation, the Czechoslovak government accepted the ultimatum, thus giving its consent to change the Czechoslovak-Polish borders. This step of the Polish government was also a kind of protest against the Munich conference of the great powers, because through it the territorial organisation of Central Europe was revised, but without the participation of Poland [5, p. 110]. On the one hand, it can be concluded that J. Beck's Polish foreign policy was successful in the case of gains at the expense of Czechoslovakia, but at the cost of considerable isolation of Warsaw. Poland got into the role of the European «jackal», which fed on the remains of Czechoslovakia after this state had already been «torn apart» by the much more powerful Nazi Germany. This participation in the German anti-Czechoslovak policy did not bring Poland any better position even from the point of view of Berlin, let alone from the West and especially from Moscow [9, s. 287–288].

The decision made by the Republic of Poland about the territorial intervention against Czechoslovakia went according to A. Hitler's plans, and so Germany gave its support to Poland in this case. But regarding the Czechoslovak crisis the USSR supported the Czechoslovak government and before Poland annexed the region of Cieszyn, the USSR had warned the Polish government that in case of the Polish aggression towards Czechoslovakia the Soviet-Polish non-aggression pact from the year 1932 would be considered null and void⁷. In the end, Moscow did not carry out the threat and reassessed its participation in regulating the crisis in Czechoslovakia [10, p. 131–132].

From that moment on, Poland oscillated between the two camps contrary to each other formed on European continent. On the one hand it was Nazi Germany pushing its expansive claims forward and on the other Great Britain and France trying to keep peace in Europe. In the context of following event it was clear that also in this case Polish diplomacy would not succeed in keeping balance [5, p. 111].

⁷In addition, there were occasional reports from third countries that Moscow was ready to respond with its own military action against Poland in the event of a Polish military intervention. Compare: Monachium 1938. Polskie dokumenty dyplomatyczne / ed. by Z. Landau, J. Tomaszewski. Warszawa : PWN, 1985. S. 482.

The satisfaction of Poles from the conquest in Czechoslovakia was soon disturbed by the public in Poland criticising readiness of the Polish army for possible military conflict and subsequently also by worsening

strategic position of Poland within the reassessed system of the balance in Central Europe after the Munich agreement⁸. It became clear that Poland would be another target of A. Hitler's aggression [11, s. 465].

Poland between two millstones

It would be very important to emphasise the fact that the Polish diplomacy (based on the course of events) tried to improve international relations even with the USSR. Bilateral negotiations concluded that both countries would follow the path of mutual friendly relations under the terms of existing treaties, including the Polish-Soviet Non-aggression pact of 1932. In essence it was based on «policy of equilibrium» or «equal distance» promoted by J. Piłsudski although at the time it sided a bit more with Germany [10, p. 135].

Based on the Versailles system logic and principles, created without participation of the USSR, the Western powers had not consider the USSR to be an equal player of the European politics. It is also necessary to point out that at the time the Western powers (especially Great Britain and France) believed they would rectify the failures of the Versailles system and satisfy revisionist tendencies of Germany without any support by the USSR.

At that time, the USSR focused mainly on its own interests and played a specific role in the ongoing processes of grouping states in the international system. The specificity of the USSR's status at that time consisted mainly in the fact that, even though it was a significant political, economic and military power, its influence on the European political scene was largely delimited by isolation, stemming from the nature of the regime and the country's position outside the Versailles system. The unfavourable position of the USSR was partly influenced by the numerous anti-bolshevik attitudes of European politicians, most prominently A. Hitler. It was no coincidence that during the Munich crisis, A. Hitler probed with the Polish ambassador in Berlin about the possibilities of joining Poland to the so called Pact against the Comintern, directed against the USSR [5, p. 108–109].

In the context of the above-mentioned events it is important to answer the question what the real consequences of the Munich conference were. We believe that the Munich conference represented one of the most considerable consequences of the appeasement policy promoted by the Western powers. In addition it was also the example of the Versailles system failure as a whole.

The Munich agreement foreshadowed a new nature of the European political order and was also seen as the catalyst for destabilisation of Europe before the outbreak of the World War II.

As a consequence of the Munich agreement Great Britain and France suffered a political defeat. Thanks to the failure of the appeasement policy France became «the second category power». On the other hand Munich certainly represented a great victory of nazi Germany. They strengthened their geopolitical and strategic position in the region and increased their military capacity. The Munich outcomes had serious consequences for Polish and (mainly) Soviet foreign policy.

From the perspective of the USSR the Munich conference became the example of the failure of the Western democracies and so one of the causes for the gradual rapprochement of the USSR with nazi Germany [7, p. 252–253] and consequently, also so called the fourth division of Poland. This hypothesis could be proved by records of French ambassador in Moscow R. Coulondre. Shortly after the Munich conference he was approached by Soviet diplomat V. Potemkin who said the following: «My dear friend. What have you done? Now I do not see any other option for you, except the 4th division of Poland»⁹ [12, s. 354].

But the Munich conference did not appease the Germany pursuits of expansion as it was wrongly expected by the Western powers. A. Hitler kept on increasing his influence within Central Europe, especially in Hungary and Romania. This political development did not please the Poles who tried to reach treaties with both countries (Hungary and Romania) in accord with the conception of the Third Europe. The alliance of this kind should have helped Poland in their aspiration to earn status of an independent power in Central Europe.

During the following period A. Hitler gradually increased pressure on Poland. In October 1938 J. von Ribbentrop introduced his idea of an official agreement between Germany and Poland concerning moot questions. With an aim to keep correct relations with nazi Germany official talks were held between Polish ambassador to Germany J. Lipski and J. von Ribbentrop in October

⁸There were not many voices in the Polish government camp criticising Poland's anti-Czechoslovak policy in the fall of 1938, but they were also here and not insignificant. One of them was e.g. an important pre-war and especially later military leader of the Polish exile after the death of general K. Sikorski – general K. Sosnkowski. He criticised not only the participation in the division of Czechoslovakia alongside Germany, but rather advocated the creation of a closer Polish-Czechoslovak-French alliance, which would pacify Germany's aggressive plans, but also the increase in the importance of Soviet politics in territory, as this would divert Prague and Paris politics from closer cooperation with Moscow. See: *Miszewski D. Poglądy generała Kazimierza Sosnkowskiego na temat strategicznego znaczenia Czechosłowacji dla bezpieczeństwa Polski w latach 1938–1943 // Między przymusową przyjaźnią a prawdziwą solidarnością. Cześć – Polacy – Słowacy 1938/39–1945–1989 / ed. by P. Błażek. Warszawa : Inst. Pamięci Narodowej, 2007. S. 77.*

⁹Hereinafter translated by us. – M. K., M. S.

1938. The talks were focused on redefining principles of the Polish-German alliance.

New conditions of the mutual relations guaranteed Poland the status quo in their border definition and the German-Polish non-aggression pact of 1934 was extended to further 25 years. But none of those was for free. The German claims were as follows:

the incorporation of the Free City of Danzig into the Third Reich;

the construction of an extraterritorial traffic line between Poland and Germany (motorway and railway) through the Polish corridor in Pomerania [13, s. 854].

At the time Polish foreign minister J. Beck expected that the agreement would guarantee some balance in the Polish-German relations as well as it would work to Polish advantage. From today's perspective it is obvious that exactly from this period on we could recognise beginning of change of German representatives' attitude towards Poland. Since this moment it became more and more aggressive. So the Polish political representatives had to seek an answer to the question of credibility of the alliance with Germany and find out to what extent the Germans act against the Polish interests. The Germans emphasised that the refusal of such an agreement and failure to accept the German conditions would lead Germany to reappraise a guarantee of Poland's borders. The unenviable position of minister J. Beck in the course of negotiations was later described by a Polish historian S. Żerko as follows: «It would be very difficult to find a better example of disorientation, unconcern and overestimation of the role of (his) own country» [10, p. 137].

The final decision – not to accept German claims – was reached at the conference of political leaders of the Republic of Poland on 8 October 1938. It is necessary to emphasise that the decision to refuse German claims significantly influenced the future development of Polish-German relations and, in essence, it changed the dynamics of crisis within the European continent. Even from today's point of view it is questionable if that decision by the Polish government to refuse German claims was the right one. In any case we could assume had the Republic of Poland accepted these claims, Poland would have become a vassal state of the Third Reich and lost its sovereignty and independence even earlier than it really happened [10, p. 137].

After the Munich conference A. Hitler gained sufficient self-confidence to continue in policy of the Nazi Third Reich *lebensraum* diffusion. As a consequence, in November 1938, Poland lost its hopes to reach an agreement to make an alliance with Hungary. Hungary, together with Germany and Italy cooperated in organisation of the Vienna award which led to annexation

of some parts of Southern Slovakia and Carpathian Ruthenia by Hungary [13, p. 857–858].

Later on, in March 1939, after division of Czechoslovakia¹⁰, the Western powers realised that the further concessions would not guarantee peace in Europe. Based on the rapidly changing events the geopolitical area, including the Polish territory, became the matter of interest of all European powers. Great Britain became the most active player and together with France, at the beginning of August 1939, they guaranteed economic and military support to Poland as well as military aid in case of German attack. The leaders of Great Britain and France were well aware of importance to establish the system of security guarantees with an aim to prevent German hegemony in Europe. In the context of break up of Czechoslovakia it became obvious that the appeasement policy promoted by Western powers would not be tenable any more and had to be changed for a different strategy based on creation of military alliances [14, p. 203–204].

All this resulted in the growing importance of the USSR, not only from the perspective of Western democracies but also from the point of view of Nazi Germany. As the threat of war was rising the governments of Great Britain and France were pressed to change their perception of the USSR and consider it a factor of a broader anti-Hitler coalition. On the other hand Germany felt the danger of possible alliance of the Western democracies and bolsheviks and it sought its own way to reach an agreement with the USSR.

The alliance of the three totalitarian regimes – Nazism, fascism and Bolshevism – would have represented sufficient opposition to Western democracies [15, s. 4].

The representatives of the USSR were well aware of their advantage based on the period imbalance of powers in Europe and they used it during the ongoing negotiations in the process of political and military alliances creation. M. Litvinov in his correspondence with the Soviet ambassador in Berlin wrote: «It is quite clear to us that German aggression in Europe could not be stopped without us. The later their request for our help the higher price they would have to pay» [10, p. 141].

It emerged that his words were not too far from reality. As early as in the spring of 1939 Great Britain introduced a proposal of an agreement of mutual assistance between France, Great Britain, the USSR, Poland and Romania. I. Stalin, well aware of his importance played for time before taking decision who he would finally side with in the emerging conflict. In this context it is important to mention that peace in Europe was not the aim of the Soviet leadership. I. Stalin favoured a war because due the Peace of Riga of 1921 bolshevik revolution could not be exported to West. Russians, as well as

¹⁰To Poland itself the break up of Czechoslovakia brought the opportunity to improve its own strategic position in the region by spreading the Polish influence to the areas of Carpathian Ruthenia and Ukraine. Similar to previous foreign-policy conceptions also this idea failed in conditions then. See: *Prazmowska A. J. Poland's foreign policy: September 1938 – September 1939 // The Hist. Journ. 1986. No. 4. P. 854.*

Germans, longed for world dominance in accordance with their ideas. In the summer of 1939 a diplomatic play was initiated by the USSR in which the Soviet diplomats approached the Western democracies with a proposal of an agreement concerning mutual cooperation and, at the same time, they attended secret negotiations with representatives of Germany. The proviso that all signatories would provide immediate aid in case of German attack should have been included in the agreement with Western powers. To meet requirements of that proviso I. Stalin requested that affected countries of the so called buffer-zone would accept Red Army presence on their territories [15, s. 4–5].

Despite this requirement asked for a radical change in Great Britain and France foreign policy it was apparent to both governments that its approval would de facto represent their acceptance of a later occupation of those buffer-zone countries. The countries situated in the immediate vicinity of the USSR maintained the same position. The Polish government representatives were not only afraid of Soviet occupation but also of deteriorating relations with nazi Germany. Besides Poland never pursued agreements conducted on a multilateral basis in solving European security issues, but rather favoured bilateral accords. Concerning the stance of the USSR the first outlines of the Soviet strategy in foreign

politics were formed in April 1939. At that time the Soviet representatives understood that they would have to choose just one of two options – either they would side with the Western powers in their intention to maintain the status quo or join nazi Germany in its pursuit to destroy it [5, p. 122].

Due to all aforementioned factors the negotiations were lengthy, unambiguous and vague. Often the participating parties could not come to consensus in partial formulations of the agreement. This led to ceaseless prolongation of the negotiations without ever reaching any tangible results. Among the representatives of those three powers climate of mistrust and reluctance to accept an agreement which could be some disadvantage to them prevailed [10, p. 142–143]. Even in course of negotiations it became obvious that I. Stalin's intention was to spread his influence on the Baltic countries so the fear for possible Soviet revisionism prevailed among those countries. It was quite difficult for these countries, including Poland, to accept any security guarantees by the USSR owing to their past experience when the Soviets posed the biggest threat to their sovereignty and independence [4, s. 303].

All in all the talks between the Western powers and the USSR, even after prolonged negotiations once again came to a standstill.

Nazi-Soviet solution of the Polish question

In addition, at the time of negotiations, British and French delegates were not provided with information that, at the same time, Soviets went on secret negotiation with nazi Germany¹¹. Before the negotiations with nazi Germany started, People's commissar for foreign affairs M. Litvinov had been removed from his position. Because of his slight favour of Western politics and due to his Jewish origin M. Litvinov was dismissed and replaced by V. Molotov who assumed the position of People's commissar for foreign affairs and symbolically opened the door to negotiations with nazi Germany. In mid-July 1939 V. Molotov evaluated ongoing negotiations with representatives of the Western powers as follows: «All these endless negotiations will apparently come to nothing. Then they'll have to take the consequences» [15, s. 5–6].

The Soviets already assumed at that time that the Western powers would not be willing to give the Soviet Union permission to carry out expansionist plans and spread the bolshevik revolution. One can fully agree with the statement that «Stalin and Molotov played a cynical game on two chessboards at the same time» [15, s. 7]. In addition, the unnecessary dragging out of mutual talks and lengthy negotiations between the European powers gave A. Hitler enough time to plan a German attack on Poland. Information and instructions regarding the plan for the future attack on Poland were already published by A. Hitler in April 1939, under the name «Fall Weiss» [16, s. 254].

The reasons for which the Soviets started negotiations with Germany resulted mainly from the implementation of the foreign policy of the USSR, which primarily followed the achievement of Soviet state interests, i. e. expansion of communist power. I. Stalin was not really interested in keeping the peace in Europe, his goal was rather to undermine the Versailles system and expand his sphere of influence [17]. At the same time, he wanted at all costs to prevent the question of Poland from being resolved in a similar way to the question of Czechoslovakia in 1938, that is, without the participation of the USSR. Taking these factors into account, Stalin finally rejected cooperation through the alliance of Great Britain, France, and Poland, and decided to cooperate with nazi Germany [5, p. 123].

As the negotiations started both parties learnt that their territorial claims and national interests were quite congruent which opened the doors towards further cooperation. The only vexed question remained the Baltic states being considered by both participants a legitimate part of their territories. J. von Ribbentrop finally came up with a compromise involving partition of those territories along the Western Dvina [15, s. 7].

A significant breakthrough for all players of this diplomatic game finally came on 19 August 1939. On the same day J. Beck, Polish minister of foreign affairs delivered to British and French diplomats accredited to Poland the final Poland's refusal to let Red Army troops pass through its territory. On that occasion he said:

¹¹The Polish diplomacy found out this information via the well informed papal diplomacy. See: *Kosman M.* Dziejny Polska. Praha : Uniw. Karlova, 2021. S. 303.

«Currently, marshal Voroshilov clearly intends to reach a peaceful settlement of his 1920 objectives» [15, s. 9]. Subsequently, in Berlin the trade and credit agreement between Soviets and Germany was signed and V. Molotov sent to Berlin his proposal of the non-aggression pact with Germany.

J. von Ribbentrop flew to Moscow on 23 August and the non-aggression pact between Germany and the USSR was signed afterwards. This pact became known as the Molotov – Ribbentrop pact and it could be considered as the starting point of the fourth division of Poland.

The non-aggression pact was to be in force for both sides for the period of 10 years and, at the same time both parties agreed not to enter any alliance which could be aimed against their counterpart, either directly or indirectly¹². In the light of later events, which shaped geopolitical area of Central Europe in following months, it is important to discuss the secret proviso concerning division of the sphere of interests in East Europe between A. Hitler and I. Stalin. They agreed that Poland would be divided along the rivers Narva, Visla and San. Based on the agreement the USSR sphere of interest would cover the territories of East Poland, Es-

tonia, Latvia, Finland and Bessarabia and, on the other hand Germany would take over territories of Western Poland and Lithuania. Poland itself would be divided by the river Vistula. Warsaw, the Polish capital would also be divided into two parts – German and Soviet ones [15, s. 10].

The outcome of the German-Soviet agreement concerning division of the sphere of interests was the outbreak of the war in Europe. By signing the non-aggression pact A. Hitler was given a free hand in invasion of Poland, he avoided war on two fronts and thanks to the trade agreement got access to strategic natural resources in the USSR. I. Stalin got his portion too, spreading his sphere in influence within the buffer-zone.

Thus, returning to the original consideration of the position of interwar Poland between the two millstones represented by the revisionist nazi Germany and the communist Soviet Union, one can agree with the words of the French historian L. Eisenmann that Poland was too weak to become a great power, but on the other hand too strong to agree with the role of client of its more powerful neighbours [18, s. 213]. The result of this fateful geopolitical situation was the further division of Poland at the beginning of the World War II.

References

1. Dejmek J. Malé státy a velké výzvy třicátých a čtyřicátých let. In: Němeček J, redaktor. *Československo a krize demokracie ve Střední Evropě ve 30. a 40. letech XX. století*. Praha: Historický ústav; 2010. s. 11–66.
2. Křen J. *Dvě století střední Evropy*. Praha: Argo; 2019. 1110 s.
3. Ištók R. Kríza v Európe v predvečer Druhej svetovej vojny a poľské geopolitické myslenie. In: Dudinská I, redaktor. *Kríza v politike – Politika v kríze*. Prešov: Prešovská univerzita; 2012. s. 131–143.
4. Kosman M. *Dějiny Polska*. Praha: Univerzita Karlova; 2021. 452 s.
5. Dębski S. Poland, the Soviet Union, and the crisis of the Versailles system. In: Rotfeld AD, Torkunov A, editors. *White spots black spots (difficult matters in Polish-Russian relations, 1918–2008)*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press; 2015. p. 105–124.
6. Musiał B. «Celý ten kapitalizmus chytíme pod krk»: Sovietske prípravy na ofenzívnu vojnu v tridsiatych a začiatkom štyridsiatych rokov. *Historické rozhľady*. 2006;III:211–232.
7. Dzięwanowski MK. *A history of Soviet Russia*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall; 1979. 434 p.
8. Žerko S. Polska i kryzys Sudecki 1938 r. In: Němeček J, redaktor. *Československo a krize demokracie ve Střední Evropě ve 30. a 40. letech XX. století*. Praha: Historický ústav; 2010. s. 97–122.
9. Kaczmarek R. *Historia Polski 1914–1989*. Warszawa: PWN; 2014. 992 s.
10. Narinsky MM. Poland, the Soviet Union, and the crisis of the Versailles system. In: Rotfeld AD, Torkunov A, editors. *White spots black spots (difficult matters in Polish-Russian relations, 1918–2008)*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press; 2015. p. 125–160.
11. Friedl J, redaktor. *Dějiny Polska*. Praha: NLN; 2017. 690 s.
12. Roszkowski W. *Najnowsza historia Polski 1914–1945*. Warszawa: Świat Książki; 2003. 690 s.
13. Prazmowska AJ. Poland's foreign policy: September 1938 – September 1939. *The Historical Journal*. 1986;4:853–873.
14. Ciencala AM. Poland in British and French policy in 1939: determination to fight – or avoid war? *The Polish Review*. 1989;3:199–226.
15. Zubov A, redaktor. *Dějiny Ruska 20. století – díl II*. Praha: Argo; 2015. 962 s.
16. Veselý Z. *Dějiny mezinárodních vztahů*. Plzeň: Vydavatelství a nakladatelství Aleš Čenek; 2010. 605 s.
17. Lettrich J. Nacisticko-sovietsky komplot. *Naše vztahy*. 1969;5:2–4.
18. Wandycz P. S. *Střední Evropa v dejinách*. Praha: Academia; 1998. 302 s.

Received by editorial board 04.11.2022.

¹²The signing of the pact between Moscow and Berlin caused a shock not only in Poland and the West, but significantly weakened the perception of the Soviet Union in Czechoslovakia as well. While until the summer of 1939 the Soviet consul general in Prague could inform Moscow of great pro-Soviet sympathies towards the Soviet Union for its stance during the Munich crisis or its refusal to liquidate Czechoslovakia, after the signing of the pact was published, it was clear to the Czechs that the Soviets had allowed A. Hitler to control Central Europe for a long time. See: *Marjina V. V. Pakt Ribbentrop – Molotov: česko-slovenský ohlas // 1939 – Rok zlomu / ed. by M. Syrný. Banská Bystrica : Múzeum SNP, 2019. S. 56–57*. Of course, the direct participation of the Soviet Union in the German liquidation of Poland based on the pact was perceived even worse. Even some leading Slovak communists had problems with accepting such a great power policy of Moscow, despite party loyalty and purposeful propaganda of the Comintern. E. g. the respected deputy V. Clementis, who was in French exile, publicly spoke out against the alliance with A. Hitler. See: *Syrný M. Slovenskí komunisti 1939–1944. Banská Bystrica : Uniw. Mateja Bela, 2013. S. 23–24*.

УДК [94::2-67](540)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В ИНДИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI в.

С. А. ГОРОХОВ¹, Р. В. ДМИТРИЕВ¹, И. А. ЗАХАРОВ¹

¹Институт Африки РАН, ул. Спиридоновка, 30, корп. 1, 123001, г. Москва, Россия

В основу определения уровня конкуренции положена гипотеза о том, что одна религия сменяет другую в результате циклического изменения долей адептов в структуре населения, а также в результате изменения обобщающего их значения модифицированного индекса религиозной мозаичности. Отмечается, что в течение XX в. конкуренция между индийскими религиями, исламом и христианством в Индии возростала достаточно медленно вследствие различий, во-первых, в механизмах их экспансии, во-вторых, в территориальной приуроченности последней. На первом этапе все религии распространялись путем диффузии расширения (ислам – через крупные города в Джамму и Кашмире, Западной Бенгалии, Керале и Дели; христианство – через сельскую местность на северо-востоке страны, в Сиккиме, на Андаманских и Никобарских островах, частично в Одише; индийские религии – в Дамане и Диу, Лакшадвипе, Пудуччери и Гоа). В дальнейшем христианство сохранило этот механизм, ислам путем диффузии перемещения распространился на новые территории (Андхра-Прадеш, Ассам, Джаркханд, Уттаракханд, Уттар-Прадеш, Бихар, Махараштра, Карнатака и т. д.) при одновременном сокращении доли районов старого освоения. Пространство индийских религий сменило вектор развития, перейдя путем сепарации стягивания к сжатию за счет оставления ранее освоенных районов. Основными регионами религиозной конкуренции в настоящее время являются территории в пределах треугольника Амритсар – Раджкот – Бхубанешвар, где лидирующие индийские религии противостоят растущему исламу, а также северо-восток страны, где индийские религии уже почти вытеснены христианством и ислам быстро увеличивает число своих адептов.

Ключевые слова: Индия; религиозная конкуренция; индийские религии; ислам; христианство.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 19-18-00054-П).

ГІСТАРЫЧНАЯ ГЕАГРАФІЯ РЭЛІГІЙНАЙ КАНКУРЭНЦЫІ Ў ІНДЫІ Ў XX – ПАЧАТКУ XXI ст.

С. А. ГОРОХАЎ^{1*}, Р. В. ДЗМІТРЫЕЎ^{1*}, І. А. ЗАХАРАЎ^{1*}

^{1*}Інстытут Афрыкі РАН, вул. Спірыдонаўка, 30, корп. 1, 123001, г. Масква, Расія

У аснову вызначэння ўзроўню канкурэнцыі пакладзена гіпотэза аб тым, што адна рэлігія змяняе другую ў выніку цыклічнай змены долі адептаў у структуры насельніцтва, а таксама ў выніку змены абагульняючага іх значэння

Образец цитирования:

Горохов СА, Дмитриев РВ, Захаров ИА. Историческая география религиозной конкуренции в Индии в XX – начале XXI в. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;1:28–37 (на англ.). <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-28-37>

For citation:

Gorokhov SA, Dmitriev RV, Zakharov IA. Historical geography of religious competition in India in the 20th – early 21st century. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;1:28–37. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-28-37>

Авторы:

Станислав Анатольевич Горохов – доктор географических наук, доцент; ведущий научный сотрудник.
Руслан Васильевич Дмитриев – доктор географических наук; ведущий научный сотрудник.
Иван Андреевич Захаров – кандидат географических наук; старший научный сотрудник.

Authors:

Stanislav A. Gorokhov, doctor of science (geography), doцент; leading researcher.
stgorohov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9984-6054>
Ruslan V. Dmitriev, doctor of science (geography); leading researcher.
dmitrievrv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4018-9832>
Ivan A. Zakharov, PhD (geography); senior researcher.
vanszax@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3838-169X>

мадыфікаванага індэкса рэлігійнай мазаічнасці. Адзначаецца, што канкурэнцыя паміж індыйскімі рэлігіямі, ісламам і хрысціянствам у Індыі на працягу XX ст. узрасла досыць павольна па прычыне адрозненняў, па-першае, у механізмах іх экспансіі, па-другое, у тэрытарыяльнай прымеркаванасці апошняй. На першым этапе ўсе рэлігіі распаўсюджваліся шляхам дыфузіі пашырэння (іслам – праз буйныя гарады ў Джаму і Кашміры, Заходняй Бенгаліі, Керале і Дэлі; хрысціянства – праз сельскую мясцовасць на паўночным усходзе краіны, у Сікіме, на Андаманскіх і Нікабарскіх астравах, часткова ў Адышы; індыйскія рэлігіі – у Дамане і Дзіу, Лакшадвіпе, Пудучэры і Гоа). У далейшым хрысціянства захавала гэты механізм, іслам шляхам дыфузіі перамяшчэння распаўсюдзіўся на новыя тэрыторыі (Андхра-Прадэш, Асам, Джаркханд, Уттаракханд, Утар-Прадэш, Біхар, Махараштра, Карнатака і г. д.) пры адначасовым скарачэнні долі раёнаў старога асваення. Прастора індыйскіх рэлігій змяніла вектар развіцця, перайшоўшы шляхам сепарацыі сцягвання да сціску за кошт пакідання раней асвоеных раёнаў. Сёння асноўнымі рэгіёнамі рэлігійнай канкурэнцыі з’яўляюцца тэрыторыі ў межах трохвугольніка Амрытсар – Раджкот – Бхубанешвар, дзе лідзіруючыя індыйскія рэлігіі супрацьстаяць росту ісламу, а таксама паўночны ўсход краіны, дзе індыйскія рэлігіі ўжо амаль выцеснены хрысціянствам і іслам хутка павялічвае колькасць сваіх адпатаў.

Ключавыя словы: Індыя; рэлігійная канкурэнцыя; індыйскія рэлігіі; іслам; хрысціянства.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Расійскага навуковага фонду (грант № 19-18-00054-П).

HISTORICAL GEOGRAPHY OF RELIGIOUS COMPETITION IN INDIA IN THE 20th – EARLY 21st CENTURY

S. A. GOROKHOV^a, R. V. DMITRIEV^a, I. A. ZAKHAROV^a

^a*Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
30 Spiridonovka Street, 1 building, Moscow 123001, Russia*

Corresponding author: R. V. Dmitriev (dmitrievrv@yandex.ru)

To determine the level of competition we made an assumption that one religion replaces another as a result of a cyclical change (cycle of the religious competition) in the proportion of adherents and the value of the modified index of confessional fractionalisation. The competition between Indian religions, Islam and Christianity in India increased quite slowly during the 20th century due to differences, firstly, in the mechanisms of their expansion and, secondly, in the territorial confinement of the latter. At the first stage all religions spread by expansion diffusion (Islam – through large cities in Jammu and Kashmir, West Bengal, Kerala and Delhi; Christianity – through the countryside in the North-East of the country, in Sikkim, in the Andaman and Nicobar Islands, partly in Odisha; Indian religions – in Daman and Diu, Lakshadweep, Puduchcheri and Goa). Christianity retained this mechanism, while Islam spread after that to new territories (Andhra Pradesh, Assam, Jharkhand, Uttarakhand, Uttar Pradesh, Bihar, Maharashtra, Karnataka, etc.) by diffusion of movement. The landscape of Indian religions has changed the vector, passing through the separation of contraction to compression due to the abandonment of previously developed areas. The main regions of religious competition at present are the Amritsar – Rajkot – Bhubaneswar triangle where the still powerful Indian religions are competing with the rising Islam, and the North-East of the country, where Indian religions have already almost been supplanted by Christianity, but Islam is quickly gaining followers.

Keywords: India; religious competition; Indian religions; Islam; Christianity.

Acknowledgements. This research has been supported by the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00054-П).

Introduction

The current century on the whole has been a time of religion returning into public life – in countries of the Global North – and traditional institutions that are based primarily on religious norms strengthening – in the countries of the Global South. Because of globalisation, the interaction between different cultural groups, often very different in terms of their value systems, is unavoidable. This may often lead to conflicts on religious grounds [1]. Along with this, globalisation affects religion itself, changing it and leading to the appearance of new religious forms. Finally, due to the uneven demographic development in different re-

gions and increased migration, along with the creation of new religions and religious forms, in two last decades we have seen global shifts in the religious structure of the world’s population which have led to stronger competition between religions and changes of their areas of influence and, as a result, to the transformation of the overall global religious space.

Religion has always been an important – if not decisive – factor in India’s socio-political development: throughout its entire history it has been a country where different religious traditions have existed side by side. Many religions which later spread all over the

world were born here: Hinduism, Buddhism, Sikhism, Jainism. Islam and Christianity are two other religions which have become popular in the country; while they were born outside of India, having spread across the country, they took on some typically Indian characteristics. Although for all of its history India has been a country with a complex religious structure, Hinduism

has always remained the primary religion. It was around Hinduism – this ancient Indian national religion – that the country’s cultural, social, and political unity has been based around. The socio-psychological structure of society, in which caste solidarity is still extremely strong, has itself to a certain extent been a product of the Indians’ religious views.

Sources, data and methods¹

When analysing religion, competition between different faiths is an important environmental factor. It is this competitive relationship that affects the formation and existence of a religious space. Unlike proponents of the theory of religious economy, who see religious organisations as companies that compete with each other for followers [3], we believe that ideological competition is a more significant factor. According to M. Büttner’s [4] Bochum model, which describes the relationship between religions and their environment, we can claim that this kind of competition is a way for a religion to adapt to the changing surroundings.

A special feature of analysing competition between religions is that we can only judge it by its result, which can be an increase in the share of followers for one religion and a decrease for another in the religious space. A religion is considered competitive if it has succeeded in increasing its power by converting more new members and having higher natural and migration increase amongst its followers, both largely determined by the religion’s doctrine. When looking at conversion, we see competition in its most literal sense, so it is applicable for the theory of religious economy since most important is the quality of the religious product when compared to the other «suppliers». When we move past understanding religious competition as an exclusively inter-organisational relationship, we consider most appropriate to define the extent of competitiveness of a religion in broader terms, meaning its ability to get a higher number of followers by any of the mentioned methods.

When the religious diversity of a religious space lowers in favour of a single religion, this can be a key indicator that one religion is winning in a competitive environment. To analyse the changes in the component structure of a religious space, we use the modified index of confessional fractionalisation (MIF):

$$\text{MIF} = \frac{\sum_{i=1}^n x_i^2}{1 - \frac{1}{n}},$$

where in the case of religious diversity n is the number of religions in the region; x is the share of i -religion in the religious structure of the region.

When we graphically illustrate the relationship between MIF (axis y) and time (axis x) we can see two types of segments. The first consists of straight lines either parallel to the axis of time or creating angles of small value with it (the segment up to year 9 in fig. 1). These are stages of religious saturation (RS-stages). MIF in this case remains consistently small for decades or centuries. Without the significant influence of any of the religions’ competitive advantage (or, contrariwise, with the consistently high influence of the government) an RS-stage can last centuries.

The other type of segments shown on the graph (stage of disturbance) has the shape of an inverted parabola (the segment between the years 9 and 113 in fig. 1). As the monopoly of a single religion gets weaker and religious competition becomes stronger, the once predominant religion gradually gets replaced by another, or by secular ideologies. In comparison to the length of RS-stages, this process occurs rather quickly and in the perfect situation ends with the creation of a new monopoly (the segment after the year 113 in fig. 1). Such states of religious space, which this work aims to study, were called cycles of religious competition (R-cycles). In its essence a religious cycle is a combination of consecutive repeated states of a religious space with equal or similar values of its structural indicators.

Studying cyclical processes of social development has a long tradition in world science. Beginning with sacred texts of various religions and works of antique thinkers, all the way up to scientific papers of contemporary authors – there are many mentions or even rigorous analysis of the periodicity of super-biological processes: «In history, as in nature, exists a rhythm, a rhythmic change of epochs and periods, a change of cultural types, dawns and dusks, rises and falls. Any type of life has rhythms and periods»² [5, p. 4].

So far, only the utopian philosopher T. Campanella has noted somewhat consistent periods in the development of religions: «Religions and sects (in their change) have a specific cycle. As republics, substituted for monarchies, either through a stage of tyranny, or aristocracy, or oligarchy, or polity, or democracy, or through other ways, are superseded by monarchies again, so a religion, disorganised by heresy, is superseded by atheism, which, many miseries following,

¹In an abbreviated form, the research methodology is described in publication [2].

²Translated by us. – S. G., R. D., I. Z.

leads to the restoration of religion again. There is thus a cyclical movement in the history of religion. Beginning with unity – that is, with a papacy or theocracy – it passes through divers stages or forms from herecy to

atheism, whence it is driven back to unity. These three stages – theocracy, herecy, and atheism – recur in the history of pagan, Mohameddan, and Christian nations» [6, p. 33].

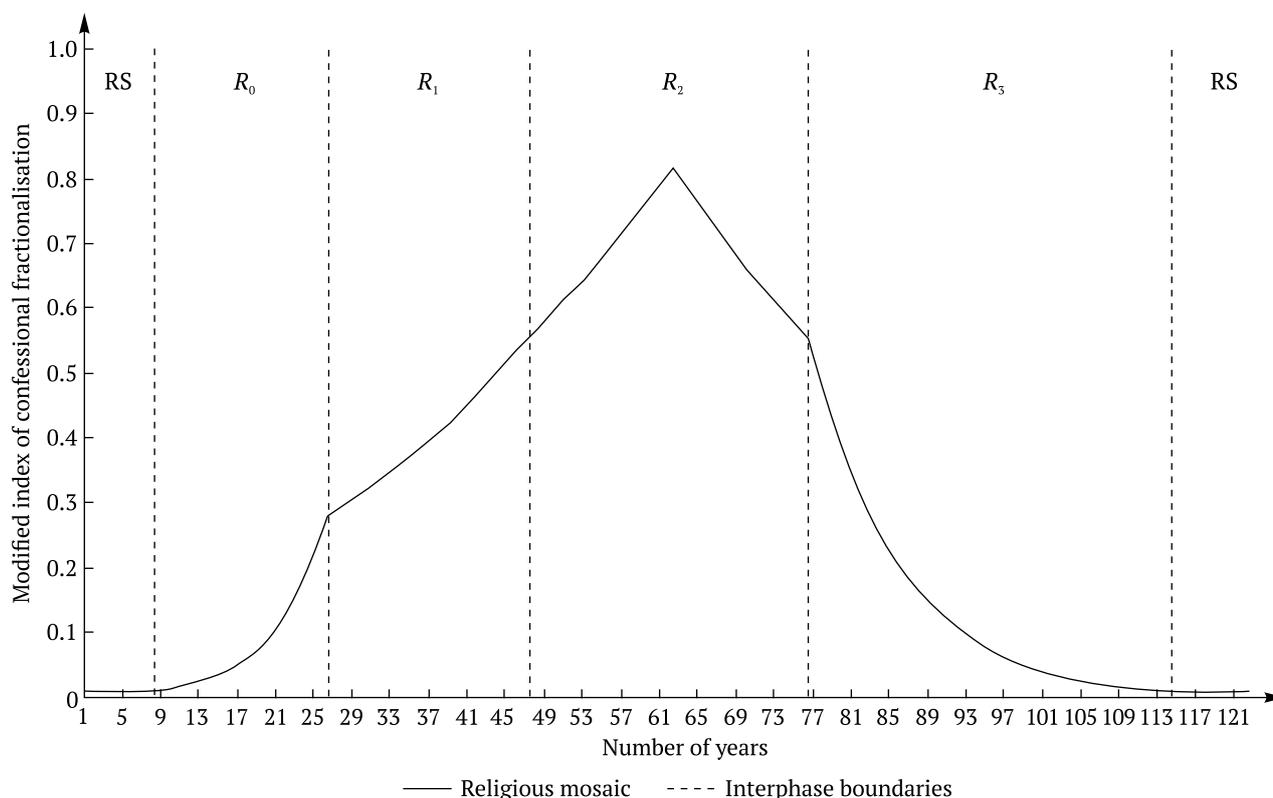

Fig. 1. Changing of the modified index of confessional fractionalisation during the religious space's average R-cycle between two RS-stages

Since then, prominent researchers of cyclical processes have highlighted the impact of non-religious cycles on the development of religions. P. A. Sorokin talked about the possible existence of cycles of great social change, during which «several religious... institutions and ideological systems either appear and decline... or undergo a radical change in their organisation and fate» [6, p. 37]. A. J. Toynbee viewed religious discrimination as a stimulus of pressure [7]. L. Weber, the secretary of the French Philosophical Society, when defining cycles of religious-ethical and materialistically technical societies, assigned great importance to religion [8]. N. D. Kondrat'ev noted that the upward part of every one of his cycles is accompanied by a fall in religiousness, while every downward part – by a rise [9]. V. Pareto highlighted a link between 50–60-year economic and political cycles and cycles of religious development [10]. It has to be mentioned that Ch. Guignebert [11] and M. Sergeev [12] have highlighted the frequency of changes in the religiousness of populations. Also, A. D. Savateev talks about the fact that radical Islamic groups are created in periods that are primarily linked to the increase of antagonism towards the West [13]. It is important to note that to our knowledge no attempts have been made to distinguish religious cycles on the basis of empirical data, so this work can be considered the first to do this.

S. A. Gorokhov have defined the following phases in the structure of R-cycles (see fig. 1):

1) the phase of initial substitution (R_0) during which there is a gradual decrease in the share of followers of the the religion under substitution. This affects religious diversity: before the start of the cycle MIF was consistently low for a prolonged amount of time, but now it begins to grow slowly. The average duration of the phase is 18 years;

2) the phase of stable substitution (R_1) continues the R-cycle. MIF during this phase is in the interval of [0.281; 0.556]. The share of the religion under substitution falls from 87 to, on average, 70 %. The average duration of the phase is 21 years;

3) the phase of parity (R_2) is remarkable in that during it followers of the fading and rising religions are equal. Some time after the beginning of R_2 , MIF grows, reaching its highest point on average at 0.820. Next, as soon as the new religion becomes dominant (more than 50 % in case two religions are competing), MIF begins to decrease. All in all, the phase continues until the MIF reaches 0.557 (inclusive). The share of the rising religion while the religious space is in phase (R_2) on average increases from 30 to 70 %. The average duration of the phase is 29 years;

4) the phase of final substitution (R_3) is the final phase of the R-cycle. It lasts from the time MIF reaches

0.556 and until it stabilises at relatively low levels, ideally – almost next to the time axis. Thus, MIF continues falling and reaches low levels: the new religion almost completely replaces the old one, and the strength of religious competition falls significantly. The average duration of the phase is 29 years [2].

The established boundaries of the successive phases are chosen in such a way that the ratio of the lengths of the parabola's arcs for each of them during an ideal competition cycle is 1 : 1 : 2 : 2, which makes it possible to free the duration of the phases from the influence of floating boundaries. Strictly speaking, the ratio should have been different, 1 : 1 : 4 : 2, but the value of MIF in the phase of parity is practically never higher than 0.82. Having studied over 170 cases, S. A. Gorokhov have empirically established that the average R-cycle (with all its phases) lasts 106 years [2]. In this time, one religion is almost fully replaced by another. We find it necessary to draw the readers' attention to the fact that the S. A. Gorokhov's findings are close to the length of Christianity's establishment in Rome lasting 115 years – from Diocletian to Theodosius [14]. Of course, some exceptions can be found to this rule; however the increase or decrease of the R-cycle (as a whole or of some of its phases) in a specific country can be attributed to the country's unique religious processes and not to the fault of the suggested model.

Results

The religious space of India is made up of several religions. The largest in terms of followers – Hinduism – together with others (Buddhism, Sikhism and Jainism) constitute a larger group of Indian religions. Its main competitors in the country as a whole, as well as its AU, are Islam and, to a lesser extent, Christianity. The competitive relationship between these religions has been developing rather slowly: in the period between the censuses of 1911 and 2011, the share of followers of Indian religions has decreased by only 4.5 % (from 88 %), 3.8 % of which moved to Islam and 0.7 % – to Christianity.

Of the 35 states and union territories (hereafter – in the Census – 2011 boundaries and names) in 1911, in 32 followers of Indian religions made up a majority of the population, in two (Jammu and Kashmir and Lakshadweep) – there was a Muslim majority, in one (Goa) – a Christian one. A century later, although the share of Muslims has increased, Islam still predominated only in the same two administrative divisions as in 1911 [15]. At the same time, it is important to note the decrease in the share of Muslims in Jammu and Kashmir and Lakshadweep. This means that the increase in the Muslim population happened in other states and union territories, so the territory of Islam's religious space in India widened.

The same conclusion, although slightly differently, is applicable to Christianity's religious space. By 2011, Christianity was already dominant in three states: Meghalaya, Mizoram, and Nagaland (according to our

Before the 19th century, R-cycles were probably the only existing type of religious competition. Cycles followed each other with long periods of a lack of religious competition between them – so it was for centuries. In the 19th century a new type of R-cycles appeared. Now the religious space was also affected by a competition between religion and secular ideologies. In many countries the next cycle was put into motion not by the rise of followers of a new religion, but by a rise in non-religious people.

Still, in India the process of secularisation has yet to become widespread. To analyse religious competition in the country as a whole and in its administrative units (AU) – states and union territories – we have analysed sources that include data on the population's religious affiliation. To compare time series, we had to unify the borders not only of the country, but also of its AU. This was complicated by the fact that India's administrative division changed several times during the 20th century. Thus, we had to adapt the borders of India and its states to those that existed during the time of the 2011 census. The result of this work is a table with more than 1250 cells with data on the followers of Indian religions, Islam, and Christianity in India as a whole and in its AUs during every year in the interval from 1901 (or 1911) to 2011 that ended with a year 1.

calculations, by the middle of 2017, Christianity became the predominant religion in Manipur). The spread of Christianity happened not only through expansion diffusion (like Islam) but also via relocation diffusion – as in Africa [16]: having lost the leading position in Goa to Hinduism, Christianity regained its influence in Southern India (and also, even if to a lesser degree, in Goa) choosing the North-East as its new region of influence.

Indian religions have maintained their leading positions in the country as a whole during this period. Despite them giving up some of their share in the North-East and also their share of the population decreasing in most states and union territories, in some they were able to increase their influence. This group of administrative divisions includes, first and foremost, Muslim divisions and West Bengal with a traditionally high Muslim population, second – small states and union territories Daman and Diu, Delhi, Goa, Puducherry, and Tripura. Thus, the religious space of Indian religions, despite a slight contraction, has remained relatively stable throughout the century mostly due to the regions of the Hindi Belt, which have a proportionally high population.

Up to now, the country has been relatively homogenous in terms of religion: MIF during the 20th century and the beginning of the 21st century have remained in the interval of 0.3–0.4 (fig. 2), and there have not been any significant changes in the value of the index.

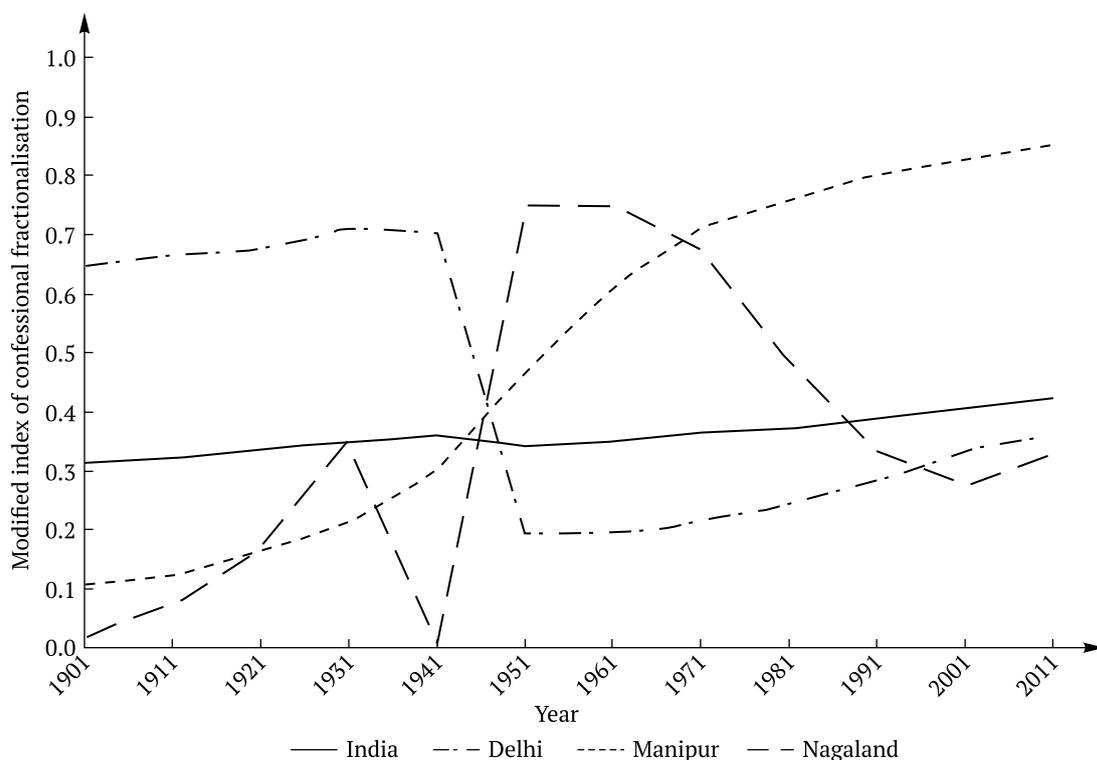

Fig. 2. Changing of the modified index of confessional fractionalisation during the religious space's R-cycle in India, National Capital Territory of Delhi, and in the stages of Manipur and Nagaland.

Source: [17–20] and data of Office of the Registrar General and Census Commissioner of India

The 1940s – when India was getting ready for independence and then achieved it – are an exception, Pakistan becoming an independent country and other cross-border movements of large quantities of people from India into Pakistan and vice-versa, led to a decline in the share of Muslims in India's population and an increase in followers of the already dominant Indian religions (mostly Hinduism). Because of this, MIF of separate AU and of India as a whole decreased during the period. At the same time, after India became independent, MIF began – even if very slowly – to rise. Most states and union territories followed the same trend, but there were some regions where the changes were most noticeable (fig. 3).

First, the North-East of the country («Seven Sisters») where a sharp increase in the number of Christians led to a significant rise in MIF and, thus, the strength of religious competition. Second, the South of the country (Kerala, Tamil Nadu, Karnataka and Andhra Pradesh) and Goa and Maharashtra. Here, despite a slight increase in the share of Christians, the primary competition was between Indian religions and increasingly influential Islam. The primary region where the changes in MIF were not as significant was the Hindu Belt and some adjacent states, situated within the triangle Amritsar – Rajkot – Bhubaneswar.

Although a significant number of people – several million people – moved between India and Pakistan during the 1940s, there was no significant change in MIF (in terms of states moving from one group of MIF into another) in the regions to which or out of which migration occurred. Along with this, it is notable that

in Indian states that border with East Pakistan (Bangladesh) the changes in religious competition were more significant than in regions that border Pakistan itself. Apart from East Bengal (the swap of Hindus and Muslims with Bangladesh) and some North-East states (where with the appearance of new administrative divisions, Christianity began to rise quickly) only Delhi and Andhra Pradesh moved into a different MIF-value group.

To analyse the changes in religious competition on other hierarchical levels, we analysed cities of the following groups: cities with over a million citizens, capitals of states and union territories, largest cities in an administrative division when such cities are not the capital (in 2011, there were 72 such cities).

Only a quarter of the chosen cities had stronger religious competition than that of the state it is situated in – meaning the cities were in a higher MIF group than the state as a whole (fig. 3). It is notable that most of them are situated inside of the Amritsar – Rajkot – Bhubaneswar triangle, where the influence of Indian Religions is especially strong. In other words, we can see the following pattern: in states where Islam and Christianity predominate over Indian religions (the South and the North-East) there is no significant difference between the MIF of cities and the states that they are in, so religious competition is consistent at all geographical levels of administrative division. However, in places where Islam and Christianity have not managed to overtake Indian religions, expansion begins from the biggest cities and only then spreads to smaller cities and rural areas.

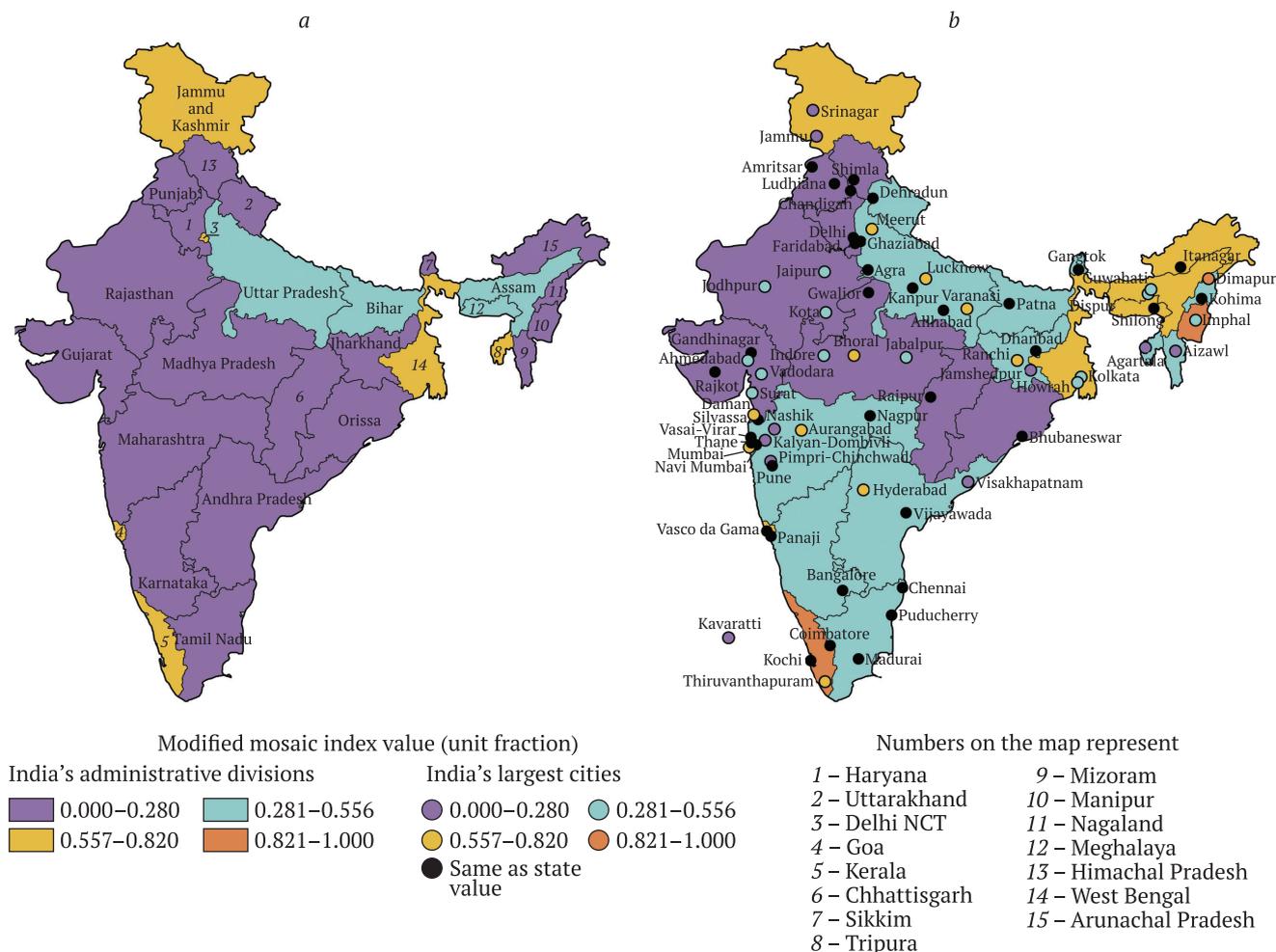

Fig. 3. Value of modified index of confessional fractionalisation in Indian states and cities in 1911 (a) and 2011 (b).
 Source: [17–20] and data of Office of the Registrar General and Census Commissioner of India

Analysing the territorial structure of India's religious space, we found some interesting patterns. During the period of 1901–1981 the population of followers of Indian religions and Islam became less concentrated and then there was a tendency towards concentration in specific states after 1981. Christianity followed an entirely different pattern: before independence, most Christians only lived in a couple states, but during the second half of the 20th century, there was a sharp de-clustering that lead to Christians being spread amongst Indian states even more evenly than Muslims.

In India the phase of stable substitution (R_1) of the R-cycle has been key. However, the speed of religions replacing each other differs significantly from one place to another. India is an example of rather slow-moving competition: Hinduism, having dominated over other religions in the country for centuries, has been fighting hard against its rivals – Islam (main rival) and Christianity (secondary rival) – to remain in its position. In 1911–2011, the religious space of every Indian state and union territory (fig. 4) was either in the RS-stage or in R-cycle. Seven states and union territories were in the RS-stage. It is here that Indian religions

predominated (Sikhism in Punjab and Hinduism in all the other states).

By 2011, in India almost all first-level AU entered the R-cycle. If we accept the – perhaps not perfectly precise – supposition that the length of the R-cycle in all AU is equal, then the states that are in the later stages of the cycle are the states where the R-cycle began the earliest.

During the 20th century, 23 states and union territories went through (or rather are going through) Islam's R-cycle. It first began on the periphery of the main area of the Indian religions followers' population – in Jammu and Kashmir, West Bengal, Kerala and Delhi. Spreading toward the centre, the R-cycle reached the semiperipheral belt: states Andhra Pradesh, Assam, Jharkhand, Uttarakhand, Uttar Pradesh, Bihar, Maharashtra, Karnataka and some others. As we see from fig. 4, Islam's R-cycle began last in the territories that we previously described as the stronghold of Indian religions as the Amritsar – Rajkot – Bhubaneswar triangle.

It is notable that up to now Islam's R-cycle has not been completed in any administrative division. This is partly due the share of Muslims in many states and

union territories decreasing after India and Pakistan became independent. The states that lost the largest share of followers of Islam are Delhi (see fig. 2) and West Bengal, to a lesser extent – Punjab, Uttar Pradesh, Jharkhand and Bihar. Thus, we see proven our thesis about the strong influence of the migration of Muslims

and followers of Indian religions after independence on the religious space of Eastern administrative divisions that border Bangladesh. At the same time, Islam's R-cycle did not stop or become replaced by the R-cycle of another religion in any of the aforementioned states. It continued (albeit returning to earlier phases) in the 1950s.

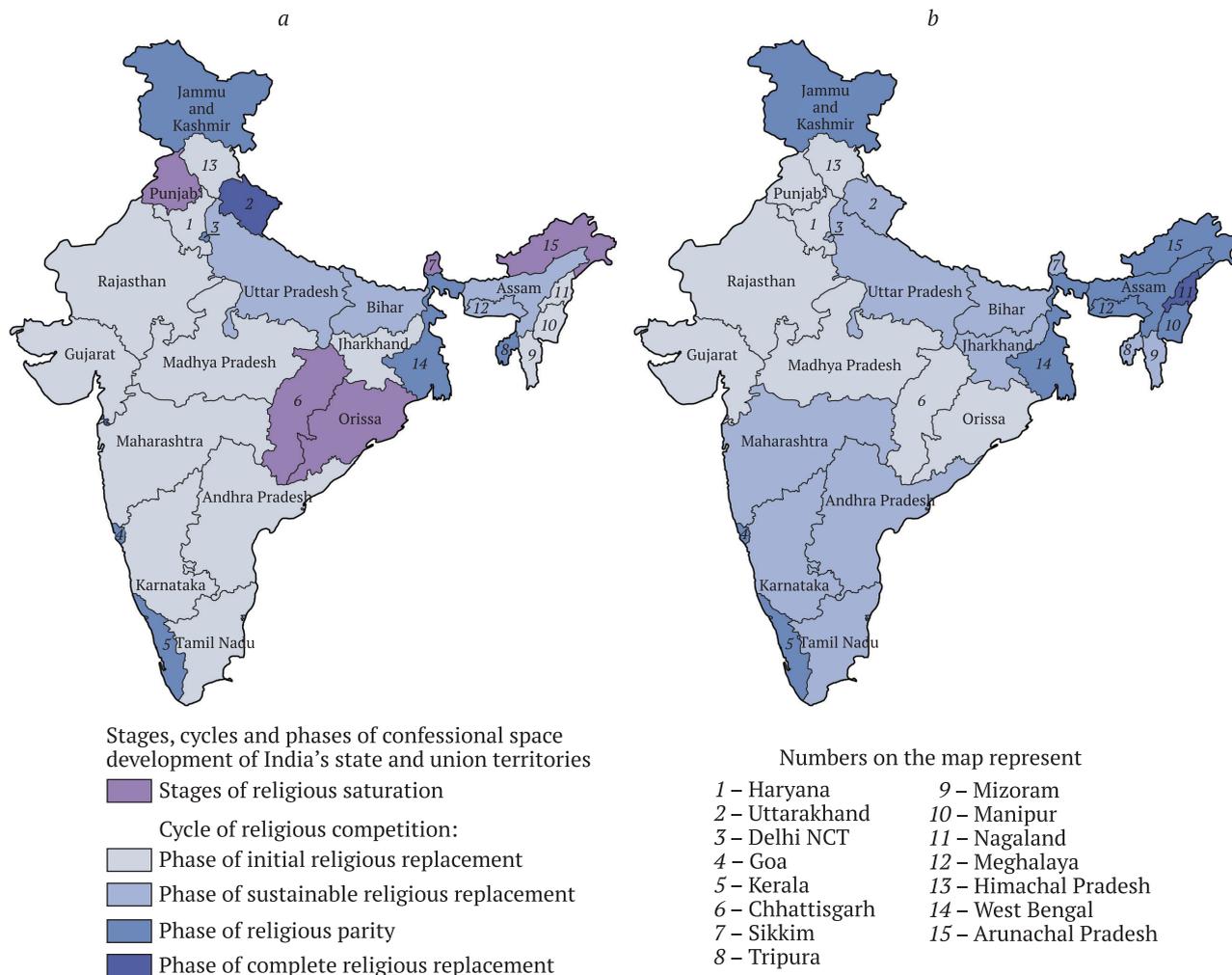

Fig. 4. Stages, cycles and phases of religious space development of India's states and union territories in 1911 (a) and 2011 (b).
Source: [17–20] and data of Office of the Registrar General and Census Commissioner of India

The R-cycle of Christianity has been in progress in other territories. It mostly developed in the areas populated by the scheduled tribes: in the North-East (except Assam and Tripura), in Sikkim, on the Andaman and Nicobar Islands (before independence), and also partially in Orissa. Therefore, there are few regions in India where Islam and Christianity compete with each other; however, having separated their area of influence, they compete with Indian religions in virtually every administrative division of India. An exception is Kerala, where Christianity – once the main rival of the still dominant religions – is gradually giving up its positions to Islam; in the state of Tamil Nadu the latter is currently only beginning to catch up with Christianity, but it is likely that Islam will be the primary threat

to Hinduism here too in the near future. At the same time, the spread of Christianity has not been centre-orientated with the movement from the city deeper into the states like it was with Islam. In the aforementioned states Christianisation began from the countryside, but almost everywhere it spread continuously and fairly, for example in Manipur (fig. 2), sometimes hindered by interference from the government.

Unlike with Islam and Christianity, during 1901–2011 very few states went through the R-cycle of Indian Religions. These are regions that are small in size and far from the main areas of religious competition, namely the union territories Daman and Diu, Lakshadweep, Puducherry; as well as the state of Goa (and, in the past, the Andaman and Nicobar Islands, Tripura and Uttara-

khand). It is notable that of the 35 states and union territories in India, there is not a single administrative division that completed an R-cycle of any religion during the analysed period. The closest to doing so were the Northeastern states – Tripura and, especially, Nagaland.

In Tripura, the R-cycle of Indian religions, having almost finished by the beginning of the 1970s, was interrupted by the new (at that point collective) R-cycle of

Islam and Christianity. In Nagaland (fig. 2), discounting the short-term anomalous drop in MIF at the beginning of the 1940s linked to the active government intervention that threatened to strip the population of various privileges for converting to Christianity, the R-cycle has not yet been completed. However, as we see it, the cycle's length will not differ significantly from the standard period for countries – 106 years.

Conclusions

Thus, the main pluses of the religious cycle model include not only the possibility to explain why one religion gives way to another but also (most importantly) the presence of an apparatus for forecasting the development of the confessional space. In most cases, knowledge of the regularities of the alteration of the phases of the cycles of religious competition allows a researcher to formulate subsequent medium- and long-term trends in the development of the confessional space. This approach, it appears, has some advantages compared to the current forecasting method, which is based on the postulate that the current indicators of the growth of the number of religious communities will not change. It is the latter variant of forecasting that is used in the most authoritative sources on confessional statistics [21; 22].

The R-cycle of Islam started on the periphery of the main space of Indian Religions – in Jammu and Kashmir, West Bengal, Kerala and Delhi. It spread towards the centre via cascade diffusion expansion from within India – through its major cities – and then through relocation diffusion adding new territories and simultaneously lowering the share of the initial regions of influence; the R-cycle next reached the semiperipheral belt: states Andhra Pradesh, Assam, Jharkhand, Uttarakhand, Uttar Pradesh, Bihar, Maharashtra, Karnataka and some others. Finally, it started in the stronghold of Indian religions – the Amritsar – Rajkot – Bhubaneswar triangle.

The R-cycle of Christianity has occurred in other regions. Before independence, followers of Christiani-

ty were concentrated in their traditional areas – on the South of India, but during the second half of the 20th century the R-cycle began via expansion diffusion in the scheduled tribes: in the North-East (except Assam and Tripura), in Sikkim, on the Andaman and Nicobar Islands, and also partially in Orissa. Here, however, Christianity did not follow the same pattern as Islam (spreading from the cities) but rather spread from rural areas.

Unlike Islam and Christianity, during 1901–2011 very few states went through the R-cycle of Indian religions. These are regions that are small in size and far from the main areas of religious competition, namely the union territories Daman and Diu, Lakshadweep, Puducherry; as well as Goa (and, in the past, the Andaman and Nicobar Islands, Tripura and Uttarakhand). Before the last quarter of the 20th century Indian religions spread via expansion diffusion; however, lately the space of Indian religions has been becoming more concentrated because of different (during different periods) states – through contraction separation. Even now Hinduism sets the rules of the game in the relationship between various religious entities on India's territory; this religion's heritage (primarily in connection to the caste system and its modifications) also plays a major role in all South Asian countries, even those where Hindus make up only a small part of the overall population. Thus, India's religious space is the result of the development of Hinduism, its many variations and denominations, which are largely created through interactions with other religions that have appeared in the country.

Библиографические ссылки

1. Фролов АД. Локальный конфликт: современный инструментарий. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2019;46(1):17–35. DOI: 10.31132/2412-5717-2019-46-1-17-35.
2. Gorokhov SA. The cyclical movement of religions: from unity toward... unity. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2019;89(4):388–395. DOI: 10.1134/S1019331619040026.
3. Finke R, Stark R. The dynamics of religious economies. In: Dillon M, editor. *Handbook of the sociology of religion*. New York: Cambridge University Press; 2003. p. 96–109. DOI: 10.1017/CBO9780511807961.008.
4. Büttner M. Religion and geography: impulses for a new dialogue between religionswissenschaftlern and geographers. *Numen*. 1974;21(3):163–196. DOI: 10.2307/3269772.
5. Бердяев Н. *Новое средневековье*. Москва: Директ-Медиа; 2008. 114 с.
6. Sorokin PA. A survey of the cyclical conceptions of social and historical process. *Social Forces*. 1927;6(1):28–40. DOI: 10.2307/3004654.
7. Toynbee AJ. *A study of history*. Oxford: Oxford University Press; 1934–1961. 12 volumes.
8. Weber L. *Le rythme du progrès: étude sociologique*. Paris: F. Alcan; 1913. 311 p.
9. Кондратьев НД. *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды*. Москва: Экономика; 2002. 767 с.

10. Pareto V. *Les systèmes socialistes. Volume 1*. Paris: V. Giard et E. Brière; 1902. 406 p.
11. Guignebert Ch. *L'Évolution des dogmes*. Paris: Flammarion; 1910. 351 p.
12. Sergeev M. *Theory of religious cycles: tradition, modernity, and the Baha'i faith*. Leiden: Brill; 2015. 161 p.
13. Savateev AD. [Political Islam in conceptions of Russian researchers]. *Islam in the Modern World*. 2015;11(2):109–118. DOI: 10.20536/2074-1529-2015-11-2-109-118.
14. Ferrari G. *Teoria dei periodi politici*. Milano: Hoepli; 1874. 621 p.
15. Горохов СА. Индия. Религия, демография и политика. *Азия и Африка сегодня*. 2011;7:24–32.
16. Захаров ИА, Горохов СА, Дмитриев РВ. Роль религиозного фактора в формировании конфликтных зон в Африке. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*. 2020;65(4):640–653. DOI: 10.21638/spbu07.2020.402.
17. Joshi AP, Srinivas MD, Bajaj JK. *Religious demography of India*. Chennai: Centre for Policy Studies; 2003. 358 p.
18. Петров ВВ. *Население Индии*. Москва: Наука; 1978. 143 с.
19. Talreja KM. *Secessionism in India*. Mumbai: Rashtriya Chetana Prakashan; 1996. 622 p.
20. Brown D, James P. *Religious characteristics of states dataset project – Demographics v. 2.0* [Internet]. 2019 [cited 2022 July 29]. Available from: <https://osf.io/asg25/download>.
21. Johnson TM, Ross KR, editors. *Atlas of global Christianity: 1910–2010*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2009. 384 p.
22. Barrett DB, Kurian TK, Johnson TM. *World Christian encyclopedia: a comparative survey of churches and religions in the modern world. Volume 1*. 2nd edition. New York: Oxford University Press; 2001. 876 p.

References

1. Frolov AV. Local conflict: modern tools. *Journal of the Institute for African Studies*. 2019;46(1):17–35. Russian. DOI: 10.31132/2412-5717-2019-46-1-17-35.
2. Gorokhov SA. The cyclical movement of religions: from unity toward... unity. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2019;89(4):388–395. DOI: 10.1134/S1019331619040026.
3. Finke R, Stark R. The dynamics of religious economies. In: Dillon M, editor. *Handbook of the sociology of religion*. New York: Cambridge University Press; 2003. p. 96–109. DOI: 10.1017/CBO9780511807961.008.
4. Büttner M. Religion and geography: impulses for a new dialogue between religionswissenschaftlern and geographers. *Numen*. 1974;21(3):163–196. DOI: 10.2307/3269772.
5. Berdyaev N. *Novoe srednevekov'e* [The new Middle Ages]. Moscow: Direkt-Media; 2008. 114 p. Russian.
6. Sorokin PA. A survey of the cyclical conceptions of social and historical process. *Social Forces*. 1927;6(1):28–40. DOI: 10.2307/3004654.
7. Toynbee AJ. *A study of history*. Oxford: Oxford University Press; 1934–1961. 12 volumes.
8. Weber L. *Le rythme du progrès: étude sociologique*. Paris: F. Alcan; 1913. 311 p.
9. Kondratieff ND. *Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. Izbrannye trudy* [Long cycles of business activity and the theory of foresight. Selected works]. Moscow: Ekonomika; 2002. 767 p. Russian.
10. Pareto V. *Les systèmes socialistes. Volume 1*. Paris: V. Giard et E. Brière; 1902. 406 p.
11. Guignebert Ch. *L'Évolution des dogmes*. Paris: Flammarion; 1910. 351 p.
12. Sergeev M. *Theory of religious cycles: tradition, modernity, and the Baha'i faith*. Leiden: Brill; 2015. 161 p.
13. Savateev AD. [Political Islam in conceptions of Russian researchers]. *Islam in the Modern World*. 2015;11(2):109–118. DOI: 10.20536/2074-1529-2015-11-2-109-118.
14. Ferrari G. *Teoria dei periodi politici*. Milano: Hoepli; 1874. 621 p.
15. Gorokhov SA. [India. Religion, demography and the policy]. *Asia and Africa Today*. 2011;7:24–32. Russian.
16. Zakharov IA, Gorokhov SA, Dmitriev RV. The role of the religious factor in the formation of conflict zones in Africa. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*. 2020;65(4):640–653. Russian. DOI: 10.21638/spbu07.2020.402.
17. Joshi AP, Srinivas MD, Bajaj JK. *Religious demography of India*. Chennai: Centre for Policy Studies; 2003. 358 p.
18. Petrov VV. *Naselenie Indii* [Population of India]. Moscow: Nauka; 1978. 143 p. Russian.
19. Talreja KM. *Secessionism in India*. Mumbai: Rashtriya Chetana Prakashan; 1996. 622 p.
20. Brown D, James P. *Religious characteristics of states dataset project – Demographics v. 2.0* [Internet]. 2019 [cited 2022 July 29]. Available from: <https://osf.io/asg25/download>.
21. Johnson TM, Ross KR, editors. *Atlas of global Christianity: 1910–2010*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2009. 384 p.
22. Barrett DB, Kurian TK, Johnson TM. *World Christian encyclopedia: a comparative survey of churches and religions in the modern world. Volume 1*. 2nd edition. New York: Oxford University Press; 2001. 876 p.

Received by editorial board 29.08.2022.

УДК 327(510+476)

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КНР ЭПОХИ СИ ЦЗИНЬПИНА

В. М. МАЦЕЛЬ¹⁾

¹⁾Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются основные направления внешней политики Китая в период руководства страной Си Цзиньпином. Отмечается, что изучение места и роли КНР, второй по масштабам экономики в мире, постоянного члена Совета Безопасности ООН, ядерного и космического государства, реально претендующего на статус новой сверхдержавы, является актуальным в связи с необходимостью определения и разработки региональных приоритетов белорусской внешней политики. Для понимания причин формирования председателем КНР Си Цзиньпином новых внешнеполитических идей анализируются концепции внешней политики предыдущих лидеров Китая – Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао. Подчеркивается, что цели и задачи внешней политики китайского государства направлены на создание благоприятных условий для развития экономики и определены экономическим и политическим весом КНР на международной арене. Превращение Китая в 2010 г. во вторую экономику мира явилось главной причиной перехода от политики Дэн Сяопина держаться в тени к новой внешнеполитической концепции дипломатии великой державы с китайской спецификой. Характеризуются ключевые составляющие внешнеполитической стратегии Китая эпохи Си Цзиньпина – концепция сообщества единой судьбы человечества и проект «Один пояс, один путь». Рассматривается участие Республики Беларусь в реализации проекта «Экономический пояс Шелкового пути». Анализируются решения XX съезда Коммунистической партии Китая, касающиеся внешней политики.

Ключевые слова: внешняя политика КНР; дипломатия мировой державы с китайской спецификой; концепция сообщества единой судьбы человечества; проект «Один пояс, один путь»; XX съезд Коммунистической партии Китая.

ЗНЕСНЕПАЛІТЫЧНАЯ СТРАТЭГІЯ КНР ЭПОХІ СІ ЦЗІНЬПІНА

В. М. МАЦЭЛЬ^{1*}

^{1*}Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь,
вул. Маскоўская, 17, 220007, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца асноўныя напрамкі знешняй палітыкі Кітая ў перыяд кіраўніцтва краінай Сі Цзіньпінам. Адзначаецца, што вывучэнне месца і ролі КНР, другой па маштабах эканомікі ў свеце, пастаяннага члена Савета Бяспекі ААН, ядзернай і касмічнай дзяржавы, якая рэальна прэтэндуе на статус новай звышдзяржавы, з'яўляецца актуальным у сувязі з неабходнасцю вызначэння і распрацоўкі рэгіянальных прыярытэтаў беларускай знешняй палітыкі. Для разумення прычын фарміравання старшынёй КНР Сі Цзіньпінам новых знешнепалітычных ідэй аналізуюцца канцэпцыі знешняй палітыкі папярэдніх лідараў Кітая – Дэн Сяопіна, Цзян Цзэміна і Ху Цзіньтао. Падкрэсліваецца, што мэты і задачы знешняй палітыкі кітайскай дзяржавы накіраваны на стварэнне спрыяльных умоў для развіцця эканомікі і вызначаны эканамічнай і палітычнай вагой КНР на міжнароднай арэне. Пераўтварэнне Кітая ў 2010 г. у другую эканоміку свету сталася галоўнай прычынай пераходу ад палітыкі Дэн Сяопіна трымацца ў цені да новай знешнепалітычнай канцэпцыі дыпламатыі вялікай дзяржавы з кітайскай спецыфікай. Характарызуюцца ключавыя складнікі знешнепалітычнай стратэгіі Кітая эпохі Сі Цзіньпіна – канцэпцыя супольнасці адзінага лёсу чалавецтва

Образец цитирования:

Мацель ВМ. Внешнеполитическая стратегия КНР эпохи Си Цзиньпина. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;1:38–49.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-38-49>

For citation:

Matsel VM. Foreign policy strategy of the People's Republic of China in the era of Xi Jinping. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;1:38–49. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-38-49>

Автор:

Валерий Михайлович Мацель – доктор исторических наук, доцент; заведующий кафедрой экономической политики и государственного управления Института управленческих кадров.

Author:

Valery M. Matsel, doctor of science (history), docent; head of the department of economic policy and state administration, Institute of Managerial Personnel.
vmatsel@inbox.ru

і праект «Адзін пояс, адзін шлях». Разглядаецца ўдзел Рэспублікі Беларусь у рэалізацыі праекта «Эканамічны пояс Шаўковага шляху». Аналізуецца рашэнні XX з'езда Камуністычнай партыі Кітая, якія тычацца знешняй палітыкі.

Ключавыя словы: знешняя палітыка КНР; дыпламатыя сусветнай дзяржавы з кітайскай спецыфікай; канцэпцыя супольнасці адзінага лёсу чалавецтва; праект «Адзін пояс, адзін шлях»; XX з'езд Камуністычнай партыі Кітая.

FOREIGN POLICY STRATEGY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE ERA OF XI JINPING

V. M. MATSEL^a

^aAcademy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
17 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The article considers the main directions of China's foreign policy during the leadership of Chinese President Xi Jinping. It is noted that the study of the place and role of the People's Republic of China – the second largest economy in the world, a permanent member of the UN Security Council, a nuclear and space state that really claims the status of a new superpower – is relevant due to the need to determine and develop regional priorities of the foreign policy of the Belarusian state. To understand the reasons for Xi Jinping's formation of new foreign policy ideas, the analysis of the foreign policy concepts of previous Chinese leaders – Deng Xiaoping, Jiang Zemin and Hu Jintao – was carried out. It is emphasised that the goals and objectives of the Chinese state's foreign policy are aimed at creating favorable conditions for the development of the country's economy and were determined by the state of the national economy, the economic and political weight of the PRC in the international arena. Thus, the transformation of China into the second economy of the world in 2010 was the main reason for Xi Jinping's transition from Deng Xiaoping's policy of keeping in the shadows to a new foreign policy concept of great power diplomacy with Chinese specifics. In this regard, special attention is paid to the consideration of the modern foreign policy of the People's Republic of China. A detailed description is given of the key components of China's foreign policy strategy of the Xi Jinping era – the concept of community of the common destiny of mankind and the Belt and Road project and the participation of the Republic of Belarus in the implementation of the Silk Road Economic Belt project. The decisions of the 20th Congress of the Communist Party of China concerning the issues of the country's foreign policy are also analysed.

Keywords: foreign policy of the People's Republic of China; diplomacy of a world power with Chinese specifics; the concept of community of the common destiny of mankind; Belt and Road project; the 20th Congress of the Communist Party of China.

Введение

В условиях глобальных трансформаций и турбулентности международной обстановки каждое государство стремится занять достойное место среди членов мирового сообщества. Изучение основных направлений внешней политики Китайской Народной Республики, второй по масштабам экономики в мире (по номинальному ВВП), влиятельного государства Азиатско-Тихоокеанского региона, постоянного члена Совета Безопасности ООН, ядерного и космического государства, реально претендующего на статус новой сверхдержавы, представляется актуальным в связи с необходимостью четкого позиционирования Республики Беларусь в современной системе международных отношений, определения и разработки региональных приоритетов белорусской внешней политики. В Китае существует объективный запрос на возрастание роли внешнеполитической деятельности страны по причине острой нехватки сырьевых ресурсов для поддержания высо-

ких темпов роста национальной экономики и достижения высокого уровня технологического развития.

Свидетельством усиления влияния Китая в мировой политике является активизация его международной деятельности. КНР принимает самое активное участие в обсуждении и решении ключевых проблем современности. О четком понимании китайским руководством существенно возросшей роли страны и ее внешней политики говорит факт определения национальной дипломатии в новую эпоху как «дипломатии мировой державы с китайской спецификой» [1, с. 661].

Исследованием проблем становления и развития внешней политики КНР активно занимаются как китайские ученые, так и зарубежные специалисты, в первую очередь российские, в частности Е. П. Бажанов, А. В. Лукин¹, С. Г. Лузянин², И. Е. Денисов и др. Источниковедческую базу данной статьи составили официальные документы КНР, выступления

¹Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А. В. Лукина. М. : Весь Мир, 2013. 704 с.

²Лузянин С. Г. Россия – Китай: формирование обновленного мира. М. : Весь Мир, 2018. 328 с.

китайских лидеров и руководителей Коммунистической партии Китая (КПК), касающиеся становления и эволюции внешней политики страны. Это Конституция КНР³, выступления и статьи нынешнего лидера Китая Си Цзиньпина, собранные в книгах [1; 2], его доклад⁴ на XX съезде КПК, а также выступления предыдущих руководителей КПК и КНР Дэн Сяопина [3], Цзян Цзэминя⁵ и Ху Цзиньтао⁶.

Результаты и их обсуждение

Внешняя политика КНР имеет две основные цели: создание благоприятных внешних условий для модернизации государства и утверждение Китая в качестве одного из полюсов многополярного мира.

Понимание целей, задач и основных направлений внешней политики современного Китая невозможно без изучения концептуальных идей мирного развития государства. Эти идеи были сформулированы 31 декабря 1953 г. премьером Государственного совета КНР Чжоу Эньлаем в ходе встречи с правительственной делегацией Индии в Пекине и закреплены в соглашении между КНР и Республикой Индией о торговле и связях. Данные идеи основывались на принципах взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования. В рамках визита в Индию и Бирму Чжоу Эньлаем, премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру и премьер-министром Бирмы У Ну 28 и 29 июня 1954 г. были подписаны совместные декларации, в которых указанные принципы мирного сосуществования были объявлены основными нормами регулирования межгосударственных отношений, а также взаимодействия с другими государствами Азии и мира [1, с. 157].

Цели, задачи и принципы внешней политики Китая зафиксированы в Конституции КНР. В ее преамбуле отмечается: «Китай последовательно проводит независимую и самостоятельную внешнюю политику, твердо придерживается пяти принципов... мирного сосуществования, отстаивает путь мирного

Фрагментарно вопросы внешней политики КНР, включая проект «Один пояс, один путь» и его евразийский вариант «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), рассматривались автором статьи в монографиях [4; 5].

Цель настоящей статьи – проанализировать факторы становления и развития внешнеполитической стратегии КНР.

развития, отстаивает стратегию открытости, ориентированную на взаимную выгоду и совместный выигрыш, продвигает создание человеческого сообщества с единой судьбой, решительно выступает против империализма, гегемонизма и колониализма... поддерживает справедливую борьбу угнетенных наций и развивающихся стран за завоевание и сохранение национальной независимости, за развитие национальной экономики, прилагает усилия в деле сохранения мира во всем мире и содействия прогрессу человечества»⁷.

Указанные принципы мирного сосуществования были зафиксированы в ст. 1 соглашения между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой об установлении дипломатических отношений, подписанного в Пекине 20 января 1992 г. в рамках официального визита правительственной делегации Республики Беларусь во главе с премьер-министром В. Ф. Кебичем в КНР⁸.

Ключевой вклад в формирование принципов внешней политики КНР в конце 1970-х – 1980-х гг. внес талантливый архитектор политики китайских реформ и открытости Дэн Сяопин.

Внешиполитический курс китайского руководства стал важной частью политики реформ и открытости. Формулируя основы внешней политики страны, Дэн Сяопин подчеркивал, что «...китайская внешняя политика основывается на принципе самостоятельности и независимости, подлинного не-присоединения. Китай не играет ни американской, ни советской картой. Он не позволяет и другим играть китайской картой. Цель китайской внешней политики – борьба за мир во всем мире» [3, с. 52].

³Конституция КНР (в редакции 2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china-constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 04.09.2022).

⁴Доклад председателя КНР Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kt.kz/rus/press-materialy/doklad_na_20_vsekitayskom_s_ezde_kommunisticheskoy_partii_1377941342.html/ (дата обращения: 04.11.2022).

⁵Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/50838.htm> (дата обращения: 04.09.2022).

⁶Доклад Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК (полный текст) [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930.htm (дата обращения: 04.09.2022).

⁷Конституция КНР (в редакции 2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china-constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 04.09.2022).

⁸Соглашение между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой об установлении дипломатических отношений от 20 января 1992 г. // Белорусско-китайские отношения в межгосударственных, межправительственных и межведомственных документах (1992–2022) / сост.: Н. М. Адамчик, Ю. С. Вергейчик, А. В. Воловик и др. Минск : СтройМедиаПроект, 2022. с. 5.

Суть концепции независимой и самостоятельной внешней политики, одобренной XII съездом КПК (сентябрь 1982 г.), заключалась в том, чтобы Китай не вступал в союзнические отношения со сверхдержавами – СССР и США. При этом главная цель внешней политики Китая заключалась в создании благоприятных условий для экономического развития, включая налаживание взаимовыгодных отношений со всеми странами, особенно с теми, которые могли бы предоставить масштабные инвестиции, помочь в преодолении научно-технического отставания от ведущих государств Запада.

Дэн Сяопин отмечал, что одна из важных причин отставания КНР от промышленно развитых стран Запада – политика изоляции страны, проводимая в 1960–70-х гг. Мао Цзэдуном. По мнению Дэн Сяопина, 30-летний опыт строительства социализма в Китае показал, что нельзя вести это строительство при закрытых дверях. Политика изоляции может нанести стране большой ущерб. Для ускорения развития Китая нужно проводить политику расширения связей с зарубежными странами.

Прозорливой явилась идея Дэн Сяопина о решении важнейшего для Китая вопроса об объединении китайской нации, воссоединении материкового Китая со своими, в тот период не входившими в состав КНР территориями – Тайванем, Гонконгом (Сянганом) и Макао (Аомэнем) по принципу «одно государство – два строя». Рассуждая о том, каким путем можно решить вопрос объединения Китая – мирным или немирным, – Дэн Сяопин заявлял: «Мы твердо стоим за разрешение тайваньского вопроса мирным путем, но не можем отбросить немирный путь объединения с Тайванем» [6, с. 83].

Особенно актуально в ситуации с антиправительственными выступлениями в специальном административном районе Сянган (Гонконг) в 2019–2020 гг. звучат слова Дэн Сяопина, высказанные им в июне 1984 г.: «Сянганом должны управлять сянганцы».

Разрабатывая концепцию внешней политики КНР, Дэн Сяопин подчеркивал, что независимая и самостоятельная внешняя политика Китая способствует укреплению мира во всем мире. Международные проблемы нельзя пустить на самотек, следует активно способствовать установлению нового международного политического и экономического порядка.

Нельзя обойти вниманием разработанный Дэн Сяопином важнейший стратегический принцип внешней политики страны на основе концепции «таогуан янхуэй», что переводится как «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя». Взве-

шивая реальные возможности страны, Дэн Сяопин подчеркивал, что Китай, не набравший пока большого экономического и политического веса, не должен брать на себя роль лидера, воздержаться от конфронтации и не присоединяться к противоборствующим группировкам⁹.

Автор статьи считает, что принципы внешней политики Китая, включая концепцию «таогуан янхуэй», Дэн Сяопин разрабатывал в тесной увязке с подходами вождя Синьхайской революции Сунь Ятсена относительно взаимоотношений Китая с Западом, в первую очередь с США. Свидетельством этому является переписка Сунь Ятсена с известным белорусским революционером-народником Н. К. Судзиловским, известным за границей как доктор Н. Руссель. В письме от 26 ноября 1906 г. доктору Н. Русселю о перспективах революционной борьбы китайского народа Сунь Ятсен писал, что «...американские капиталисты не настолько глупы, чтобы совершить коммерческое самоубийство, помогая Китаю обрести собственную индустриальную мощь и стать независимым государством. Совершенно очевидно и понятно, что их интересы состоят прежде всего в том, чтобы навсегда превратить Китай в жертву промышленной отсталости» [4, с. 9]. Сунь Ятсен выразил уверенность в том, что чем меньше Запад и США будут знать о тенденции возрождения Китая, тем будет лучше для самого Китая.

Дальнейшее творческое развитие стратегии и тактики внешнеполитической деятельности КНР руководители партии и страны Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин проводили, руководствуясь положениями и идеями Дэн Сяопина. В связи с этим следует подчеркнуть, что изменение внешнеполитической стратегии Китая и более широкий выход за границу во многом были обусловлены динамичным развитием национальной экономики, бурным ростом объемов привлечения инвестиций и экспорта, вступлением Китая в ВТО, что, в свою очередь, требовало от лидеров страны искать новые рынки сбыта продукции и сырьевых ресурсов. Все это ярко проявилось на фоне азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. и мирового финансово-экономического кризиса 2008 г.

Азиатский финансовый кризис нанес сильный удар по экономике Китая, других государств мира, в том числе Беларуси. Кризису предшествовал упадок производства в странах Европы в первой половине 1990-х гг. «Финансовые монополии развитых индустриальных стран с целью минимизировать собственные потери от кризиса обвалили национальные валюты в странах Азии, отозвав оттуда свои краткосрочные инвестиции.

⁹Денисов И. Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1253/> (дата обращения: 04.09.2022).

В результате резко повысился курс американского доллара, в массовом масштабе началась скупка национальных валют, что в итоге спровоцировало бегство иностранных капиталов и отток отечественных капиталов за рубеж. Национальные экономики многих стран Азии оказались на грани краха, их правительства вынуждены были резко сократить закупки импорта, урезать социальные льготы и выплаты, выбросить на рынки остатки своей продукции по демпинговым ценам. Наибольшие потери от кризиса понесли азиатские страны – Таиланд, Индонезия, Филиппины, Республика Корея, Малайзия» [5, с. 66].

Исключение составил лишь Китай, который, чтобы спасти свою национальную валюту (юань), был вынужден израсходовать на эти цели около 50 млрд долл. США. В результате прирост валютных запасов КНР уменьшился с 34,9 млрд долл. США в 1997 г. до 5,1 млрд долл. США в 1998 г. [7, с. 1]. В то же время отказ Китая от девальвации юаня сыграл положительную роль в восстановлении экономики азиатских стран, минимизировал последствия кризиса для развитых индустриальных государств. Важным результатом кризиса стало усиление позиций Китая. Его поступательное экономическое развитие не остановилось, а лишь временно замедлилось. Демонстрацией этому стали показатели темпа роста ВВП КНР, которые составили 9,3 % в 1997 г., 7,8 % в 1998 г., 7,6 % в 1999 г. и 8,4 % в 2000 г.

Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь на XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) отмечал, что в ближайшие годы для Китая будет складываться благоприятная международная обстановка, страна «будет неизменно проводить независимую мирную внешнюю политику, выступать за создание справедливого и разумного нового международного политического и экономического порядка, против гегемонизма и силовой политики во всех их формах, за сохранение многообразия мира, демократизацию международных отношений и плюральность моделей развития»¹⁰.

Успешное преодоление азиатского финансово-экономического кризиса 1997–1998 гг., вступление страны в ВТО в 2001 г. и обретение статуса космической державы в 2003 г. придало китайскому государству новый вес на международной арене и обусловило его более активную роль в мировой политике. Наряду со стремлением Пекина развеять страхи других государств относительно так называемой китайской угрозы эти факторы обусловили появление в стране в 2003 г. концепции мирного подъема. Ее суть сводилась к тому, что рост мощи Китая не является угрозой окружающему миру, наоборот,

он полезен мировому сообществу, в первую очередь сопредельным государствам, поскольку будет способствовать их развитию и подъему. Вместе с тем следует отметить, что упомянутая концепция вызвала несколько иную, отличную от целей ее создателей реакцию, испугав отдельные государства. Это заставило китайское руководство заменить ее теорией гармоничного мира. Она была озвучена Ху Цзиньтао на праздновании 60-летия ООН (сентябрь 2005 г.) и XVII съезде КПК (октябрь 2007 г.) и включена в устав партии. Выступая на съезде, Ху Цзиньтао отметил, что «...Китай выступает за то, чтобы народы всех стран общими усилиями продвигали создание гармоничного мира. Для этого необходимо в соответствии с принципами Устава ООН, соблюдая принципы международного права и общепризнанные нормы международных отношений, развивать в этих отношениях дух демократии, согласия, сотрудничества и взаимного выигрыша»¹¹.

Серьезным потрясением для экономики мира и Китая стал глобальный финансово-экономический кризис 2008 г. По масштабам и последствиям его можно сравнить с Великой депрессией 1930-х гг., последствия которой ощущались в мире еще спустя 10 лет. Большинство экспертов, ученых и политиков отмечали, что детонаторами кризиса стали американский рынок ипотечного кредитования и «пузырь» на американском рынке недвижимости, а также политика низкой процентной ставки в США.

Кризис нанес сильный удар по экономике Китая. Seriously пострадала его внешняя торговля, поскольку экспорт был важнейшим фактором, стимулирующим высокие темпы экономического развития страны. Началось постепенное замедление роста ВВП КНР, стали снижаться золотовалютные запасы, сократился приток иностранных инвестиций в китайскую экономику. Серьезным последствием кризиса стал также рост безработицы.

Руководство Китая приняло комплекс неотложных мер по минимизации кризиса и преодолению его последствий. «Государственный совет КНР разработал программу из 10 направлений, которая была принята на центральном рабочем совещании по вопросам экономики Китая в декабре 2008 года, а затем была утверждена на сессии ВСНП в марте 2009 года. На ее реализацию правительство выделило 4 трлн юаней (600 млрд долл. США). Приоритетными целями программы стали расширение потребительского рынка в стране, совершенствование структуры инвестиций центрального и местного бюджетов в экономику, развитие рынка недвижимости, приоритетное выделение средств для райо-

¹⁰ Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/50838.htm> (дата обращения: 04.09.2022).

¹¹ Доклад Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК (полный текст) [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930.htm (дата обращения: 04.09.2022).

нов провинции Сычуань, пострадавшей от мощного землетрясения в мае 2008 года... строительство инфраструктуры, новые высокие технологии, экономичное жилье, развитие транспортной сети, рост субсидий для крестьян, поощрение технических инноваций» [5, с. 68].

Важной составляющей указанной программы стало расширение внутреннего спроса. Для реализации этих задач принимались меры по развитию рынка недвижимости, автомобилей, кредитно-потребительского рынка в деревне, Народный банк Китая установил минимальную ставку рефинансирования в размере 3 % годовых.

В результате принятых мер Китаю удалось избежать серьезных последствий мирового финансового кризиса, расширить внутренний спрос и сохранить высокие темпы экономического развития, о чем свидетельствовали данные национальной статистики. В 2009 г. объем ВВП Китая составил 4,91 трлн долл. США, т. е. вырос на 8,7 % по сравнению с 2008 г. В 2009 г. Китай, обойдя Германию, стал мировым лидером по экспорту товаров¹², а в 2010 г. стал второй экономикой в мире, опередив Японию.

Национальная экономика, внешняя и внутренняя политика Китая получили мощное ускорение с приходом к руководству КПК и КНР пятого поколения руководителей страны во главе с Си Цзиньпином. Так, 15 ноября 2012 г. 1-й пленум ЦК КПК 18-го созыва избрал Си Цзиньпина генеральным секретарем ЦК КПК, а также членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. На 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва, состоявшейся 14 марта 2013 г., он был избран председателем КНР и руководителем Центрального военного совета КНР.

XVIII съезд КПК (ноябрь 2012 г.) определил стратегические цели строительства социализма с китайской спецификой к двум юбилеям: к 2020 г. (к столетию КПК) полностью завершить строительство среднезажиточного общества, удвоить ВВП и среднедушевые доходы городского и сельского населения по сравнению с 2010 г., а к 2049 г. (к столетию КНР) превратить страну в богатое, сильное, демократическое, цивилизованное и гармоничное социалистическое государство. По мнению Си Цзиньпина, достижение указанных целей в ходе долгосрочного развития Китая приведет к великому возрождению китайской нации – мечте китайского народа со времен новой эпохи истории [2, с. 371].

Несмотря на успехи, достигнутые Китаем в первом десятилетии XXI в. (в китайских СМИ оно по-

лучило название золотого десятилетия), в стране накопилось немало проблем, которые требовали неотложного решения. Наиболее острыми из них были замедление экономического роста, угрожающие масштабы коррупции в КПК и государственных структурах, усиление общественной напряженности, вызванное растущей дифференциацией доходов и несовершенством сферы социального обеспечения, серьезный экологический кризис.

Определенные проблемы накопились и в сфере внешнеполитической деятельности страны. В наиболее концентрированном виде они были изложены в статье заместителя главного редактора журнала Центральной партийной школы ЦК КПК «Сюэси шибао» Дэн Юйвэня. В статье отмечалось, что за прошедшее десятилетие Китаю «...не удалось использовать возможности, которые предоставляли крупные сдвиги в международной обстановке, и выдвигаемые концепции, касающиеся изменения международного порядка, не были претворены в жизнь. Все это в целом приводило к пассивности китайской дипломатии»¹³. Главной причиной обозначенных проблем, по мнению Дэн Юйвэня, являлась приверженность китайской внешней политики упомянутой концепции Дэн Сяопина «таогуан янхуэй», которая связала по рукам и ногам китайскую дипломатию. В конечном итоге это вело к снижению веса государства на международной арене и одновременно оказывало негативное влияние на его внутреннее развитие.

Уже первые шаги Си Цзиньпина в качестве руководителя страны продемонстрировали постепенный отход Китая от устаревшей концепции Дэн Сяопина и переход к активной, наступательной внешней политике, характеризующейся выдвижением и реализацией значимых концепций и внешнеполитических инициатив. Следует подчеркнуть, что данный переход осуществлялся с учетом принципа преемственности внешней политики страны. Это наглядно показали итоги третьей коллективной учебы членов Политбюро ЦК КПК 18-го созыва под руководством Си Цзиньпина 28 января 2013 г., сразу после завершения XVIII съезда КПК. Принципы преемственности внешней политики нашли подтверждение в выступлении Си Цзиньпина, в котором он подчеркнул приверженность Китая пяти принципам мирного сосуществования, пути мирного развития, основам суверенитета и безопасности страны. Руководитель КНР подчеркнул, что ни одно государство не должно рассчитывать на то, что Китай когда-либо будет торговать своими коренными интересами,

¹²World trade developments in 2009 [Electronic resource]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2010_e/its10_world_trade_dev_e.htm (date of access: 04.09.2022).

¹³Денисов И. Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1253/> (дата обращения: 04.09.2022).

проглотит горькую пилюлю, ущемляющую его суверенитет, безопасность и интересы развития. Свидетельством отхода от принципа «таогуан янхуэй» стало утверждение Си Цзиньпина о том, что Китаю «необходимо более эффективно координировать внутреннюю и внешнюю ситуацию, непрерывно расширять взаимовыгодное сотрудничество с другими странами, принимать более активное участие в международных делах, вместе с мировым сообществом реагировать на глобальные вызовы, с полной отдачей вносить свой вклад в глобальное развитие» [1, с. 3].

Еще более отчетливо основные черты новой модели внешней политики Китая были обозначены Си Цзиньпином в выступлении на Центральном совещании по вопросам внешней политики, состоявшемся в Пекине 28 ноября 2014 г. Главой КНР была поставлена ключевая задача: «Китаю необходима дипломатия мировой державы с китайской спецификой. Мы должны обогащать и развивать наши дипломатические концепции, чтобы наша внешнеполитическая деятельность приобрела выразительные китайские особенности, китайский стиль, китайскую манеру; необходимо продвигать создание международных отношений нового типа, проводить стратегию открытости, ориентированную на взаимную выгоду и обоюдный выигрыш» [1, с. 249]. Среди других важных задач китайской дипломатии были названы и новые: твердо защищать территориальный суверенитет и национальные интересы Китая в Мировом океане, урегулировать споры, касающиеся островных территорий. Для расширения круга друзей Китая в условиях неприсоединения страны к каким-либо блокам ставились задачи активнее использовать возможности «мягкой силы» китайской дипломатии, эффективной внешнеполитической пропаганды.

На совещании были четко расставлены приоритеты в работе с иностранными государствами. Так, было отмечено, что в отношениях с крупными державами необходимы эффективный комплексный подход, расширение сотрудничества, создание прочной и стабильной структуры взаимодействия. Основным направлением работы с сопредельными государствами было названо создание сообщества единой судьбы. В сотрудничестве с развивающимися странами (к которым Китай относил и себя) следовало существенно усилить работу по их сплоченности, увеличению их представительства в международных организациях. Для решения поставленных задач требовалось укрепить централизованное руководство КПК всей системой внешнеполитической деятельности, реформировать и совершенствовать систему и механизмы работы внешнеполитического ведомства страны, усилить единое планирование и координацию дипломатической деятельности,

провести подготовку высококвалифицированных дипломатических кадров.

Ярким доказательством практического перехода Китая к наступательной внешней политике и экономической дипломатии стало выдвижение председателем КНР Си Цзиньпином глобального внешнеполитического и внешнеэкономического проекта «Один пояс, один путь» и ЭПШП. Свидетельством особой значимости данной инициативы выступает факт ее включения в Устав КПК, принятый XIX съездом партии в октябре 2017 г. К апрелю 2019 г. Китай инвестировал более 70 млрд долл. США в проекты стран, пролегающих вдоль торговых коридоров проекта «Один пояс, один путь». На октябрь 2022 г. 149 стран и 32 международные организации заявили о поддержке указанной инициативы.

«В рамках выступления в сентябре 2013 г. в Назарбаев университете (г. Астана) председатель КНР Си Цзиньпин озвучил пять основных задач, которые был призван решить ЭПШП: усиление региональной экономической интеграции, строительство единой трансазиатской транспортной инфраструктуры, ликвидация инвестиционных и торговых барьеров, повышение роли национальных валют, углубление сотрудничества в гуманитарной сфере. В целях финансирования проектов концепции в Китае были созданы Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (капитал 100 млрд долл. США) и Фонд Шелкового пути (общий капитал 40 млрд долл. США). ЭПШП позволил сократить сроки доставки грузов железнодорожным транспортом из Китая в Европу до 10–14 суток вместо 45–60 дней морским транспортом. Реализация проекта включала в себя расширение таможенного сотрудничества, масштабов финансовых операций между странами, создание финансовых институтов при различных региональных организациях (ШОС, БРИКС), а также активизацию многосторонних гуманитарных связей в сфере культуры и науки, СМИ» [8, с. 118–119].

Выдвижение Си Цзиньпином идеи ЭПШП было обусловлено рядом внутренних и внешних причин. Председатель КНР считает, что в условиях сохранения кризисных тенденций в мировой экономике и замедления темпов ее развития благодаря географическим преимуществам страны ЭПШП сыграет важную роль в обеспечении устойчивого развития китайской экономики, создаст благоприятную международную среду для развития Китая. Мирное развитие КНР несет пользу соседним государствам. Данная инициатива нацелена на развитие западных регионов Китая, преодоление проблемы диспропорции в развитии западных и восточных районов страны, решение проблемы избыточных мощностей и освоение новых рынков стран в Евразии для экспорта китайских товаров и капитала.

Анализируя причины, подтолкнувшие руководство Китая к выдвиганию проекта «Один пояс, один путь», необходимо также указать «...на попытки США с помощью собственных концепций Транстихоокеанского партнерства, Большой Центральной Азии, Нового шелкового пути вытеснить Россию, Китай и Иран из Центральной Азии. Стремясь подчинить Центральную Азию своему влиянию, США открыто выступили против данной инициативы КНР, открыто заявив, что участие в ней – это прямая дорога к долговой яме» [9, с. 118]. Следует отметить, что выдвинутые Си Цзиньпином идеи проектов «Один пояс, один путь» и ЭПШП первоначально воспринимались в России и ряде других стран с определенной настороженностью. В ответ на эти опасения руководитель КНР образно заметил, что продвигаемые стратегии – «это не соло Китая, а симфония заинтересованных сторон»¹⁴.

Проект Си Цзиньпина отражал концепцию геополитического возвышения Китая как новой растущей сверхдержавы, но при этом он не был направлен против ШОС и ЕАЭС, в которых Китай и Россия являются ключевыми игроками.

Беларусь была в числе первых стран, которые поддержали инициативу председателя КНР Си Цзиньпина. Ее продвижение явилось важным приоритетом внешней политики белорусского государства. Отмечая особую роль Беларуси в развитии инициативы ЭПШП, А. Г. Лукашенко подчеркнул, что Беларусь – это крепчайшая нить в полотне Шелкового пути.

В свою очередь председатель КНР Си Цзиньпин считает, что «Беларусь обладает уникальными преимуществами для развития Экономического пояса нового Шелкового пути, поскольку страна расположена одновременно и в центре Европы, и на Шелковом пути»¹⁵.

Наиболее результативным было использование Республикой Беларусь логистической составляющей ЭПШП. За 2014–2020 гг. Беларуси удалось в 14 раз увеличить объемы следующих через республику железнодорожных контейнерных перевозок по маршруту Китай – Европа – Китай, а в условиях жесткой санкционной политики Запада за первые 10 месяцев 2022 г. Белорусская железная дорога увеличила контейнерные перевозки в Китай почти в 4,5 раза по сравнению с аналогичным периодом 2021 г.¹⁶

Инициатива ЭПШП включает не только организацию грузоперевозок и формирование логистической инфраструктуры, но и создание высоко-

технологичных производств и транснациональных производственных цепочек. Особую ценность инициативы представляет для Беларуси в связи со строительством на ее территории крупнейшего в Европе Китайско-белорусского индустриального парка «Великий камень». Председатель КНР Си Цзиньпин образно назвал его жемчужиной ЭПШП.

Созданный с учетом опыта самого передового в КНР Китайско-сингапурского индустриального парка (г. Сучжоу), индустриальный парк «Великий камень» позволил раскрыть потенциал Беларуси как важного коммуникационного звена между Европой и Азией, центра притяжения прямых китайских инвестиций, передовых технологий и производств, обеспечив свободный доступ произведенной в парке продукции на обширный рынок Евразийского экономического союза с населением 184 млн жителей без применения таможенных пошлин и мер нетарифного регулирования.

Результатам напряженной работы государственных органов, организаций и компаний Беларуси и Китая стало превращение индустриального парка «Великий камень» в крупнейший успешный стратегический проект двустороннего сотрудничества. Показателем эффективности работы парка стал динамичный рост количества его резидентов. Если в мае 2015 г. в парке были зарегистрированы восемь резидентов, то на начало октября 2022 г. их число выросло более чем в 10 раз – до 99 резидентов из 13 стран, в том числе из Германии, Швейцарии, Бельгии, Чехии, Австрии, США, Канады, Китая и России. Около половины инвесторов уже запустили производства, что позволило создать более 1660 рабочих мест. В развитие парка «Великий камень» инвестировано более 670 млн долл. США, а объем заявленных резидентами парка инвестиций составляет более 1,3 млрд долл. США¹⁷. Появление в парке ряда современных машиностроительных предприятий, например заводов по производству двигателей и коробок передач, позволило Беларуси приступить к решению весьма важных в условиях западной санкционной политики задач по импортозамещению.

Среди причин, позволивших Беларуси получить значимые дивиденды от участия в китайском экономическом проекте, главной следует назвать личное участие в реализации проекта белорусского лидера А. Г. Лукашенко и председателя КНР Си Цзиньпина.

¹⁴Портякова Н. Симфония Си: что даст России сопряжение «Пояса и пути» с ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/871414/natalia-portiakova/> (дата обращения: 04.09.2022).

¹⁵Государственный визит председателя КНР Си Цзиньпина в Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/events/gosudarstvennyj-vizit-predsdatelja-knr-si-tszinpinga-v-belarus-11366> (дата обращения: 04.09.2022).

¹⁶Белоруссия за 10 месяцев нарастила контейнерные перевозки в КНР в 4,5 раза [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20221116/perevozki-1831978317.html> (дата обращения: 08.12.2022).

¹⁷За январь – сентябрь 2022 г. индустриальный парк «Великий камень» пополнился 17 новыми предприятиями [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/velikii-kamen-idet-v-rost.html> (дата обращения: 08.12.2022).

Существенный вклад в разработку внешнеполитической стратегии КНР внесли решения рабочего совещания ЦК КПК по вопросам внешней политики, состоявшегося 22 июня 2018 г. в Пекине. О творческом подходе председателя КНР Си Цзиньпина к разработке внешнеполитической стратегии страны говорит название его доклада на совещании: «Стремиться сформировать новую обстановку в дипломатии великой державы с китайской спецификой».

Указав на значительные результаты внешней политики страны, достигнутые благодаря использованию новаторских подходов для продвижения дипломатии Китая, Си Цзиньпин отметил, что во внешнеполитической работе необходимо обязательно учитывать как ситуацию внутри страны, так и на международной арене, всегда держать в уме наиболее негативные сценарии. На совещании Си Цзиньпин впервые озвучил концепцию дипломатии КНР как дипломатии социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Она включает 10 основных направлений:

- 1) укрепление единого централизованного руководства КПК дипломатической работой;
- 2) развитие дипломатии мировой державы с китайской спецификой;
- 3) создание сообщества единой судьбы человечества;
- 4) укрепление стратегической уверенности на основе социализма с китайской спецификой;
- 5) содействие реализации инициативы «Один пояс, один путь»;
- 6) мирное развитие на основе взаимного уважения, сотрудничества и общего выигрыша;
- 7) формирование глобальных партнерских отношений;
- 8) стремление к ведущей роли в реформировании системы глобального управления;
- 9) защита государственного суверенитета, безопасности, интересов развития государства с приоритетом коренных интересов страны;
- 10) формирование самобытного китайского стиля дипломатии [9, с. 631–632].

Си Цзиньпин подчеркнул, что сейчас Китай находится на лучшем этапе развития с начала периода новой истории, в международных отношениях сложились благоприятные условия для реализации внешней политики страны, что позволит ей не только сохранить, но и укрепить свои международные позиции.

Анализ основных направлений современной китайской внешней политики будет неполным без

характеристики ее ключевого элемента – концепции сообщества единой судьбы человечества. Впервые она была озвучена председателем КНР 23 марта 2013 г. на лекции в Московском государственном институте международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации. В 2017 г. концепция была включена в резолюцию ООН, затем в резолюцию 2344 Совета Безопасности ООН, а также в соответствующие резолюции 34-й и 37-й сессий Совета ООН по правам человека. На XIX съезде КПК концепция создания сообщества единой судьбы человечества была включена в устав КПК. Пытаясь дать ответ на глобальные вопросы о том, какой мир строить и как его строить, Си Цзиньпин проанализировал глубинные изменения в международной обстановке, современные мировые тенденции, проблемы развития, сотрудничества и взаимного выигрыша. Выдвинутая им концепция создания сообщества единой судьбы человечества отражает общее стремление к таким непреходящим ценностям, как мир, развитие, равенство, справедливость, демократия, свобода, процветание. В основе концепции лежат социальная справедливость, гуманизм и равные возможности развития для всех стран. В этом состоит ее притягательная сила для любого государства.

Выступая на XX съезде КПК в октябре 2022 г., Си Цзиньпин отметил, что «...в построении сообщества единой судьбы человечества мы видим будущее народов всех стран мира. При условии, что все страны будут следовать общим для всего мира принципам, жить в мире и согласии, а также стремиться к сотрудничеству и всеобщему выигрышу, мы сможем сохранить длительное процветание и обеспечить безопасность в мире. Китай будет способствовать сохранению долгосрочного мира на планете, придерживаться принципов всеобщего выигрыша, стимулировать создание открытого и инклюзивного мира. Мы искренне обращаемся ко всем странам мира с призывом уважать многообразие мировых цивилизаций, чтобы их сосуществование взяло перевес над взаимным отчуждением и столкновением, чувством превосходства одной цивилизации над другой»¹⁸.

Высокую оценку концепции Си Цзиньпина дал белорусский лидер А. Г. Лукашенко. Он подчеркнул, что глобальные инициативы китайского лидера – концепция сообщества единой судьбы и проект «Один пояс, один путь» – это прежде всего глубокая объединительная философия международного сотрудничества. При реализации данных инициатив Китай не навязывает другим государствам свои ин-

¹⁸ Доклад председателя КНР Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kt.kz/rus/press-materialy/doklad_na_20_vsekitayskom_s_езде_kommunisticheskoy_partii_1377941342.html (дата обращения: 04.11.2022).

тересы и торговую экспансию. «Китай приходит – и в этом уникальная особенность – как дружественная страна, предлагая механизмы стимулирования совместного развития»¹⁹.

Глубокий, всесторонний анализ состояния и перспектив внешнеполитической стратегии Китая дал XX съезд КПК. К 2022 г., за десятилетие, прошедшее после XVIII съезда КПК, Китай совершил огромный скачок в наращивании экономической мощи. Общий объем ВВП страны увеличился с 54 до 114 трлн юаней, доля совокупного объема экономики Китая в мировой экономике достигла 18,5 % (прирост составил 7,2 %), по этому показателю Китай прочно занял второе после США место в мире. Среди главных достижений руководства страны в реализации внутренней политики следует назвать осуществление заветной мечты китайской нации о достижении среднего достатка и победу в самой масштабной в истории человечества борьбе с бедностью: избавив 100 млн сельских жителей от нищеты, Китай положил конец абсолютной бедности в стране.

В докладе генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина отмечались успехи в продвижении дипломатии мировой державы с китайской спецификой, результативность работы по созданию сообщества единой судьбы человечества, защите равенства и справедливости на международной арене, применению подлинного мультилатерализма, борьбе против любых форм гегемонизма и политики силы, противостоянию унилатерализму и протекционизму. Китайская дипломатия приложила серьезные усилия по созданию глобальной сети партнерских отношений и формированию нового типа международного взаимодействия. Китай принимал активное участие в реформировании и развитии системы глобального управления и международном сотрудничестве по борьбе с пандемией COVID-19. Как результат, значительно повысилось международное влияние Китая, заметно укрепилась его притягательная и формирующая сила.

Большая и результативная работа была проведена в стране по реализации курса «одна страна – две системы» на основе принципов «Сянганом управляют сами сянганцы» и «Аомэнем управляют сами аомэньцы». Это позволило Китаю сохранить в Сянгане (Гонконге) и Аомэне (Макао) позитивную тенденцию долгосрочного стабильного развития.

Особое внимание съезд уделил тайваньскому вопросу. Как отмечалось в выступлении Си Цзиньпина, решение этого вопроса и воссоединение Родины – историческая задача, к выполнению которой неизменно стремится КПК. Курс на мирное воссоединение по принципу «одна страна – две системы» является наилучшим способом объединения двух берегов Тайваньского пролива, наиболее выгодным вариантом для соотечественников с обоих берегов и китайской нации в целом. Руководитель КНР подчеркнул, что «...Тайвань – это китайский Тайвань. Тайваньский вопрос является собственным делом китайцев, которое должно быть решено самими китайцами. Мы будем прилагать максимум усилий для достижения мирного воссоединения Родины, в то же время ни в коем случае не будем обещать отказываться от применения силы и будем сохранять за собой возможность предпринимать все необходимые меры. Это направлено против вмешательства внешних сил и абсолютного незначительного числа сепаратистов, выступающих за так называемую независимость Тайваня»²⁰.

В числе новых важных задач в области внешней политики страны, поставленных XX съездом КПК, следует особо выделить завоевание на международной арене права голоса, соразмерного совокупной мощи и международному статусу Китая. Достичь указанной цели Китай сможет, как отмечалось на съезде, лишь превратившись к середине нынешнего века в модернизированную социалистическую державу, которая будет лидировать в мире по совокупной национальной мощи и международному влиянию.

Заключение

Основной целью внешней политики Китая является обеспечение максимально благоприятных внешних условий для внутреннего развития страны, реализации политики реформ.

Цели и задачи внешнеполитической стратегии КНР обуславливались в первую очередь потребностями развития экономики страны и определялись

реальным состоянием национальной экономики, экономическим и политическим весом Китая на международной арене.

В начальный период политики реформ (1980-е гг.), когда экономика Китая после эпохи культурной революции оказалась подорванной, ключевым принципом внешней политики страны была теория

¹⁹ Лукашенко на саммите в Пекине призвал страны к совместному мирному и взаимовыгодному развитию [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-na-sammite-v-pekine-prizval-strany-k-sovmestnomu-mirnomu-i-vzaimovuygodnomu-razvitiyu-247286-2017/> (дата обращения: 04.09.2022).

²⁰ Доклад председателя КНР Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kt.kz/rus/press-materialy/doklad_na_20_vsekitayskom_s_езде_kommunisticheskoy_partii_1377941342.html/ (дата обращения: 04.11.2022).

архитектора китайских реформ и политики открытости Дэн Сяопина «таогуан янхуэй» («держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя»).

В начале первого десятилетия XXI в., когда экономические реформы обеспечили бурный рост страны, когда Китай вступил в ВТО и стал космической державой, председатель КНР Ху Цзиньтао выдвинул концепции мирного подъема и гармоничного развития.

Высокие темпы экономического развития КНР в первом десятилетии нынешнего столетия, успешное преодоление страной мирового финансового кризиса 2008 г., превращение Китая в 2010 г. во вторую экономику мира стали основными причинами постепенного перехода председателя КНР Си Цзиньпина от политики держаться в тени к выдвинутой им новой внешнеполитической концепции дипломатии великой державы с китайской спецификой. Ключе-

выми составляющими новой стратегии стали инициированные Си Цзиньпином концепция сообщества единой судьбы человечества и проект «Один пояс, один путь», которые были активно поддержаны А. Г. Лукашенко.

Деятельность председателя КНР Си Цзиньпина на международной арене после XX съезда КПК убедительно демонстрирует твердую решимость китайского руководства воплотить в жизнь решение съезда завоевать на международной арене право голоса, соразмерное совокупной мощи и международному статусу Китая. Ярким доказательством этого явились итоги состоявшейся в ноябре 2022 г. зарубежной поездки Си Цзиньпина, в рамках которой он принял участие в 17-м саммите Большой двадцатки, а также в 29-й встрече руководителей Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества и осуществил визит в Таиланд²¹.

Библиографические ссылки

1. Си Цзиньпин. *О создании сообщества единой судьбы человечества*. Пекин: Чжунъян бяньи чубаньше; 2021. 691 с.
2. Си Цзиньпин. *О государственном управлении. Том 1*. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках; 2014. 624 с.
3. Дэн Сяопин. *Основные вопросы современного Китая*. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках; 1987. 217 с.
4. Мацель ВМ. *Становление и развитие дружественных белорусско-китайских отношений*. Барановичи: Барановичская укрупненная типография; 2004. 190 с.
5. Мацель ВМ. *Беларусь – Китай: 30 лет по пути дружбы и взаимовыгодного сотрудничества*. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь; 2021. 384 с.
6. Дэн Сяопин. Воспользоваться подходящим моментом для решения проблем развития (24 декабря 1990 г.). В: Конашук ГД, Мишин НЛ, составители. *Творцы истории: Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь. Статьи и выступления*. Минск: Палея-Мишин; 2001. 306 с.
7. Цинь Ши, редактор. *Китай: факты и цифры*. Пекин: Синьсин; 2000. 205 с.
8. Мацель ВМ. Сопряжение потенциалов Евразийского экономического союза и экономического пояса Шелкового пути: взгляд из Минска. *Проблемы управления*. 2021;79(1):115–125.
9. Си Цзиньпин. *О государственном управлении. Том 3*. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках; 2021. Стремиться сформировать новую обстановку в дипломатии великой державы с китайской спецификой (22 июня 2018 г.); с. 630–635.

References

1. Xi Jinping. *O sozdanii soobshchestva edinoi sud'by chelovechestva* [About the creation of a community of a single destiny of mankind]. Beijing: Zhongyang bianyi chubanshe; 2021. 691 p. Russian.
2. Xi Jinping. *O gosudarstvennom upravlenii. Tom 1* [About public administration. Volume 1]. Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh; 2014. 624 p. Russian.
3. Deng Xiaoping. *Osnovnye voprosy sovremennogo Kitaya* [The main issues of modern China]. Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh; 1987. 217 p. Russian.
4. Matsel VM. *Stanovlenie i razvitie druzhestvennykh belorussko-kitaiskikh otnoshenii* [Formation and development of friendly Belarusian-Chinese relations]. Baranovichy: Baranovichskaya ukрупnennaya tipografiya; 2004. 190 p. Russian.
5. Matsel VM. *Belarus' – Kitai: 30 let po puti druzhby i vzaimovыgodnogo sotrudnichestva* [Belarus – China: 30 years on the path of friendship and mutually beneficial cooperation]. Minsk: Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus; 2021. 384 p. Russian.
6. Deng Xiaoping. [Take advantage of the right moment to solve development problems (1990 December 24)]. In: Konashuk GD, Mishin NL, compilers. *Tvortsy istorii: Mao Tzedun, Den Syaopin, Tszyan Tszemin'. Stat'i i vystupleniya* [Creators of history: Mao Zedong, Deng Xiaoping, Jiang Zemin. Articles and speeches]. Minsk: Paleya-Mishin; 2001. 306 p. Russian.

²¹Зарубежная поездка Си Цзиньпина демонстрирует приверженность Китая глобальному росту и управлению [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.news.cn/20221120/045a2883a97345e9a878895248452f9a/c.html> (дата обращения: 08.12.2022).

7. Qin Shi, editor. *Kitai: fakty i tsifry* [China: facts and figures]. Beijing: Xinxing; 2000. 205 p. Russian.
8. Matsel VM. The integration of the potentials of the Eurasian Economic Union and the Silk Road economic belt: a point of view from Minsk. *Problemy upravleniya*. 2021;79(1):115–125. Russian.
9. Xi Jinping. *O gosudarstvennom upravlenii. Tom 3* [On public administration. Volume 3]. Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh; 2021. [Strive to create a new environment in the diplomacy of a great power with Chinese specifics (2018 June 22)]; p. 630–635. Russian.

*Статья поступила в редколлегию 30.11.2022.
Received by editorial board 30.11.2022.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВЫЗОВОВ XXI в.

Д. В. САВАТЕЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются преобразования в системе социального страхования населения Федеративной Республики Германии в XXI в., произошедшие под влиянием процессов глобализации, увеличения миграционных потоков, демографических изменений и экономического кризиса. Отмечается, что нормы в сфере социального обеспечения в немецком обществе требуют совершенствования. Сегодня одними из главных задач правительства Германии выступают предоставление равных возможностей всем категориям населения и сокращение социальной несправедливости. Показано, что в основе обязательного социального страхования в ФРГ лежит принцип делегирования государством ряда задач исполнительным органам, а также принцип солидарности поколений, при котором часть выплат производит работающая часть населения. Определено, что на современном этапе развития Германии происходит отказ от сложившихся механизмов социального регулирования. На протяжении более чем века финансирование системы социального обеспечения в ФРГ осуществлялось за счет страховых взносов работоспособного населения и работодателей. Однако в связи с пандемией COVID-19, которая повлекла за собой значительные экономические трудности, финансирование системы социального обеспечения оказывается под вопросом. Сделан вывод о том, что проведенные в XXI в. правительством ФРГ реформы затронули наиболее подверженные кризисам области социального обеспечения, в частности рынок труда и пенсионную сферу, которые являются основой системы социального страхования.

Ключевые слова: Федеративная Республика Германия; система социального обеспечения; социальное страхование; глобализация; социальная политика; демографические изменения.

ТРАНСФОРМАЦІЯ СІСТЭМЫ САЦЫЯЛЬНАГА СТРАХАВАННЯ НАСЕЛЬНІЦТВА Ў ФЕДЭРАТЫЎНАЙ РЭСПУБЛІЦЫ ГЕРМАНІІ ПАД УПЛЫВАМ ВЫКЛІКАЎ XXI ст.

Д. У. САВАЦЕЕВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Аналізуюцца пераўтварэнні ў сістэме сацыяльнага страхавання насельніцтва Федэратыўнай Рэспублікі Германіі ў XXI ст., якія адбыліся пад уплывам працэсаў глабалізацыі, павелічэння міграцыйных патокаў, дэмаграфічных змяненняў і эканамічнага крызісу. Адзначаецца, што нормы ў сферы сацыяльнага забеспячэння ў нямецкім грамадстве патрабуюць удасканалення. Сёння аднымі з асноўных задач урада ФРГ выступаюць прадастаўленне роўных магчымасцей для ўсіх катэгорый насельніцтва і скарачэнне сацыяльнай несправядлівасці. Паказана, што ў аснове абавязковага сацыяльнага страхавання ў ФРГ ляжыць прынцып дэлегавання дзяржавай шэрагу задач выканаўчым

Образец цитирования:

Саватеева ДВ. Трансформация системы социального страхования населения в Федеративной Республике Германии под влиянием вызовов XXI в. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023; 1:50–57.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-50-57>

For citation:

Savatseyeva DV. Transformation of social insurance system of the population in the Federal Republic of Germany under the influence of the challenges of the 21st century. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023; 1:50–57. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-50-57>

Автор:

Дарья Владимировна Саватеева – аспирантка кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. С. Кошелев.

Author:

Darya V. Savatseyeva, postgraduate student at the department of modern and contemporary history, faculty of history.
darya-kruglova.98@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5018-4210>

органам, а таксама прынцып салідарнасці пакаленняў, пры якім частку выплат ажыццяўляе насельніцтва, якое працуе. Вызначана, што на сучасным этапе развіцця Германіі назіраецца адмова ад механізмаў, якія функцыянавалі дзесяцігоддзямі. На працягу больш чым векавага перыяду фінансаванне сістэмы сацыяльнага забеспячэння ў ФРГ ажыццяўлялася за кошт страхавых узносаў працаздольнага насельніцтва і работадаўцаў. Аднак у сувязі з пандэміяй COVID-19 фінансаванне сістэмы сацыяльнага забеспячэння сутыкнулася з перашкодамі. Зроблена выснова аб тым, што праведзеныя ў XXI ст. урадам ФРГ рэформы закранулі тэра вобласці сацыяльнага забеспячэння, якія найбольш востра рэагуюць на крызісы, у прыватнасці рынак працы і пенсійную сферу, што з'яўляюцца асновай сістэмы сацыяльнага страхавання.

Ключавыя словы: Федэратыўная Рэспубліка Германія; сістэма сацыяльнага забеспячэння; сацыяльнае страхаванне; глабалізацыя; сацыяльная палітыка; дэмаграфічныя змены.

TRANSFORMATION OF SOCIAL INSURANCE SYSTEM IN THE POPULATION OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY UNDER THE INFLUENCE OF THE CHALLENGES OF THE 21st CENTURY

D. V. SAVATSEYEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article presents the results of the analysis of changes in the insurance system of the German population in the 21st century, which occurred under the influence of globalisation processes, increased flows, demographic changes and economic crises. The current situation in German society shows that the sphere of risk requires an expected norm of regulation, which is observed as one of the main tasks. It has been established that in the modern mandatory accounting in Germany, the necessary prevention of loss of income due to illnesses, accidents and disability, old age and calculation, the correct principle of delegating the composition of tasks by the executive body and the principles of solidarity of plant resources, in which part of the production of the working part of the population. It is certain that in the frequently encountered situation of the development of Germany, under the threat of new challenges, there is a refusal to function on the suddenly emerging features of the welfare state. It has been established that for more than a hundred years the financing of the social security system in Germany was carried out at the expense of insurance contributions from the possibilities of the population and employers. However, in connection with the COVID-19 pandemic, which has attracted close attention, primarily affecting the employment and insurance of the unemployed, the question arises of checking the system of financing the social security system. All of the above indicated the stress of the beginning of the processes of destruction of the previously functioning ones. It is concluded that conducted in the 21st century. In particular, the reforms in Germany touched upon the exclusive area of social security, the most important problems and problems associated with the insurance system – the labour market and the pension system.

Keywords: Federal Republic of Germany; social security system; social insurance; globalisation; social policy; demographic changes.

Важным направлением внутренней политики высокоразвитых государств является социальное обеспечение населения. Германия по праву может считаться первой страной в Европе, которая примерила на себя образ социального государства. На протяжении более чем векового периода она выступает эталоном в разработке и реализации механизмов социального обеспечения.

В 1883 г. под воздействием требований рабочих канцлером Германской империи О. фон Бисмарком было введено медицинское страхование, в 1884 г. – страхование от несчастных случаев, а в 1889 г. – страхование по старости и инвалидности для рабочих и других категорий наемных работников. Эти меры привели к созданию модели всеобъемлющего и обязательного страхования.

Медицинское страхование включало покрытие расходов на лечение, пособие по болезни, социаль-

ную поддержку женщин в связи с рождением ребенка. Страхование от несчастных случаев также покрывало медицинские расходы и предусматривало дополнительные меры по предотвращению несчастных случаев на производстве. Страхование по старости и инвалидности предоставляло возможность получать пенсию в случае нетрудоспособности или по достижении 70-летнего возраста. Финансирование данной системы осуществлялось за счет взносов работодателей и работников, а в случае страхования по старости и инвалидности – дополнительно за счет государственных субсидий. Система социального обеспечения складывалась и развивалась в соответствии с социальными потребностями, историческим, экономическим и культурным развитием немецкого общества [1]. В скором времени введенная система социального страхования получила широкое распространение и за пределами

Германской империи. Основные механизмы системы социального обеспечения, сформировавшейся в Германии в конце XIX в., действуют до настоящего времени.

На современном этапе можно наблюдать появление механизмов социальной защиты населения, которые обеспечиваются как добровольными частными инициативами, так и обязательными государственными системами. Однако вызовы современности требуют совершенствования сложившихся норм регулирования в данной сфере. Процессы глобализации, увеличение миграционных потоков, демографические изменения, а также экономический кризис оказали влияние на систему социального обеспечения, обнажили проблемы и дали толчок преобразованиям. На пороге нового тысячелетия стали проявляться признаки социальной незащищенности населения. В связи с этим вопрос функционирования системы социального страхования не утратил актуальности как для ФРГ, так и для всего международного сообщества. В целях выявления особенностей системы социального обеспечения в современной Германии необходимо проанализировать наиболее характерные изменения в данной сфере в XXI в.

Настоящее исследование подготовлено на основе широкого круга источников, что позволило выявить наиболее существенные факторы развития современной системы социального страхования в Германии.

Важнейшим источником информации стал Социальный кодекс ФРГ, состоящий из 12 книг, каждая из которых регламентирует отдельный аспект социальной защиты населения¹. Кроме того, в работе использованы положения Основного закона ФРГ от 23 мая 1949 г.², в котором закреплен принцип социального государства. Определение данного принципа не имеет широкого разъяснения в немецком законодательстве и по-прежнему остается предметом научных дискуссий. При написании статьи также использована Всеобщая декларация прав человека³, в которой обосновывается право каждого на социальное обеспечение. Указанные документы свидетельствуют о том, что потребность населения в социальной защите выступает одним из ключевых прав человека и, как следствие, одним из приоритетов немецкой социальной политики.

Попытка исследовать современную немецкую систему социального обеспечения под влиянием вызовов XXI в. опирается на довольно обширную историографическую базу. Автором всесторонне изучены публикации белорусских, российских и немецких исследователей. Необходимо отметить, что данная тема не теряет актуальности для историков, экономистов, социологов и политологов.

В белорусской историографии рассматривается преимущественно социальное обеспечение населения Республики Беларусь и в гораздо меньшей степени изучаются развитие и функционирование западноевропейских систем социального обеспечения. Последним посвящено небольшое количество исследований белорусских авторов [2; 3]. Российской историографии на данную тему свойствен более широкий охват. В России главным центром изучения немецкой экономики и политики является Центр германских исследований Института Европы Российской академии наук. Одним из основных направлений его работы выступает социально-экономический вектор немецкого развития. Неспоримый вклад в изучение системы социального обеспечения ФРГ внесли В. Б. Белов [4; 5], М. В. Каргалова [6; 7], А. Ю. Ватлин [8], Т. Г. Хришкевич [9], А. А. Галкин [10], В. И. Дубинский [11] и А. А. Деревянченко [12].

Современные немецкоязычные исследователи используют широкий спектр концепций и методологических подходов. В большинстве их работ применяются историко-семантические или дискурсивно-исторические теоретические подходы к изучению социальной истории. Особое внимание необходимо уделить мемуарам Г. Шрёдера [13], которые дают общее представление о социальном, экономическом и внешнеполитическом развитии ФРГ в XXI в. В коллективной работе «Социальная политика в Германии. Систематическое введение»⁴ проведен всесторонний обзор современной немецкой социальной политики, в частности социально-политических проблем и концепций. В исследовании И. Фрериха [14] рассмотрено функционирование системы социальных пособий в ФРГ, в работе Л. Гаусса [15] представлены ценные статистические данные по обязательному социальному страхованию. Развитие и механизмы функционирования немецкой социальной системы, а также тенденции

¹Sozialgesetzbuch (SGB) Erstes Buch (I) – Allgemeiner Teil – (Artikel I des Gesetzes vom 11. Dezember 1975, BGBl. I S. 3015) § 4 Sozialversicherung [Elektronische Ressource]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/sgb_1/_4.html (Datum des Zugriffs: 23.11.2021).

²Das Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland, 23. Mai 1949 [Elektronische Ressource]. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&trefferanzeige=&suchmodus=&suchbegriff=&t=&l=de (Datum des Zugriffs: 23.11.2021).

³Universal declaration of human rights [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/en/udhrbook/pdf/udhr_booklet_en_web.pdf (date of access: 23.11.2021).

⁴Boeckh J., Huster E.-U., Benz B. Sozialpolitik in Deutschland. Eine systematische Einführung. Wiesbaden : VS Verlag für sozial Wissenschaften, 2011. 489 S.

в области ее реформирования изучаются в публикациях [16; 17]. Особенностью немецкоязычной историографии является исследование различных социально-политических подходов к анализу социальных систем в европейском сравнении⁵. Поставленная проблема получила широкое освещение как в немецкоязычной, так и в русскоязычной научной литературе. Тем не менее в данной области остается ряд неосвещенных аспектов, а преимущественно фрагментарный принцип рассмотрения проблем обуславливает необходимость дальнейшего исследования темы.

Основными задачами современной системы социального обеспечения являются устранение социальной несправедливости и обеспечение равными возможностями всех категорий населения. Люди выступают главной ценностью государства, которое должно создать все необходимые условия для их социальной защиты. В Германии действует континентально-консервативная социальная модель. Она обеспечивает реализацию ряда положений: финансирование социальных услуг за счет отчислений из фонда заработной платы, оплату страхования по безработице, болезни, пенсии, уходу и материнству за счет взносов работодателей и наемной рабочей силы, выделение дотаций на пенсионное страхование и охрану материнства за счет налогов, активное участие не только государственного, но и частного сектора в области здравоохранения и т. д. В настоящее время данная модель социального государства приспособляется к современным вызовам [6, с. 240–241].

Социальное страхование в ФРГ основано на нескольких принципах. Принцип обязательного страхования распространяется на большую часть населения. Исключением могут являться солдаты, самозанятые лица, представители маргинальных слоев. Тот, кто не застрахован в обязательном порядке, имеет возможность добровольного страхования. Принцип солидарности позволяет уравнивать возможность получения социальных услуг для всех категорий граждан независимо от уровня их доходов. Принцип самоуправления предполагает делегирование ряда задач и сфер ответственности исполнительным органам. Организации социального страхования функционируют самостоятельно, но находятся под юридическим контролем государства.

В начале 2000-х гг. большинство европейских стран, в том числе Германия, столкнулись с социальной напряженностью в обществе. Данное явление характеризует состояние общественной жизни, обусловленное экономическими, политическими

и социальными факторами. Процессы глобализации оказывают серьезное влияние на немецкую систему социального обеспечения. Порожденные ими изменения в экономике, общественно-политической, культурной и социальной жизни постепенно затрагивают сферу здравоохранения, образования, рынок труда и т. д. Это приводит к формированию международных стандартов социальной защиты населения. В значительной степени на данный процесс влияет и технологический прогресс, который приводит к автоматизации производства, но в то же время к сокращению рабочих мест, дифференциации доходов населения, увеличению безработицы и социальной напряженности в обществе. Таким образом, сегодня наблюдается разрушение основ социального государства, влекущее за собой рост социальных рисков (демографические изменения, усиление социальной дифференциации общества, рост преступности и т. д.) и социальной нестабильности. С учетом трансформаций в сфере трудовых отношений, которые являются основой финансирования социального страхования, сложившаяся система социального обеспечения требует пересмотра⁶.

К ноябрю 2005 г. Германия столкнулась с серьезными проблемами, которые требовали реализации начатых реформ. Одним из приоритетных направлений оставалась борьба с безработицей. Создание глобального пространства для свободного перемещения рабочей силы повлекло за собой ряд рисков для национального рынка труда: усилилась мобильность трудовых ресурсов, обострилась конкуренция на международном рынке труда, унификация и стандартизация условий труда и требований к качеству рабочей силы обусловили риск нивелирования национальных особенностей регулирования рынка труда. Кроме того, на функционировании немецкого рынка труда в начале 2000-х гг. отразились последствия объединения Германии. Это привело к серьезным потрясениям в работе институтов рынка труда, а также к значительному росту безработицы. Несмотря на то что доля экономически активного населения увеличилась на треть, большая часть рабочих с присоединенных земель не имели квалификации для успешной интеграции в общий рынок труда. Одновременно необходимо было поднять уровень заработной платы в восточных землях до ее уровня в западных. Все это обусловило рост трудовых издержек и повышение социальных налогов. Взносы в пенсионный и медицинский фонд, а также страхование по безработице в 1980 г. составляли 32,4 % от заработной платы, в 1990 г. – 35,6 %, в 2000 г. – 41,1 %, в 2005 г. – 41,9 %

⁵Sozialreformen in Frankreich und Deutschland [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.dfi.de/pdf-Dateien/Veroeffentlichungen/afa/afa20.pdf> (Datum des Zugriffs: 20.05.2022).

⁶Soziale Sicherheit im 21. Jahrhundert. Umriss eines neuen Sozialstaates [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.linksnet.de/artikel/19513> (Datum des Zugriffs: 05.09.2021).

от заработной платы⁷. Растущая стоимость рабочей силы подтолкнула работодателей к переводу производств в регионы с более низкими затратами на труд, что, в свою очередь, лишало национальную экономику рабочих мест. Росту уровня безработицы способствовало и ограничение на увольнение. Оно должно было стабилизировать занятость, однако чрезмерная защищенность наемных работников вступила в противоречие с потребностями современной экономики, нуждавшейся в более мобильной рабочей силе. С каждым годом число безработных стремительно росло и в 2005 г. достигло своего апогея в 11,7 % от населения⁸.

На протяжении последних 16 лет правительственные коалиции ФРГ искали пути решения проблем в области рынка труда и социальной защиты безработных. Еще красно-зеленой коалицией во главе с Г. Шрёдером была принята инициатива «Повестка дня – 2010», ядром которой являлись реформы Харца. Последующие коалиционные правительства во главе с канцлером А. Меркель продолжали курс по стабилизации ситуации, принимая меры по стимулированию безработных к активному поиску рабочего места.

В соответствии с принципами социального государства пособие по безработице предназначено для обеспечения безработным достойного уровня жизни на время поиска рабочего места. Данное пособие финансируется пропорционально работодателем и работником. Также звеном в оказании финансовой помощи лицам, потерявшим работу, является пособие по безработице, которое представляет собой слияние ранее существующих форм оказания помощи – прежнего пособия по безработице и социальной помощи. Начатый в 2005 г. четвертый пакет реформ Харца изменил трехзвенную систему выплат пособия по безработице, которая ранее включала основное пособие по безработице, помощь по безработице и социальную помощь. Была сокращена продолжительность выплаты основного пособия по безработице на период до 12 месяцев. Только лица старше 58 лет могли претендовать на него на период до 18 месяцев. Кроме того, была отменена выплата помощи по безработице, т. е. лицо, не трудоустроившееся в течение 12 месяцев, имело право только на получение социальной помощи.

Эта мера существенно изменила положение хронических безработных, так как размер социального пособия был уменьшен [6]. В 2005–2021 гг. базовая ставка пособия по безработице увеличилась с 345 до 446 евро⁹. Благодаря принятым мерам число безработных сократилось почти в два раза – с 11,7 % в 2005 г. до 5,8 % в 2021 г.¹⁰

Обязательное страхование от несчастных случаев, являющееся наименее известным разделом немецкого социального страхования, оставалось неизменным на протяжении длительного периода. В отличие от медицинского или пенсионного страхования обязательное страхование от несчастных случаев является непосредственной ответственностью работодателя. Каждый, кто находится в трудовых отношениях или проходит обучение, застрахован по закону. Страховая защита обеспечивается независимо от возраста, пола, семейного положения или гражданства. Она распространяется на несчастные случаи на работе и в пути на работу, а также на профессиональные заболевания.

Одной из наиболее острых проблем начала 2000-х гг. стала демографическая деформация немецкого общества. Старение населения характерно не только для Германии, но и для большинства европейских стран. Изменение возрастной структуры, вызванное снижением рождаемости и увеличением продолжительности жизни (к примеру, в ФРГ с 66,5 года в 1950-х гг. до 81,3 года в 2020 г.¹¹), является одной из самых серьезных социально-политических проблем в большинстве промышленно развитых стран. Это создает сложности в сфере трудовых отношений, оказывает безусловное влияние на функционирование и финансирование системы социального обеспечения. В основе системы социального страхования лежит принцип солидарности поколений: часть выплат производит работающая часть населения, часть – государство. Из-за старения населения меньшему количеству работников приходится финансировать большее количество людей пенсионного возраста. Это означает, что пенсионные взносы молодого поколения растут, но в то же время их ожидаемый пенсионный уровень падает. Если сегодня в ФРГ ставка взносов, исчисляемых в фонды пенсионного страхования, составляет 18,6 % от заработной платы¹², то при отсутствии

⁷Beitragssatzentwicklung in der Sozialversicherung 1970–2022 [Elektronische Ressource]. URL: https://www.sozialpolitik-aktuell.de/files/sozialpolitik-aktuell/_Politikfelder/Finanzierung/Datensammlung/PDF-Dateien/tabII6.pdf (Datum des Zugriffs: 05.09.2021).

⁸Arbeitslose und Arbeitslosenquote. In absoluten Zahlen und in Prozent aller zivilen Erwerbspersonen, 1980 bis 2013 [Elektronische Ressource]. URL: https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/01%20Arbeitslose%20und%20Arbeitslosenquote_0.pdf (Datum des Zugriffs: 20.09.2022).

⁹Höhe des Hartz-IV-Regelsatzes von 2005 bis 2022 [Elektronische Ressource]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/241114/umfrage/entwicklung-des-hartz-iv-regelsatzes/> (Datum des Zugriffs: 24.01.2022).

¹⁰Arbeitslosenquote in Deutschland im Jahresdurchschnitt von 2005 bis 2021 [Elektronische Ressource]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1224/umfrage/arbeitslosenquote-in-deutschland-seit-1995/> (Datum des Zugriffs: 20.01.2022).

¹¹Entwicklung der Lebenserwartung bei Geburt in Deutschland nach Geschlecht in den Jahren von 1950 bis 2060 [Elektronische Ressource]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/273406/umfrage/entwicklung-der-lebenserwartung-bei-geburt-in-deutschland-nach-geschlecht/> (Datum des Zugriffs: 21.01.2022).

¹²Beitragssatzentwicklung in der Sozialversicherung 1970 – 2022 [Elektronische Ressource]. URL: https://www.sozialpolitik-aktuell.de/files/sozialpolitik-aktuell/_Politikfelder/Finanzierung/Datensammlung/PDF-Dateien/tabII6.pdf (Datum des Zugriffs: 26.01.2022).

реформ в этой области прогнозный показатель на 2060 г. составит 23,7 % от заработной платы¹³.

Система пенсионного обеспечения постоянно находится в состоянии трансформации, ее функционирование должно быть нацелено на долгосрочную перспективу. В целях компенсации демографических трансформаций правительство большой коалиции в 2005 г. начало постепенно повышать пенсионный возраст с 65 до 67 лет. Данный переход планируется завершить к 2029 г. Изменения затронули людей с ограниченными возможностями: для них пенсионный возраст увеличился на два года, до 65 лет (ранее – 63 года). Аналогичные изменения коснулись выхода на пенсию из-за потери кормильца: в таком случае предельный возраст увеличился с 45 до 47 лет¹⁴.

Государственное пенсионное страхование основывается на принципе солидарности поколений и предусматривает выплату пенсий по возрасту, в случае потери кормильца и в случае нетрудоспособности. Обязательным условием для получения пенсионных выплат является стаж работы на территории Германии не менее 5 лет. Сегодня около 35 млн наемных работников участвуют в этой системе страхования. Отчисления в систему страхования осуществляются работодателем и сотрудником поровну. Большинство людей пенсионного возраста находят дополнительные способы обеспечить старость.

Поскольку коэффициент рождаемости в Германии оставался неизменным на протяжении последних четырех десятилетий и составлял в среднем 1,5 ребенка на 1 женщину¹⁵, государство предприняло ряд мер по стабилизации демографической ситуации. В 2007 г. было введено пособие по уходу за ребенком, которое в течение 14 месяцев возмещало 67 % заработной платы. Данная мера оказала незначительное воздействие на динамику рождаемости в стране: если в 2007 г. в ФРГ родились 685 тыс. детей, то в 2020 г. – 773 тыс. детей¹⁶. Правительственные коалиции проводят мероприятия в области семейной политики и поддержки семей, что выражается в количестве выделяемых пособий (около 150 видов).

Системы частного и государственного медицинского страхования в Германии складывались параллельно. В конце XIX в. были созданы учреждения частного сектора, где население, не подлежащее обязательному медицинскому страхованию (нетрудоустроенные лица), могло быть застраховано от болезней. Сегодня около 10 млн человек в Германии получают медицинское страхование в частном порядке. В отличие от обязательного медицинского страхования, где взносы в значительной степени основаны на доходе застрахованного, взносы в рамках частного медицинского страхования основаны на риске (возраст, заболевания) при заключении договора страхования. В основу частного медицинского страхования заложен базовый тариф. Его объем сопоставим с объемом обязательного вида страхования. Страховой взнос не может превышать соответствующий максимальный размер дотации обязательного медицинского страхования, который пересчитывается каждый год (на 1 января 2023 г. он составлял 394,02 евро). Благодаря разнообразию тарифов (социальный, базовый и стандартный) частное медицинское страхование позволяет варьировать структуру страхования по желанию. Однако условия страхования, льготы и расчет соответствующих тарифов являются едиными для всех компаний. Взносы на частное медицинское страхование считаются пенсионными расходами и частично не подлежат налогообложению, как и взносы членов семьи, застрахованных в частном порядке. Это позволяет снизить налоговую нагрузку на семью¹⁷.

Страхование на случай длительного ухода существует в Германии с 1995 г. Права на пособия одинаковы для всех, однако с точки зрения финансирования страхование разделяется на государственное и частное¹⁸. Государственная система страхования на случай длительного ухода является обязательной для большинства людей, живущих в Германии. Услуги одинаковы для всех застрахованных лиц. Существенные различия есть в реализации определенных пособий и исчислении взносов. Они зависят от того, какую страховку, государственную или частную, имеют лица¹⁹.

¹³ Alterssicherung in Deutschland 2019 [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.bmas.de/DE/Soziales/Rente-und-Altersvorsorge/rente-und-altersvorsorge.html> (Datum des Zugriffs: 02.02.2022).

¹⁴ Gesetz zur Anpassung der Regelaltersgrenze an die demografische Entwicklung und zur Stärkung der Finanzierungsgrundlagen der gesetzlichen Rentenversicherung (RV-Altersgrenzenanpassungsgesetz) [Elektronische Ressource]. URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?start=%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl107s0554.pdf%27%5D#_bgbl_%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl107s0554.pdf%27%5D_1674212083466 (Datum des Zugriffs: 20.09.2022).

¹⁵ Deutschland: Fruchtbarkeitsziffer von 1970 bis 2006 [Elektronische Ressource]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/14095/umfrage/deutschland-fruchtbarkeitsziffer/> (Datum des Zugriffs: 03.02.2022).

¹⁶ Anzahl der Geburten in Deutschland von 1991 bis 2019 [Elektronische Ressource]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/235/umfrage/anzahl-der-geburten-seit-1993/> (Datum des Zugriffs: 03.02.2022).

¹⁷ Private Kranken- und Pflegeversicherung [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.pkv.de/wissen/private-krankenversicherung/> (Datum des Zugriffs: 03.02.2022).

¹⁸ Die Pflegeversicherung [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.bundesgesundheitsministerium.de/themen/pflege/online-ratgeber-pflege/die-pflegeversicherung.html> (Datum des Zugriffs: 03.02.2022).

¹⁹ Sozialgesetzbuch (SGB) - Elftes Buch (XI) – Soziale Pflegeversicherung (Artikel 1 des Gesetzes vom 26. Mai 1994, BGBl. I S. 1014) [Elektronische Ressource]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/sgb_11/SGB_11.pdf (Datum des Zugriffs: 03.02.2022).

Государственное страхование основано на принципе ухода за больным. Это гарантирует, что застрахованный получит все пособия по болезни и уходу. Лица, застрахованные в частном порядке, обычно оформляют страховку на случай длительного ухода в частной страховой компании. Лица с обязательным медицинским страхованием получают страховку на случай длительного ухода через медицинскую страховую компанию. Обе системы страхования по закону предлагают одинаковые льготы. Размер пособия по уходу зависит в основном от степени потребности в уходе. Как правило, чем выше требования к уровню ухода, тем выше выплата²⁰. С 1 июля 2008 г. ставка взноса увеличилась с 1,70 % от суммы заработной платы (1,95 % для бездетных лиц) до 1,95 % (2,20 %)²¹.

На протяжении более чем века финансирование системы социального обеспечения в ФРГ осуществляется за счет страховых взносов работоспособного населения и работодателей. Бюджетными дотациями покрывается социальное обеспечение лишь тех лиц, которые не имеют возможности самостоятельно вносить отчисления. С каждым годом расходы на социальную сферу растут. Это отображают данные социального отчета Федерального министерства труда и социальных дел за 2021 г. Социальные расходы за последний год резко возросли, в первую очередь в связи с пандемией COVID-19. Таким образом, на социальные выплаты в 2021 г. было выделено примерно 1,1 трлн евро, что на 7,1 % меньше, чем в 2020 г. Увеличение расходов затронуло все сферы социального обеспечения. В сфере занятости из-за пандемии расходы на страхование от безработицы составили 28,2 млрд евро²².

Германия выступает эталоном в вопросах социального обеспечения как для государств – членов Европейского союза, так и для всего международного сообщества. Одним из важнейших немецких социальных институтов является система социального страхования, зародившаяся еще в конце XIX в. В начале XXI в. Федеративная Республика Германия, как и большинство высокоразвитых государств, столкнулась с кризисом в экономической, общественно-политической и социальной сферах. Вызовы нового тысячелетия выразились в первую очередь в демографических и социальных трансформациях, интенсификации миграционных потоков и процессах глобализации. Это положило начало разрушению сложившихся механизмов социального государства. Коалиционным правительствам ФРГ пришлось разрабатывать меры, направленные на преобразования в сфере системы социального страхования. В 2003–2021 гг. политика в области социального обеспечения осуществлялась в контексте борьбы с кризисными явлениями, что, в свою очередь, истощало политический ресурс главенствующих партий, не оставляя возможностей на претворение в жизнь предвыборных обещаний в социальной сфере. Как следствие, были трансформированы области социального обеспечения, которые наиболее подвержены кризисам, влияют на финансирование и являются основой системы социального страхования. Это прежде всего рынок труда и пенсионная сфера. Таким образом, социальная модель государства, сформированная при О. фон Бисмарке, не способна в полной мере отвечать на все вызовы современности. Внутренняя политика Германии в социальной сфере должна быть адаптирована к глобализационным процессам XXI в.

Библиографические ссылки

1. Лохова ИВ. *Социальная политика Германии и Австрии в последней трети XIX – начале XX вв.* [диссертация]. Владикавказ: СОГУ; 2016. 234 с.
2. Сурма АА. *Социальная политика правительств Д. Кэмерона (2010–2016 гг.)* [диссертация]. Минск: БГПУ; 2021. 259 с.
3. Шарапо АВ. *Социальная модель Беларуси и ФРГ: сходства и различия* [Интернет] [процитировано 20 сентября 2022 г.]. Доступно по: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/43780/1/sharapo_2011_Belarus_Germany.pdf.
4. Белов ВВ. *Германия. Вызовы XXI века.* Москва: Весь Мир; 2009. 792 с.
5. Белов ВВ. *Германия. 2021.* Москва: Институт Европы РАН; 2022. 212 с. DOI: 10.15211/report72022_393.
6. Каргалова МВ. *Социальная Европа в XXI веке.* Москва: Институт Европы РАН; 2011. 528 с.
7. Каргалова МВ. Европейская социальная модель. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2007;45(2):65–67. DOI: 10.30570/2078-5089-2007-45-2-44-82.
8. Ватлин АЮ. Германия в 2000–2010 годах. *Новая и новейшая история.* 2010;6:18–37.
9. Хришкевич ТГ. «Agenda-2010»: итоги десяти лет социальных реформ в ФРГ. *Метаморфозы истории.* 2013;4:352–376.
10. Галкин АА. Парадигмы социальной политики XXI века: социальная политика как доминирующий элемент современного политического процесса. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2007;45(2):44–58. DOI: 10.30570/2078-5089-2007-45-2-44-82.
11. Дубинский ВИ. *Социальная работа в Германии.* Москва: Инфра-М; 2012. 108 с.

²⁰So funktioniert die Pflegeversicherung [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.pkv.de/wissen/pflegeversicherung/so-funktioniert-die-pflegeversicherung/> (Datum des Zugriffs: 03.02.2022).

²¹Gesetz- und Verordnungsblatt für Schleswig-Holstein [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.landtag.nrw.de//portal/WWW/dokumentenarchiv/Dokument/XQQGV0718.pdf?von=452> (Datum des Zugriffs: 04.02.2022).

²²Sozialbericht 2021 [Elektronische Ressource]. URL: https://www.bmas.de/SharedDocs/Downloads/DE/Publikationen/a101-21-sozialbericht-2021.pdf?__blob=publicationFile&v=3 (Datum des Zugriffs: 04.02.2022).

12. Деревянченко АА. *Три жизни Ангелы Меркель: обычная, пропедевтическая, триумфальная: политическая и личная биография первой женщины – федерального канцлера*. Москва: Ленанд; 2022. 304 с.
13. Шрёдер Г. *Решения. Моя жизнь в политике*. Москва: Европа; 2007. 552 с.
14. Frerich J. *Sozialpolitik: das Sozialleistungssystem der Bundesrepublik Deutschland*. München: De Gruyter Oldenbourg; 2018. 667 S.
15. Gauss L, Heil N, Scharfe S. Die gesetzliche Sozialversicherung in den Finanz- und Personalstatistiken. *Wirtschaft und Statistik*. 2011;7:676–687.
16. Porsche-Ludwig M, Bellers J, Gieler W. *Handbuch Europäischer Sozialpolitiken*. Münster: LIT Verlag; 2014. 232 S.
17. Obinger H, Petersen K, Häusermann S, Enggist M, Pinggera M, Nullmeier F usw. *Handbuch Sozialpolitik*. Wiesbaden: Springer; 2019. 906 S.

References

1. Lokhova IV. *Sotsial'naya politika Germanii i Avstrii v poslednei treti XIX – nachale XX vv.* [Social policy of Germany and Austria in the last third of the 19th – early 20th centuries] [dissertation]. Vladikavkaz: North Ossetian State University; 2016. 234 p. Russian.
2. Surma AA. *Sotsial'naya politika pravitel'stv D. Kemerona (2010–2016 gg.)* [Social policy of the governments of D. Cameron (2010–2016)] [dissertation]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; 2021. 259 p. Russian.
3. Sharapo AV. *Social model of Belarus and Germany: similarities and differences* [Internet] [cited 2022 September 20]. Available from: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/43780/1/sharapo_2011_Belarus_Germany.pdf. Russian.
4. Belov VB. *Germaniya. Vyzovy XXI veka* [Germany. Challenges of the 21st century]. Moscow: Ves' Mir; 2009. 792 p. Russian.
5. Belov VB. *Germaniya. 2021* [Germany. 2021]. Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences; 2022. 212 p. Russian. DOI: 10.15211/report72022_393.
6. Kargalova MV. *Sotsial'naya Evropa v XXI veke* [Social Europe in the 21st century]. Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences; 2011. 528 p. Russian.
7. Kargalova MV. [European social model]. *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz*. 2007;45(2):65–67. Russian. DOI: 10.30570/2078-5089-2007-45-2-44-82.
8. Vatlin AYu. Germany in 2000–2010. *Novaya i noveishaya istoriya*. 2010;6:18–37. Russian.
9. Hrishkevich TG. [«Agenda-2010»: the results of ten years of social reforms in Germany]. *Metamorfozy istorii*. 2013; 4:352–376. Russian.
10. Galkin AA. [Paradigms of social policy of the 21st century: social policy as a dominant element of the modern political process]. *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz*. 2007;45(2):44–58. Russian. DOI: 10.30570/2078-5089-2007-45-2-44-82.
11. Dubinsky VI. *Sotsial'naya rabota v Germanii* [Social work in Germany]. Moscow: Infra-M; 2012. 108 p. Russian.
12. Derevyanchenko AA. *Tri zhizni Angely Merkel': obychnaya, propedevticheskaya, triumfal'naya: politicheskaya i lichnaya biografiya pervoi zhenshchiny – federal'nogo kantslera* [Three lives of Angela Merkel: ordinary, propaedeutic, triumphant: political and personal biography of the first woman federal chancellor]. Moscow: Lenand; 2022. 304 p. Russian.
13. Shroeder G. *Resheniya. Moya zhizn' v politike* [Decisions. My life in politics]. Moscow: Европа; 2007. 552 p. Russian.
14. Frerich J. *Sozialpolitik: das Sozialleistungssystem der Bundesrepublik Deutschland*. München: De Gruyter Oldenbourg; 2018. 667 S.
15. Gauss L, Heil N, Scharfe S. Die gesetzliche Sozialversicherung in den Finanz- und Personalstatistiken. *Wirtschaft und Statistik*. 2011;7:676–687.
16. Porsche-Ludwig M, Bellers J, Gieler W. *Handbuch Europäischer Sozialpolitiken*. Münster: LIT Verlag; 2014. 232 S.
17. Obinger H, Petersen K, Häusermann S, Enggist M, Pinggera M, Nullmeier F usw. *Handbuch Sozialpolitik*. Wiesbaden: Springer; 2019. 906 S.

Статья поступила в редакцию 04.08.2022.
Received by editorial board 04.08.2022.

УДК 94

РАЗРАБОТКА ОТВЕТНЫХ МЕР США НА ПОПЫТКИ КНДР ВЕСТИ ГИБРИДНУЮ ВОЙНУ В 1966–1976 гг.

Д. А. САДАКОВ¹⁾

¹⁾Институт гуманитарных и социальных наук Вятского государственного университета,
ул. Московская, 36, 610000, г. Киров, Россия

Исследуется феномен противостояния США попыткам ведения гибридной войны со стороны КНДР на примере конфликтов в корейской демилитаризованной зоне и в районе северной разграничительной линии в 1966–1976 гг. Также анализируются дальнейшие попытки КНДР добиться изменения статус-кво на Корейском полуострове силовыми методами. Противостояние США и КНДР в этот период имело многомерный характер и включало в себя пропагандистские кампании Пхеньяна, поддержку им левых радикалов в странах Запада, вербовку агентов в Южной Корее. Однако именно в районе 38-й параллели активность КНДР приобрела характер гибридной войны, важным аспектом которой являлось реальное или потенциальное применение военной силы. На разных этапах северяне преследовали разные задачи, однако ключевой целью Пхеньяна оставалось создание условий для вывода американских войск из Кореи. На поздних этапах конфронтации силовые действия КНДР были дополнены настойчивыми попытками провести прямые американо-северокорейские переговоры в целях снижения уровня трений. Рассматриваются особенности восприятия американцами военной активности КНДР в 1966–1976 гг., выявляются шаги Вашингтона по противодействию акциям Северной Кореи. Представлены содержание и обстоятельства разработки Вашингтоном ключевых политических документов того периода. Оценивается роль военной силы в ходе конфликта. Делается вывод о том, что сдерживание КНДР достигалось благодаря проявлению выдержки и применению адекватных ответных мер, которые разрабатывались с учетом локального военного превосходства Пхеньяна в избираемых им зонах конфликта.

Ключевые слова: США; КНДР; корейская демилитаризованная зона; 38-я параллель.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 22-78-10179).

РАСПРАЦОЎКА МЕР ЗША Ў АДКАЗ НА СПРОБЫ КНДР ВЕСЦІ ГІБРЫДНУЮ ВАЙНУ Ў 1966–1976 гг.

Д. А. САДАКОЎ^{1*}

^{1*}Інстытут гуманітарных і сацыяльных навук Вяцкага дзяржаўнага ўніверсітэта,
вул. Маскоўская, 36, 610000, г. Кіраў, Расія

Даследуецца феномен супрацьстаяння ЗША спробам вядзення гібрыднай вайны з боку КНДР на прыкладзе канфліктаў у карэйскай дэмілітарызаванай зоне і ў раёне паўночнай размежавальнай лініі ў 1966–1976 гг. Таксама аналізуюцца далейшыя спробы КНДР дабіцца змены статус-кво на Карэйскім паўвостраве сілавымі метадамі. Супрацьстаянне ЗША і КНДР у гэты перыяд мела шматмерны характар і ўключала ў сябе прапагандысцкія кампаніі Пхеньяна, падтрымку ім левых радыкалаў у краінах Захаду, вярбоўку агентаў у Южнай Карэі. Аднак менавіта ў раёне 38-й паралелі актыўнасць КНДР набыла характар гібрыднай вайны, важным аспектам якой з'яўлялася рэальнае або патэнцыйнае

Образец цитирования:

Садаков Д.А. Разработка ответных мер США на попытки КНДР вести гибридную войну в 1966–1976 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;1:58–68.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-58-68>

For citation:

Sadakov DA. Development of the USA responses to North Korean attempts to conduct a hybrid war in 1966–1976. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023; 1:58–68. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-58-68>

Автор:

Денис Андреевич Садаков – кандидат исторических наук; научный сотрудник кафедры истории и политических наук факультета истории, политических наук и культурологии.

Author:

Denis A. Sadakov, PhD (history); researcher at the department of history and political sciences, faculty of history, political science and cultural studies.
rstk2005@gmail.com

прымяненне ваеннай сілы. На розных этапах дзеянні паўночнікаў мелі розныя задачы, аднак ключавой мэтай Пхеньяна заставалася стварэнне ўмоў для вываду амерыканскіх войск з Карэі. На пазнейшых этапах канфрантацыі сілавая дзеянні КНДР былі дапоўнены настойлівымі спробамі правесці прамыя амерыкана-паўночнакарэйскія перагаворы з мэтай зніжэння ўзроўню канфлікту. Разглядаюцца асаблівасці ўспрымання амерыканцамі ваеннай актыўнасці КНДР у 1966–1976 гг., выяўляюцца крокі Вашынгтона па процідзеянні акцыям Паўночнай Карэі. Прадстаўлены змест і абставіны распрацоўкі Вашынгтонам ключавых палітычных дакументаў таго перыяду. Ацэньваецца роля ваеннай сілы падчас канфлікту. Робіцца выснова аб тым, што стрымліванне КНДР дасягалася дзякуючы праяўленню вытрымкі і прымяненню адекватных мер, якія распрацоўваліся з улікам лакальнай ваеннай перавагі Пхеньяна ў зонах канфлікту.

Ключавыя словы: ЗША; КНДР; карэйская дэмілітарызаваная зона; 38-я паралель.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Расійскага навуковага фонду (грант № 22-78-10179).

DEVELOPMENT OF THE USA RESPONSES TO NORTH KOREAN ATTEMPTS TO CONDUCT A HYBRID WAR IN 1966–1976

D. A. SADAKOV^a

^a*Institute of Humanities and Social Sciences, Vyatka State University,
36 Moskovskaya Street, Kirov 610000, Russia*

The phenomenon of USA resistance to North Korean attempts to conduct a hybrid war is studied on the example of conflicts in the Korean demilitarised zone and in the area of the Northern boundary line in 1966–1976. The confrontation between the USA and Democratic People's Republic of Korea during this period was multi-dimensional and included such elements as Pyongyang's propaganda campaigns, its support for left-wing radicals in Western countries and the recruitment of agents in the South. However, it was in the area of the 38th parallel that Democratic People's Republic of Korea activity took on the character of a hybrid war, an important aspect of which was the actual or potential use of military force. The North's actions pursued different objectives at different stages, but Pyongyang's key objective remained to create conditions for the withdrawal of USA troops from Korea. In the later stages of the confrontation, the Democratic People's Republic of Korea's forceful actions were supplemented by persistent attempts to get direct USA – North Korean talks to reduce friction. This article examines American perceptions of Democratic People's Republic of Korea military activity during the period under study, identifies Washington's approach to the responses the Americans used to counter North Korean actions, and presents the content and circumstances of key policy documents developed by Washington. The role of military force during the conflict is assessed. It concludes that deterrence of the Democratic People's Republic of Korea was achieved through restraint and the use of adequate responses, which were designed to consider Pyongyang's local military superiority in its chosen conflict zones.

Keywords: United States of America; Democratic People's Republic of Korea; Korean demilitarised zone; 38th parallel.

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 22-78-10179).

Введение

Проблема противостояния гибридным приемам ведения войны в современных международных отношениях является одной из наиболее актуальных. Относительно малоизвестным примером такого противостояния является конфликт в корейской демилитаризованной зоне в 1966–1969 гг. и последовавшие за ним военно-политические кампании, инициированные Корейской Народно-Демократической Республикой. Хронологические рамки исследования завершаются инцидентом с убийством топором¹ в 1976 г., в ходе которого американцы использовали наработки в области организации ответных мер, а власти КНДР продемонстрировали

стремление избежать эскалации напряженности. Реакцию администраций Л. Джонсона, Р. Никсона и Дж. Форда на происходившие события можно рассматривать как один из первых в новейшей истории вариантов сдерживания асимметричных враждебных действий. С приходом в Белый дом в 1977 г. Дж. Картера произошла обычная для американской внешнеполитической практики переоценка инструментария предшествовавшей республиканской администрации, который, тем не менее, оказался востребованным позднее и регулярно актуализировался в политике Вашингтона в отношении КНДР в последние три десятилетия.

¹Инцидент, произошедший 18 августа 1976 г. в корейской демилитаризованной зоне и завершившийся убийством двух американских офицеров северокорейскими солдатами с помощью топоров и дубинок.

Важно учитывать, что противостояние США и КНДР в рассматриваемый период не сводилось исключительно к противоборству сторон в районе демаркационной линии. Однако именно в районе приграничной демилитаризованной зоны действия КНДР (в отличие, к примеру, от пропагандистских кампаний Пхеньяна и поддержки им левых радикалов в странах Запада) приобрели характер гибридной войны, важным аспектом которой являлось реальное или потенциально возможное применение военной силы.

Цель данной статьи – выявить эволюцию подходов США к разработке ответных мер на дестабилизирующие действия Северной Кореи в районе демилитаризованной зоны в 1966–1976 гг. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: выяснить, насколько остро и с помощью каких терминов руководство США оценивало характер северокорейской угрозы, определить, какими мотивами руководствовалась американская сторона, принимая те или иные решения, уточнить результаты политики США.

Теоретические основы исследования

В последние годы понятие «гибридная война» часто используется как в СМИ, так и в научных исследованиях. Попытки осмыслить данный вид конфронтации предпринимали и отечественные, и зарубежные ученые. Зарубежные авторы большое внимание уделяют таким аспектам гибридной войны, как многообразие акторов конфликта и используемых ими традиционных и иррегулярных тактик, децентрализация процесса принятия решений, активное применение новых технологий, в том числе информационных, провоцирование политической нестабильности в лагере оппонента [5; 6, р. 7, 14].

Российский исследователь Н. А. Комлева предлагает рассматривать гибридную войну как совокупность действий, направленных на разрушение основных геополитических пространств общества-соперника, т. е. на его абсолютное сокрушение. При этом агрессия в основных типах геополитических пространств осуществляется одновременно. По сути, автор приравнивает гибридную войну к холодной, различая их лишь в деталях. К примеру, характерной чертой гибридной войны Н. А. Комлева называет поощрение промискуитета, инцестов и бытовой преступности в стране оппонента [7, с. 130, 132].

Известный российский специалист по изучению гибридной войны П. А. Цыганков называет ее особым типом вооруженных конфликтов, подчеркивая, что от других силовых противостояний он отличается тем, что основан не столько на применении силы, сколько на использовании информации. Особое значение исследователь придает современным тех-

История пограничных конфликтов между КНДР и Республикой Кореей на рубеже 1960–70-х гг. затрагивалась в историографии [1–4], однако имеет смысл еще раз обратиться к данной теме с использованием новых архивных документов и проанализировать известные события с точки зрения формирования ответного курса США на гибридные действия оппонента.

Методологической основой исследования послужили фундаментальные принципы исторической науки – принцип историзма и принцип научной объективности, что предопределило использование разноплановой историографической и источниковой базы. Междисциплинарность исследования обеспечивается применением концепта «гибридная война», получившего распространение в политологии и теории международных отношений в последнее время. Системный анализ международной ситуации вокруг корейского вопроса в 1966–1976 гг. позволил рассмотреть взаимосвязь факторов, мотивировавших политику США в отношении северокорейских попыток ведения гибридной войны.

нологиям, которые становятся средством намеренного искажения информации [8, с. 256; 9, с. 20–21].

В. К. Белозеров и А. В. Соловьев указывают на то, что содержание понятия «гибридная война» зависит от контекста употребления: «В первом случае под гибридной войной можно подразумевать комбинированный вид боевых действий. <...> Во втором случае речь идет о противоборстве между противниками в различных сферах (асимметричной борьбе)» [10, с. 8]. Необходимость выработать единый термин в среде экспертного сообщества отмечают многие отечественные специалисты, например Г. Ю. Филимонов и Н. С. Данюк [9, с. 22–23].

Опыт событий первой половины 2022 г. заставляет обратить внимание на то, что, вопреки отдельным гипотезам, не информационно-психологические операции, а военная сила продолжает играть решающую роль в процессе разрешения гибридных противостояний. Однако ключевые задачи, стоящие перед вооруженными силами обеих сторон в гибридных войнах, часто носят не столько военный, сколько политический характер. Все это может существенно мешать достижению непосредственно военных целей. Кроме того, ограничения, накладываемые на масштаб и способы ведения боевых действий, объясняются в этих условиях не только и не столько традиционными факторами – логистикой, ресурсами, военной целесообразностью и т. д., а искусственными рамками политических и международных аспектов ведения военной операции.

Северокорейский курс, положивший начало конфликту в корейской демилитаризованной зоне

в середине 1960-х гг., был публично обоснован в докладе лидера КНДР Ким Ир Сена на конференции Трудовой партии Кореи 5 октября 1966 г. Руководитель северокорейского государства раскритиковал идею разрядить международную напряженность на каком-либо одном из фронтов противостояния империализму и призвал наносить удары по американским силам по всему миру, заставляя их расплывать свои ресурсы, «связывать их по рукам и ногам, чтобы они не могли своевольничать» [11, с. 456–458]. Судя по всему, целями такого курса были дестабилизация ситуации на Корейском полуострове и провоцирование трений США и Южной Кореи. Итогом

данной политики должны были стать вывод американских войск из Кореи, массовые протесты в Южной Кореи и объединение страны под эгидой Пхеньяна. Таким образом, предложенная северокорейским лидером стратегия вполне вписывалась в современное определение гибридной войны как комбинированного вида военных действий. Следует подчеркнуть, что действия КНДР в отношении США были частью общей кампании, в равной степени направленной и против Вашингтона, и против Сеула. При этом последний воспринимался в качестве сателлита Соединенных Штатов. Однако предметом данного исследования является именно политика США.

Основная часть

Озвученный Ким Ир Сеном подход проявил себя на практике уже к середине октября 1966 г., когда в результате двух северокорейских рейдов были убиты 17 южнокорейских солдат². Пристальное внимание американцев события в демилитаризованной зоне привлекли во время визита президента США Л. Джонсона в Корею 31 октября – 2 ноября 1966 г. В заключительный день пребывания американского лидера на полуострове произошли сразу два пограничных инцидента, в результате которых погибли один южнокорейский и шесть американских солдат. Реакция США была сдержанной. Американцы лишь инициировали расследование через механизмы Военной комиссии по перемирию в Кореи. В результате был сделан вывод о том, что нападение могло носить ответный характер на несанкционированный командованием ООН рейд южнокорейских военных против северокорейского аванпоста 26 октября 1966 г.³ [12, р. 25–26].

Между тем безвозвратные потери обеих сторон в пограничных инцидентах только за октябрь 1966 г. превысили аналогичный показатель за 1961–1965 гг.⁴ По мнению Госдепартамента США, Пхеньян намеренно шел на обострение ситуации. Северяне активно использовали инфльтрационные тактики и без колебаний применяли оружие в пограничных столкновениях. Американцы видели прямую связь между этой политикой и участием США и Республики Кореи во Вьетнамской войне⁵.

В 1967 г. нападения продолжились. Северокорейская береговая батарея 9 января 1967 г. без предупреждения уничтожила южнокорейское военное

судно с 40 моряками на борту. После этого на всем протяжении линии разграничения усилились столкновения⁶. Обе стороны допускали постоянные нарушения отдельных положений соглашения о перемирии. Доходило до того, что корейские офицеры хватались за пистолеты во время заседаний Военной комиссии по перемирию. Северяне пытались ограничивать работу членов наблюдательной комиссии нейтральных стран, даже если те представляли социалистические страны⁷.

Глава миссии КНДР в Военной комиссии по перемирию генерал Пак Чун Гук 1 июня 1967 г. в частной беседе с главой чехословацкой миссии в Наблюдательной комиссии нейтральных стран генералом В. Томаном поделился планами северян по восстановлению единства Кореи и признал, что главное внимание в тот момент уделялось созданию широкой подпольной организации в Южной Кореи. Перед ней ставилась задача накапливать силы и не проявлять активность. В благоприятной ситуации данная организация должна была поднять восстание, арестовать командный состав сеульского гарнизона, захватить радиостанцию и обратиться к КНДР за помощью⁸.

В середине 1967 г. в беседе с послом СССР в КНДР Н. Г. Судариковым Ким Ир Сен подчеркнул, что ему не хотелось бы, чтобы существовало «недоразумение в отношении того, будто КНДР хотела бы, чтобы Советский Союз столкнулся с США»⁹. Однако уже в ноябре 1967 г. министр иностранных дел КНДР Пак Сен Чер во время разговора со своим коллегой А. А. Громыко в Москве, мягко зондируя позицию СССР

²Korean Peninsula Clashes (1955–2010) [Electronic resource]. URL: https://web.archive.org/web/20181127232853/https://www.cfr.org/content/publications/attachments/Korean_Peninsula_Clashes.pdf (date of access: 13.10.2022).

³Foreign Relations of the United States. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1 / ed. by K. L. Gatz. Washington : United States Government Printing Office, 2000. P. 205.

⁴Korean Peninsula Clashes (1955–2010) [Electronic resource]. URL: https://web.archive.org/web/20181127232853/https://www.cfr.org/content/publications/attachments/Korean_Peninsula_Clashes.pdf (date of access: 13.10.2022).

⁵Foreign Relations of the United States. 1964–1968... P. 464–465.

⁶Арх. внеш. политики Росс. Федерации (АВП РФ). Ф. 0102. Оп. 23. Папка 110. Д. 5. Л. 25–26, 47 ; Там же. Д. 3. Л. 13–14.

⁷Там же. Д. 5. Л. 149–150.

⁸Там же. Л. 151.

⁹Там же. Д. 6. Л. 34.

по вопросу о возобновлении военных действий в Корее, отметил, что в случае новой войны в Корее, к которой стремятся американские империалисты, тяжесть ляжет и на плечи СССР. Он указал на то, что, хотя КНДР не собирается нападать на Южную Корею, а США заняты во Вьетнаме и на Ближнем Востоке, сохраняется опасность того, что мелкие столкновения вдоль 38-й параллели могут в любой момент перерасти в крупномасштабный конфликт. «Если бы было совершено нападение с юга, КНДР ответила бы контратакой¹⁰», – подчеркнул министр¹¹.

В 1967 г. нападения продолжились. При этом, как отмечает В. Джексон, выбор целей носил подчеркнуто антиамериканский характер. К примеру, в мае северяне совершили нападение на казармы, принадлежащие армии США, в ходе чего были убиты двое военнослужащих. Прямых ответных действий со стороны Вашингтона вновь не последовало [12, р. 27; 13, р. 535]. Сам Ким Ир Сен отрицал причастность КНДР к организации провокаций, настаивая на том, что все действия его военных носили оборонительный характер, а рост напряженности в регионе инициирован действиями Пак Чон Хи¹².

В подготовленной к концу 1967 г. экспертной оценке представители американского разведывательного сообщества высказывали мнение о том, что рост активности КНДР связан со стремлением нарастить давление на правительство президента Республики Кореи Пак Чон Хи, связать значимые южнокорейские военные силы и усилить коммунистическое подполье в Южной Корее. Что касается выбора момента для претворения данного плана в жизнь, то разведчики видели прямую связь между событиями в Корее и Вьетнамской войной. При этом в Вашингтоне считали, что КНДР действует по собственной инициативе, а не под давлением Москвы или Пекина. В этих условиях риск эскалации или полномасштабного вторжения в Южную Корею оставался невысоким. Более опасным был потенциальный рост напряженности до того уровня, при котором власти Республики Кореи могли счесть необходимым нанести самостоятельный удар возмездия¹³.

В итоге, несмотря на резкий рост числа пограничных инцидентов и связанных с ними человеческих жертв в 1966–1968 гг., ответная реакция США сводилась к сбору информации и ограниченным ме-

рам по наращиванию способностей южнокорейской армии и коалиции ООН противостоять диверсиям Северной Кореи¹⁴ [12, р. 27–28]. Это не только не помогало сдерживать новую угрозу, но и давало простор для увеличения количества и масштаба провокаций коммунистов.

Ставки были подняты в начале 1968 г., когда власти КНДР попытались осуществить рейд спецназа в целях убийства Пак Чон Хи¹⁵, а затем захватили находящийся в нейтральных водах американский разведывательный корабль «Пуэбло». Инцидент с захватом корабля неоднократно рассматривался в историографии. По сути, он застал американцев врасплох. Первоначально Вашингтон в своих оценках и решениях руководствовался в большей степени логикой холодной войны. Однако в итоге администрации Л. Джонсона удалось отринуть эти шоры до того, как конфликт перерос в полномасштабное вооруженное противостояние, а негласный советско-американский диалог стал решающим фактором в урегулировании конфликта. Он позволил снизить уровень напряжения и развеять опасные интенции в руководстве США и КНДР. Переговоры в целях освобождения моряков продолжались почти год. Участие Москвы в урегулировании конфликта, по сути, свело требования северян к возможности сохранить лицо. Советский Союз разрушил надежды Пхеньяна на поддержку Москвой потенциального военного сценария объединения Кореи и оказал на КНДР давление, которое бросило тень на дальнейшие двусторонние отношения. О реальном восприятии ситуации с кораблем советскими дипломатами косвенно можно судить по мемуарам А. Ф. Добрынина, где он охарактеризовал действия властей КНДР как захват заложников¹⁶. Американцы были вынуждены пойти на уступки, подписав затребованный северянами документ, однако вынужденные извинения были дезавуированы сразу после окончания процесса передачи экипажа [14–17].

Освобождение моряков не позволило избежать травмирующего психологического эффекта, оказанного на американский истеблишмент. Сдача корабля без единого выстрела не допускалась капитанами американского военного флота с 1807 г.¹⁷, а США оказались в ситуации, при которой почти год ничего не могли сделать с тем, что их граждане фактически удерживались в заложниках враждебным государ-

¹⁰Стоит учитывать, что, по официальной северокорейской версии, нападение КНДР на Южную Корею в 1950 г. являлось именно контратакой.

¹¹АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 23. Папка 110. Д. 3. Л. 93–96.

¹²Там же. Д. 5. Л. 137–138.

¹³Foreign Relations of the United States. 1964–1968... P. 282–283.

¹⁴Ibid. P. 308–309 ; Dean Rusk interviewed by Richard Rusk [Electronic resource]. URL: <https://sclfind.libs.uga.edu/sclfind/view?docId=ead/RBRL214DROH.xml;brand=default> (date of access: 13.10.2022).

¹⁵Ibid.

¹⁶Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М. : Автор, 1996. С. 470.

¹⁷Речь идет о захвате американского фрегата «Чесапик» британским кораблем «Леопард» 22 июня 1807 г.

ством. Подписанные американцами «извинения» были юридически ничтожными, однако являлись зримой и вынужденной уступкой США в ответ на требования северян.

Спустя несколько месяцев после освобождения захваченных моряков Вашингтон столкнулся с новым опасным инцидентом: 15 апреля 1969 г. пара северокорейских истребителей МиГ-21, находясь в 167 км от северокорейского побережья над акваторией Японского моря, перехватила и сбила американский самолет-разведчик ЕС-121. Жертвой инцидента стал 31 американец. Реакция США вновь была крайне сдержанной. Вашингтон ограничился лишь «грозным» заявлением, адресованным Военной комиссии по перемирию. В этом случае американцев не ограничивал фактор заложников, однако военные последствия неконтролируемой эскалации были оценены как слишком серьезные. Кроме того, возможная силовая акция не встретила бы поддержки со стороны американского общественного мнения, как огня боявшегося открытия второго фронта в Азии на фоне истощающей Вьетнамской войны. Наконец, удары по КНДР могли помешать Парижскому мирному договору. Высокорискованная операция в Корее, очевидно, не могла принести результата, который окупил бы затраченные на нее ресурсы¹⁸. Ни президент США Р. Никсон, ни его помощник по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер не были довольны исходом кризиса. С точки зрения Г. Киссинджера, Вашингтон действовал слабо, нерешительно и дезорганизованно. Р. Никсон считал ошибочным отказ от бомбардировки территории КНДР и требовал от своей администрации, чтобы подобные провокации северян более никогда не сошли им с рук [18, р. 321; 19, р. 385, 602].

Руководство СССР узнало об инциденте из сообщений зарубежных СМИ¹⁹. В ходе двусторонних консультаций министр иностранных дел КНДР описал ситуацию с подкупающей простотой: «Когда наши летчики сбили самолет агрессора, вторгшийся в воздушное пространство КНДР, они не думали

о дальнейшем развитии событий. Мы тоже не думали об этом. Если бы мы стали думать, то нам пришлось бы просить самолет улететь подальше»²⁰.

В Москве с недоумением восприняли этот комментарий²¹. Озабоченность ростом военной напряженности в регионе и возможными ответными действиями США была высокой. Действия Пхеньяна подверглись осторожной критике в форме призывов к сдержанности и необходимости использовать политические и дипломатические средства для «разоблачения» американцев²². Посол СССР в КНДР Н. Г. Судариков в беседе с министром иностранных дел Северной Кореи Пак Сен Чером подчеркнул: «Когда противник совершает прямую агрессию, мы ее всегда отражаем. Но если имеется возможность избежать военных действий, есть другие средства решения проблем – их нужно использовать. По-иному думают и действуют только нынешние китайские руководители»²³.

Уже 16 апреля 1969 г. советские дипломаты предупредили северокорейских коллег о приведении американских войск на полуострове в боевую готовность и реальной возможности нанесения США удара по КНДР. Это делалось для того, чтобы Пхеньян воздержался от неосмотрительных шагов. В дальнейшем советские дипломаты неоднократно напоминали северянам о необходимости серьезного и ответственного отношения к вопросам поддержания мира и стабильности в регионе и высказывали пожелание о том, чтобы руководство КНДР заблаговременно информировало советских дипломатов о серьезных инцидентах²⁴.

Одним из итогов кризиса с ЕС-121 стало создание Вашингтонской группы специального назначения²⁵. Также инцидент вынудил американцев ускорить работу²⁶ по планированию действий США в районе 38-й параллели в условиях непрекращающихся обоюдных провокаций. Актуальности ей придавали сведения ЦРУ, согласно которым в конце 1968 – начале 1969 г. Ким Ир Сен провел чистку в рядах высшего генералитета, устранив противников потенциальных авантюр во внешней политике²⁷.

¹⁸Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XIX. Part 1 / ed. by D. J. Lawler, E. R. Mahan. Washington : United States Government Printing Office, 2009. P. 37, 40–41 ; Congressional Record – Senate. 1969. Vol. 115. Part 17. Washington : United States Government Printing Office, 1969. P. 22272.

¹⁹Росс. гос. арх. новейшей истории. Ф. 5. Оп. 61. Д. 466. Л. 37.

²⁰Там же. Л. 121.

²¹Там же.

²²Там же. Л. 110, 112.

²³Там же. Л. 125–126.

²⁴Там же. Л. 125–126, 128–132, 137.

²⁵Вашингтонская группа специального назначения была создана в июле 1969 г. в качестве подразделения Совета национальной безопасности США. Ее задачей являлось обеспечение межведомственного взаимодействия в рамках правительства США в кризисных ситуациях. Группу возглавлял Г. Киссинджер (National Security Council Institutional Files (H-Files) / Richard Nixon President Library and Museum [Electronic resource] URL: <https://www.nixonlibrary.gov/finding-aids/national-security-council-institutional-files-h-files> (date of access: 13.10.2022)).

²⁶Korean Peninsula Clashes [Electronic resource]. URL: https://web.archive.org/web/20181127232853/https://www.cfr.org/content/publications/attachments/Korean_Peninsula_Clashes.pdf (date of access: 13.10.2022).

²⁷Kim Il Sung Purges Probable Opponents of His Adventurism FOIA [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/reading-room/document/cia-rdp08s02113r000100050001-3> (date of access: 13.10.2022).

В марте 1969 г., еще до инцидента с ЕС-121, Р. Никсон решил придать своей политике на Корейском полуострове более системную основу и распорядился подготовить специальное исследование потенциальных угроз, каковыми признавались как полномасштабное вторжение Северной Кореи, так и односторонний военный ответ Южной Кореи на провокацию. Документ должны были подготовить сотрудники Государственного департамента США и Центрального разведывательного управления США. Общее руководство работой было поручено бывшему послу США в Корее У. Брауну. В 1969 г. он занимал пост заместителя госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихоокеанского региона²⁸.

Первые результаты этой работы были получены к середине июня. Межведомственная рабочая группа разделила потенциальные непредвиденности на четыре типа: ограниченные враждебные акты КНДР в отношении США, ограниченные военные акты КНДР в отношении Республики Кореи, ограниченные враждебные акты Республики Кореи в отношении КНДР и полномасштабное нападение Северной Кореи на Южную. В зависимости от характера инцидента принимаемые американцами меры предлагалось начинать с требований возмещения ущерба и организации расследования силами Наблюдательной комиссии нейтральных стран. Политические шаги могли подкрепляться военными, к примеру активизацией разведки, демонстрацией силы или объявлением района инцидента зоной предупреждения. Стоит отметить, что американцы с самого начала рассматривали возможность интернационализации потенциального конфликта, в частности путем привлечения к его урегулированию Японии и СССР. При необходимости силовые меры могли принимать более жесткий характер, вплоть до обстрелов территории КНДР и организации рейдов диверсионно-разведывательных групп²⁹.

Ответные меры США на гибридные действия КНДР рассматривались в следующих вариантах. В случае если атака со стороны Северной Кореи приобретет характер нападения на американский корабль или самолет в нейтральных водах или воздушном пространстве, допускалось нанесение ответных ударов по территории КНДР, установление морской блокады и минирование северокорейских гаваней. В целях предотвращения эскалации конфликта признавалось необходимым привлечь СССР³⁰.

Если же в качестве целей северяне выбирали южнокорейские объекты, то рекомендовались более

мягкие меры, а применение военной силы или диверсионно-разведывательных групп признавалось эффективным лишь в случае масштабного инцидента. При определенных обстоятельствах американцы допускали возможность поддержки южнокорейских военных акций. Достаточными основаниями для этого считались захват северянами корабля в южнокорейских территориальных водах, атака южнокорейского аэродрома, наступление Корейской народной армии на Южную Корею силами не менее бригады или убийство президента Республики Кореи³¹.

Представленный документ был рассмотрен руководителями американских дипломатических и силовых ведомств на заседаниях Вашингтонской группы специального назначения в начале июля 1969 г. и активно дорабатывался в течение августа. Вместе с ним обсуждались подготовленные Объединенным комитетом начальников штабов США по указанию президента военные планы ударов по КНДР в случае возникновения новых инцидентов наподобие недавнего уничтожения ЕС-121³². По итогам совещаний было решено объединить усилия. Рабочей группе У. Брауна было поручено использовать планы Объединенного комитета начальников штабов США для разработки трех типов сценариев военного ответа на непредвиденные ситуации в Корее – силового вмешательства низкой, средней и высокой интенсивности³³.

В качестве наиболее жесткого варианта ответных действий рассматривался план удара по местам базирования военной авиации КНДР, дополненный опциями по уничтожению северокорейских электростанций и ключевых предприятий. Удар по электростанциям выглядел особенно привлекательным ввиду того, что, по данным ЦРУ США, ключевые объекты этой сферы в КНДР были удалены от населенных пунктов и являлись относительно несложной мишенью для авиации. Они отлично подходили для ограниченного, «хирургического» удара по Северной Корее. Согласно оценке директора Объединенного комитета начальников штабов США адмирала Н. Джонсона, для одновременного поражения 75 % сил Военно-воздушных сил КНДР требовалось порядка 1500 авианалетов силами тактической и стратегической авиации. При этом вероятность успеха подобной операции в Министерстве обороны США оценивали в 50 %³⁴.

В процессе обсуждения военных аспектов планирования Г. Киссинджер призывал коллег из администрации не забывать о ключевом, по его мне-

²⁸Foreign Relations of the United States. 1969–1976... P. 8.

²⁹Ibid. P. 57.

³⁰Ibid. P. 59.

³¹Ibid. P. 60–61.

³²Ibid. P. 50.

³³Ibid. P. 69–70, 75.

³⁴Ibid. P. 81, 84–85.

нию, уроке инцидента с ЕС-121: главное во время кризиса – предпринять именно те меры, которые позволят предотвратить деградацию ситуации³⁵. Поэтому большое внимание уделялось проработке политических аспектов каждого сценария. Было решено создать специальные приложения к планам, оговаривающие плюсы и минусы использования в интересах США Договора о взаимной обороне между США и Республикой Корея и интернационализации конфликта через механизмы ООН.

В контексте программы укрепления региональной системы безопасности большое значение имел вопрос о предупреждении японцев относительно принимаемых в Вашингтоне кризисных решений. Было рассчитано, что с военной точки зрения предпочтительней предоставить японцам на реагирование 30 мин, с дипломатической точки зрения – 2 ч. В итоге было решено выбирать продолжительность отсрочки в зависимости от политической ориентации японского правительства в период кризиса.

В документ также был добавлен раздел с информацией о советско-корейском договоре 1961 г. На возникший у заместителя госсекретаря А. Джонсона вопрос о характере реакции США в случае нового инцидента с КНДР – будет она сдержанной или ожесточенной – ответ дал лично Р. Никсон. Президент высказался в пользу быстрого, яростного и решительного ответа на любую крупную северо-корейскую провокацию. В середине сентября 1969 г. отредактированные планы были окончательно одобрены Вашингтонской группой специального назначения, превратившись в один из ключевых документов, определяющих американскую политику на полуострове³⁶.

Несмотря на то что американцы допускали возможность ответных ударов по территории КНДР, наиболее значимой их составляющей по-прежнему была документально закрепленная сдержанность по отношению к провокациям. Утверждение планов хронологически совпало со снижением напряженности в корейской демилитаризованной зоне (с начала года количество инцидентов в регионе упало более чем на 80 %) ³⁷. Приоритетной задачей США в Корее стало снижение уровня своего присутствия на полуострове³⁸. В Вашингтоне пришли к выводу о перефокусировке усилий Пхеньяна на тайную (вербовка агентов и организация конспиративных

ячеек) и политико-дипломатическую деятельность. С Северной Кореи стали поступать инициативы по организации обмена почтой, встреч членов разделенных семей, сокращению армий и заключению пакта о взаимном ненападении. В то же время неизменными оставались требования вывода иностранных войск с территории полуострова и отставки Пак Чон Хи. По мнению американцев, Северная Корея надеялась мирным путем ослабить международную поддержку южнокорейского режима и пыталась играть на естественном стремлении многих корейцев в Южной Корее к расширению и укреплению межкорейских связей³⁹.

Примером практического использования утвержденных в 1969 г. планов могут служить события, связанные с конфликтом вокруг северной разграничительной линии, которая продолжала демаркационную черту в корейской демилитаризованной зоне по акватории Желтого моря и де-факто являлась морской границей между Северной и Южной Кореей. Линия не являлась результатом какого-либо соглашения, была проведена американцами в 1953 г. в одностороннем порядке и не признавалась Пхеньяном.

В определенном смысле начавшиеся в 1973 г. события в районе северной разграничительной линии перекликались с историей инцидента с захватом корабля «Пуэбло» и представляли собой попытку легализации северянами 12-мильной границы своих территориальных вод. Лежащие в границах этой зоны острова⁴⁰ располагались существенно ближе к побережью Северной, а не Южной Кореи, однако по соглашению о перемирии 1953 г. находились под военным контролем со стороны командования ООН. В 1973 г. Пхеньян попробовал оспорить их принадлежность [2, р. 52].

Зондирование надежности военного контроля островов силами ООН началось во второй половине октября 1973 г., когда северо-корейские катера пересекли северную разграничительную линию. До декабря 1973 г. подобные инциденты повторялись 43 раза. Несколько раз северо-корейские суда нарушали трехмильную границу вокруг отдельных Северо-Западных островов.

В ЦРУ США считали, что многочисленные нарушения демаркационной линии являются попыткой Пхеньяна добиться уступок со стороны командо-

³⁵Foreign Relations of the United States. 1969–1976... P. 87.

³⁶Ibid. P. 103–105, 107–108.

³⁷Ibid. P. 205 ; United States National, S. C. (1969). Korean program memorandum, final report [Electronic resource]. URL: <https://www.proquest.com/government-official-publications/korean-program-memorandum-final-report-pages-1-34/docview/1679044278/se-2?accountid=108701> (date of access: 13.10.2022) ; Рос. гос. арх. новейшей истории. Ф. 5. Оп. 61. Д. 466. Л. 168 (По сообщениям проживавших в КНДР советских граждан, в Северной Корее при этом сохранялась атмосфера военного психоза.).

³⁸Foreign Relations of the United States. 1969–1976... P. 117.

³⁹Ibid. P. 200, 205, 206.

⁴⁰В историографии известны как Северо-Западные острова.

вания ООН и внести раздор в американо-южнокорейские отношения. Требования КНДР в США рассматривали как незаконные. В итоге было принято решение не поддаваться на провокации, продолжать нормальное снабжение южнокорейских военных частей в районе конфликта, а также проинформировать власти СССР и КНР об американской обеспокоенности событиями у 38-й параллели⁴¹.

Истинные мотивы КНДР прояснились к началу марта 1974 г., когда Пхеньян направил в адрес Конгресса США письмо с призывом к переговорам в целях снижения уровня трений. В КНДР исходили из идеи о марионеточном характере южнокорейского режима и считали, что переход к прямым переговорам с США с одновременным прекращением американской помощи южанам позволит решить проблему объединения страны. Отказ от данного предложения, по мнению северян, разоблачил бы нежелание Вашингтона видеть Корею единой. Ответа на данное письмо не последовало⁴² [2, р. 69–79]. Характерно, что американская сдержанность распространилась не только на враждебные действия северокорейцев, но и на попытки северян выйти на прямой контакт с Вашингтоном, поскольку и тот и другой подход Пхеньяна служили достижению од-

ной и той же цели – рассорить Сеул и Вашингтон и дестабилизировать ситуацию на полуострове.

Инциденты завершились к весне 1975 г. Однако и в 1976 г. американцы рассматривали район Северо-Восточных островов как одну из наиболее вероятных целей северокорейских провокаций. В Вашингтоне твердо поддерживали жесткую линию южнокорейских властей по защите находящихся под их контролем территорий от посягательств северян⁴³.

Алгоритмы ответных действий, разработанные в 1969 г., можно проследить и в реакции США на так называемый инцидент с убийством топором в 1976 г., в ходе которого двое американских военнослужащих были убиты солдатами Корейской народной армии при попытке срезать ветви тополя в объединенной зоне безопасности, закрывавшего обзор с наблюдательного пункта⁴⁴. Несмотря на первоначальное стремление американцев жестко ответить на убийство своих военнослужащих, принятые меры ограничились учениями стратегической авиации и уничтожением ставшего источником конфликта дерева. Более того, сами северокорейцы вызвались в одностороннем порядке отвести из южной части объединенной зоны безопасности свои посты и заграждения [20].

Заключение

В 1966–1976 гг. в ответ на северокорейские попытки вести гибридную войну американцы сумели разработать и применить на практике такие сценарии ответных действий, которые позволили минимизировать возможности эскалации конфликта и существенно ограничить свободу маневра Пхеньяна в реализации планов по восстановлению единства Кореи. К 1969 г. индикатором американского успеха в этом контексте стало постепенное прекращение использования северянами стратегии сознательного провоцирования напряженности в районе 38-й параллели, а также развертывание активной дипломатической деятельности по всему миру. В начале 1970-х гг. последняя была дополнена фокусировкой усилий КНДР на участии в межкорейском диалоге. Вспыхивавшие в этот период вооруженные

инциденты удавалось гасить при помощи отработанных в конце 1960-х гг. подходов.

Стоит обратить внимание и на то, что американское политическое планирование имело в своем распоряжении многовариантные планы действий на случай военной эскалации на полуострове. Однако ответные меры США были нацелены не на нанесение военного поражения противнику, а на предотвращение эскалации.

Сдерживание КНДР достигалось благодаря проявлению выдержки и применению адекватных ответных мер. Причинами выбора данного курса стала не только политическая воля руководства США, но и локальное военное превосходство КНДР, а также снижение напряженности в международных отношениях. В американских служебных до-

⁴¹Minutes of Washington Special Actions Group Meeting, Washington, December 4, 1973, 10:40 am – 12:02 pm // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. E-12 [Electronic resource] URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d247> (date of access: 13.10.2022).

⁴²Telegram from Pyongyang to Bucharest, SECRET, Urgent, No. 060.180. April 22, 1974 [Electronic resource]. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114085> (date of access: 13.10.2022) ; Telegram from Pyongyang to Bucharest, SECRET, Urgent, No. 060.127. March 24, 1974 [Electronic resource]. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114084> (date of access: 13.10.2022) ; Letter from Government of North Korea. May 13, 1974 [Electronic resource]. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114199> (date of access: 13.10.2022).

⁴³Study Prepared by the Office of International Security Affairs in the Department of Defense, Washington, undated // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. E-12. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d274> (date of access: 13.10.2022).

⁴⁴Предусмотренная соглашением о перемирии 1953 г. территория шириной 800 м, в которой проводились заседания Военной комиссии по перемирию. До 1976 г. вся она являлась нейтральной и по ней свободно перемещались представители обеих сторон конфликта.

кументах прямо прописывалась целесообразность привлечения СССР к урегулированию кризисных ситуаций с КНДР. С одной стороны, это позволяло оказать необходимое давление на северян, пусть в ограниченном масштабе, но прислушивавшихся к своим союзникам, которые были обеспокоены

региональной нестабильностью. С другой стороны, участие Москвы в проблемах отношений Вашингтона и Пхеньяна с нетождественной северокорейской позиции вбивало дополнительный клин в дружественные связи КНДР и СССР, и так не отличавшиеся абсолютным взаимным доверием.

Библиографические ссылки

1. Probst RR. *Negotiating with the North Koreans. The US Experience at Panmunjom*. Carlisle: US Army War College; 1977. 27 p.
2. Michista N. *North Korea's military-diplomatic campaigns, 1966–2008*. New York: Routledge; 2010. 276 p.
3. Mobley RA. *Flash Point North Korea. The Pueblo and EC-121 crises*. Annapolis: Naval Institute Press; 2003. 216 p.
4. Jackson V. *How to engage the enemy: the case for national security diplomacy with North Korea. Special report No. 479*. Washington: U. S. Institute of Peace; 2020. 24 p.
5. Popescu N. Hybrid tactics: neither new nor only Russian. *Issue Alert*. 2015;4:1–2.
6. Hoffman FG. *Conflict in the 21st century: the rise of hybrid wars*. Arlington: Potomac institute for Policy Studies; 2007. 72 p.
7. Комлева НА. Гибридная война: сущность и специфика. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*. 2017;12(3):128–137.
8. Цыганков ПА. «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика. *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. 2015;4:253–258. DOI: 10.24290/1029-3736-2015-0-4-253-258.
9. Филимонов ГЮ, Данюк НС. «Гибридная война»: интерпретации и реальность. *Свободная мысль*. 2017;3:17–24.
10. Белозеров ВК, Соловьев АВ. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе. *Власть*. 2015;9:5–11.
11. Ким Ир Сен. *Сочинения. Том 20. Ноябрь 1965 г. – декабрь 1966 г.* Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках; 1984. 573 с.
12. Jackson V. *Rival reputations: coercion and credibility in US-North Korea relations*. Cambridge: Cambridge University Press; 2016. 228 p.
13. Johnson LB. *The vantage point. Perspectives of the presidency. 1963–1969*. New York: Holt, Rinehart and Winston; 1971. 636 p.
14. Садаков ДА. *Дипломатия США и освобождение экипажа корабля «Пуэбло», 1968 г.* Киров: О-краткое; 2021. 136 с.
15. Юнгблюд ВТ. Непривычная роль: советская дипломатия между Вашингтоном и Пхеньяном в 1968 году. *Quaestio Rossica*. 2021;9(4):1490–1502. DOI: 10.15826/qr.2021.4.651.
16. Brennock DJ, Lerner MB. The Pueblo incident: a spy ship and the failure of American foreign policy. *Naval War College Review* [Internet]. 2002 [cited 2022 October 15];55(4). Available from: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol55/iss4/19>.
17. Lerner M. A dangerous miscalculation: new evidence from communist-bloc archives about North Korea and the crisis of 1968. *Journal of Cold War History*. 2004;6(1):3–21.
18. Kissinger H. *White House years*. Boston: Little Brown Company; 1979. 1521 p.
19. Nixon RM. *The memoirs of Richard Nixon*. New York: Grosset & Dunlap; 1978. 1120 p.
20. Mobley R. Revisiting the Korean tree-trimming incident. *Joint Forces Quarterly*. 2003;35:108–115.

References

1. Probst RR. *Negotiating with the North Koreans. The US Experience at Panmunjom*. Carlisle: US Army War College; 1977. 27 p.
2. Michista N. *North Korea's military-diplomatic campaigns, 1966–2008*. New York: Routledge; 2010. 276 p.
3. Mobley RA. *Flash Point North Korea. The Pueblo and EC-121 crises*. Annapolis: Naval Institute Press; 2003. 216 p.
4. Jackson V. *How to engage the enemy: the case for national security diplomacy with North Korea. Special report No. 479*. Washington: U. S. Institute of Peace; 2020. 24 p.
5. Popescu N. Hybrid tactics: neither new nor only Russian. *Issue Alert*. 2015;4:1–2.
6. Hoffman FG. *Conflict in the 21st century: the rise of hybrid wars*. Arlington: Potomac institute for Policy Studies; 2007. 72 p.
7. Komleva NA. Hybrid warfare: its essence and specificity. *Ural Federal University Journal. Series 3: Social and Political Sciences*. 2017;12(3):128–137. Russian.
8. Tsygankov PA. «Hybrid war»: political discourse and the international practice. *Moscow State University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science*. 2015;4:253–258. Russian. DOI: 10.24290/1029-3736-2015-0-4-253-258.
9. Filimonov G., Danyuk N. «Hybrid war»: interpretations and a reality. *Svobodnaya mysl'*. 2017;3:17–24. Russian.
10. Belozеров ВК, Соловьев АВ. Hybrid war in the domestic political and scientific discourse. *Vlast'*. 2015;9:5–11. Russian.
11. Kim Il Sun. *Sochineniya. Tom 20. Noyabr' 1965 g. – dekabr' 1966 g.* [Works. Volume 20. 1965 November – 1966 December]. Pyongyang: Foreign Languages Publishing House; 1984. 573 p. Russian.
12. Jackson V. *Rival reputations: coercion and credibility in US-North Korea relations*. Cambridge: Cambridge University Press; 2016. 228 p.
13. Johnson LB. *The vantage point. Perspectives of the presidency. 1963–1969*. New York: Holt, Rinehart and Winston; 1971. 636 p.
14. Sadakov DA. *Diplomatiya SShA i osvobozhdenie ekipazha korablya «Pueblo», 1968 g.* [US diplomacy and the release of the crew of the Pueblo, 1968]. Kirov: O-kratkoe; 2021. 136 p. Russian.
15. Yungblud V. An unusual role: Soviet diplomacy between Washington and Pyongyang in 1968. *Quaestio Rossica*. 2021; 9(4):1490–1502. Russian. DOI: 10.15826/qr.2021.4.651.

16. Brennock DJ, Lerner MB. The Pueblo incident: a spy ship and the failure of American foreign policy. *Naval War College Review* [Internet]. 2002 [cited 2022 October 15];55(4). Available from: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol55/iss4/19>.
17. Lerner M. A dangerous miscalculation: new evidence from communist-bloc archives about North Korea and the crisis of 1968. *Journal of Cold War History*. 2004;6(1):3–21.
18. Kissinger H. *White House years*. Boston: Little Brown Company; 1979. 1521 p.
19. Nixon RM. *The memoirs of Richard Nixon*. New York: Grosset & Dunlap; 1978. 1120 p.
20. Mobley R. Revisiting the Korean tree-trimming incident. *Joint Forces Quarterly*. 2003;35:108–115.

Статья поступила в редколлегию 29.08.2022.
Received by editorial board 29.08.2022.

АРХЕОЛОГИЯ

АРХЕАЛОГИЯ

ARCHAEOLOGY

УДК 903.42

ПОСТРОЙКИ КИЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОСЕЛЕНИИ ХОТЫЛЁВО-2: РАСКОПКИ 2019–2020 гг.

Н. Г. РЯБЧЕВСКИЙ¹⁾, В. Н. ГУРЬЯНОВ¹⁾

¹⁾Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского,
ул. Бежицкая, 14, 241036, г. Брянск, Россия

Представлены результаты исследования слоя киевской археологической культуры на палеолитической стоянке Кладбищенская балка (Хотылёво-2). Памятник находится в 18 км от г. Брянска, выше по течению р. Десны, на западной окраине с. Хотылёво и является уникальным в плане топографии. В отличие от большинства памятников киевской культуры он расположен на высоте 20–25 м от низкой поймы реки. Отмечается, что за довольно долгий период исследования, с 1969 по 2019 г., на памятнике изучены 2 полуземлянки и 4 наземных сооружения. Материалы предыдущих работ, в ходе которых была исследована довольно большая площадь, введены в научный оборот частично. Недавно они были объединены, проанализированы и опубликованы. В 2019–2020 гг. на поселении Хотылёво-2 было вскрыто 266 м верхнего слоя. Культурный слой достигает 0,6–0,8 м, однако на склонах его мощность составляет всего 0,2–0,3 м. Обнаружены и исследованы 6 построек указанного периода и ряд хозяйственных ям. Постройки представляют собой полуземлянки с центральным столбом и открытым очагом около него. Средние размеры построек составляют от 3,5–4 до 3,7–4,5 м, а их углубление в материк – от 0,1–0,28 до 0,2–0,43 м. Керамический материал представлен в большей степени лепной керамикой с примесями дресвы, шамота, песка, органики, изредка кремня, встречается также желто-, красно-, серо- и чернолощеная посуда. Исследована юго-восточная часть жилой зоны поселения.

Ключевые слова: Среднедеснинский регион; киевская археологическая культура; поселение Хотылёво-2; постройки; полуземлянки; лепная керамика; позднеримский период.

Образец цитирования:

Рябчевский НГ, Гурьянов ВН. Постройки киевской культуры на поселении Хотылёво-2: раскопки 2019–2020 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;1:69–81.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-69-81>

For citation:

Ryabchevsky NG, Guryanov VN. Buildings of the Kyiv culture at the settlement of Khotylevo-2: excavations of 2019–2020. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;1:69–81. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-69-81>

Авторы:

Николай Геннадьевич Рябчевский – младший научный сотрудник Научно-образовательного центра археолого-этнологических исследований.
Валерий Николаевич Гурьянов – начальник отдела организации научных исследований.

Authors:

Nikolai G. Ryabchevsky, junior researcher at the Scientific and Educational Centre for Archaeological and Ethnological Research.
nikkigun@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2775-4246>
Valerii N. Guryanov, head of the department of organisation of scientific research.
gurian032@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8559-5012>

ПАБУДОВЫ КІЕЎСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПАСЕЛІШЧЫ ХАТЫЛЁВА-2: РАСКОПКІ 2019–2020 ГГ.

М. Г. РАБЧЭЎСКІ^{1*}, В. М. ГУР'ЯНАЎ^{1*}

^{1*}Бранскі дзяржаўны ўніверсітэт імя акадэміка І. Г. Пятроўскага,
вул. Бежыцкая, 14, 241036, г. Бранск, Расія

Прадстаўлены вынікі даследавання пласта кіеўскай археалагічнай культуры на палеалітычнай стаянцы Могільнікаявая бэлька (Хатылёва-2). Помнік знаходзіцца ў 18 км ад г. Бранска, вышэй па цячэнні р. Дзясны, на заходняй ускраіне в. Хатылёва і з'яўляецца ўнікальным у плане тапаграфіі. У адрозненне ад большасці помнікаў кіеўскай культуры ён знаходзіцца на вышыні 20–25 м ад нізкай поймы ракі. Адзначаецца, што за даволі доўгі перыяд даследавання, з 1969 па 2019 г., на помніку былі вывучаны 2 паўзямлянікі і 4 наземныя збудаванні. Матэрыялы папярэдніх даследаванняў, у ходзе якіх была вывучана даволі шырокая плошча, уведзены ў навуковы абарот часткова. Нядаўна яны былі аб'яднаны, прааналізаваны і апублікаваны. У 2019–2020 гг. на паселішчы Хатылёва-2 было ўскрыта 266 м верхняга слоя. Культурны пласт дасягае 0,6–0,8 м, аднак на схілах яго магутнасць складае ўсяго 0,2–0,3 м. Выяўлены і даследаваны 6 пабудов названага перыяду і шэраг гаспадарчых ям. Пабудовы ўяўляюць сабой паўзямлянікі з цэнтральным слупом і адкрытым ачагом каля яго. Сярэднія памеры пабудов складаюць ад 3,5–4 да 3,7–4,5 м, а іх заглыбленне ў мацярык – ад 0,1–0,28 да 0,2–0,43 м. Керамічны матэрыял прадстаўлены ў большай ступені ляпной керамікай з прымессю жарствы, шамоту, пяску, арганікі, зрэдку крэменю, аднак сустракаецца таксама жоўта-, чырво-, шэра- і чорнаглінячаваны посуд. Даследавана паўднёва-ўсходняя частка жыллой зоны паселішча.

Ключавыя словы: Сярэднядзяснінскі рэгіён; кіеўская археалагічная культура; паселішча Хатылёва-2; пабудовы; паўзямлянікі; ляпная кераміка; познерымскі перыяд.

BUILDINGS OF THE KYIV CULTURE AT THE SETTLEMENT OF KHOTYLEVO-2: EXCAVATIONS OF 2019–2020

N. G. RYABCHEVSKY^a, V. N. GURYANOV^a

^aIvan Petrovsky Bryansk State University, 14 Bezhitskaya Street, Bryansk 241036, Russia
Corresponding author: V. N. Guryanov (gurian032@yandex.ru)

Studies of the layer of the Kyiv archaeological culture at the Paleolithic site Cemetery beam (Khotylevo-2) have been resumed. In recent years. The monument is located 18 km from the city of Bryansk upstream of the Desna River, on the Western outskirts of the village of Khotylevo. It is unique in terms of its topography. It is located at an altitude of 20–25 m from a low floodplainunlike most monuments of Kyiv culture. For a rather long period of research (from 1969) to the works of 2019–2020, 2 semi-earthen dugouts and 4 ground structures were studied at the monument. A fairly wide area was studied and the materials of previous studies, were partially introduced into scientific circulation, combined, analysed in a complex and published. In 2019–2020, 266 m of the top layer were opened at the settlement of Khotylevo-2. The cultural layer reaches a thickness of 0.6–0.8 m but the thickness of the cultural layer on the slopes is only 0.2–0.3 m. As a result, 6 buildings of the specified period and a number of utility pits were discovered and investigated. The buildings are semi-dugouts with a central pillar and an open hearth near it. Average size of buildings is from 3.5–4 to 3.7–4.5 m, all are buried in the mainland from 0.1–0.28 to 0.2–0.43 m. Ceramic material is mostly represented by stucco ceramics with admixtures of gravel, chamotte, sand, organic matter, sometimes flint inclusions are present. However, yellow-, red-, gray- and black-flattened dishes are also found. Thanks to the conducted research it was possible to explore the South-Eastern part of the residential area of the settlement.

Keywords: Middle Desna area; Kyiv archaeological culture; settlement Khotylevo-2; buildings; pithouses; handmade ceramics; late Roman times.

Введение

Поселение киевской культуры Хотылёво-2 находится в 0,45 км к северо-западу от эпонимного села и в 0,2 км к северо-востоку от кладбища в ур. Кладбищенская балка. Оно «...размещается на уступе тыловой части второй надпойменной террасы правобережья Десны, переходящем в коренной берег, на относительных высотах 10–35 м над меженим уровнем реки. Сохранившаяся часть площадки поселения римского времени с двух сторон ограничена оврагами» [1, с. 166]. Участок разделен небольшими

овражками на отдельные мысы, бровка склона правого берега поднята над урезом на 20–25 м [2, с. 82, 84]. Размеры поселения римского времени составляют приблизительно 200 × 100 м (рис. 1). Толщина голоценового культурного слоя составляет 0,2–0,6 м. По словам исследователей, «он представляет собой серый или темно-серый гумусированный суглинок, иногда с включениями угля и глиняной обмазки» [1, с. 166]. На территории поселения к настоящему времени вскрыто 1326 м верхнего культурного слоя.

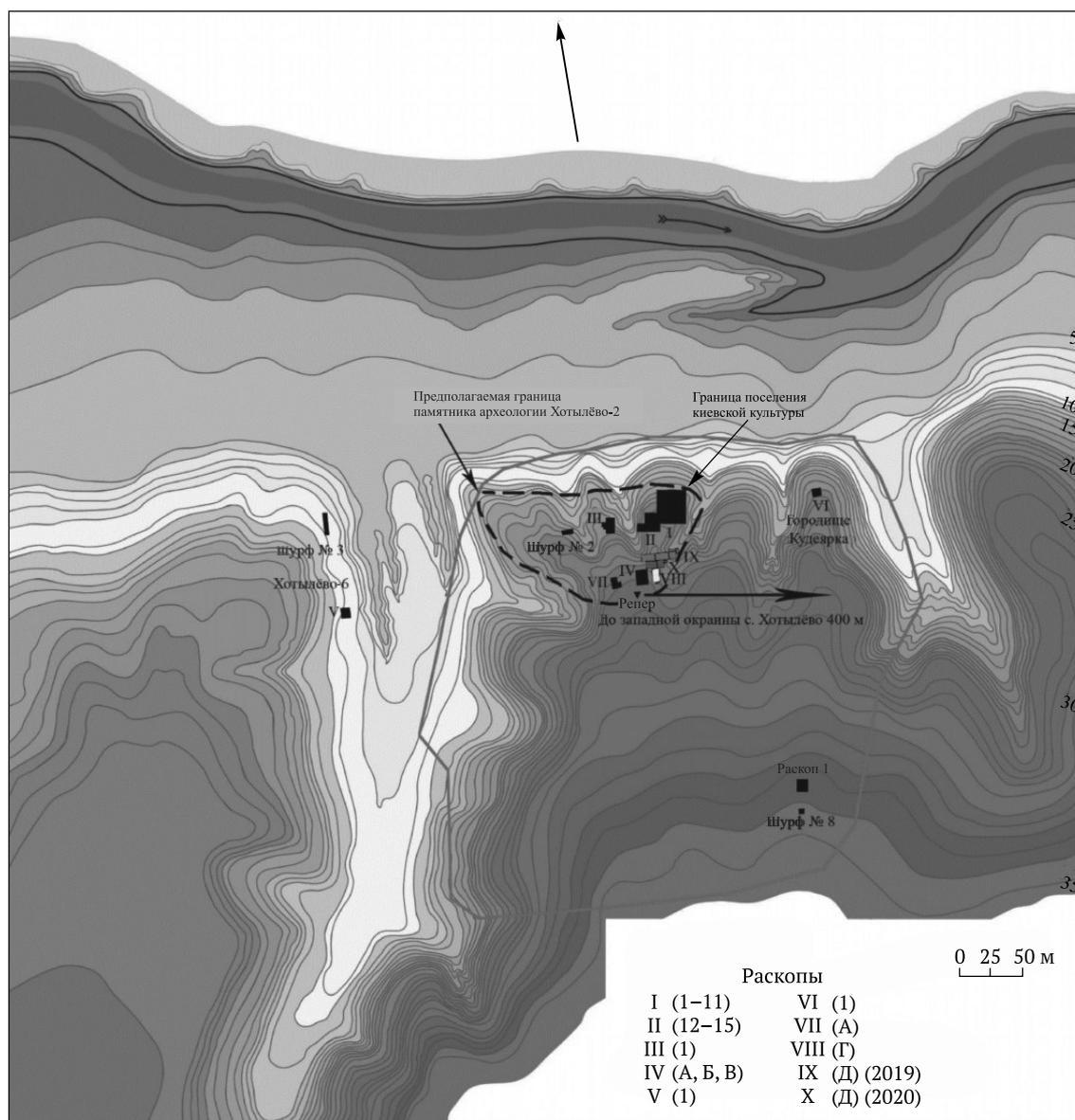

Рис. 1. Общий топографический план поселения Хотылёво-2 (инструментальная съемка Ю. Н. Грибченко).

Источник: [3, с. 37, рис. 2]

Fig. 1. General topographic plan of the settlement of Khotylevo-2 (instrumental survey by Yu. N. Gribchenko).

Source: [3, p. 37, fig. 2]

Голоценовые культурные слои на стоянке эпохи верхнего палеолита Хотылёво-2 были открыты первым исследователем поселения Ф. М. Заверняевым еще в 1969 г. Несмотря на то что в 1969–1977 гг., а также в 1980–1981 гг. основным предметом интереса археолога был культурный слой эпохи верхнего палеолита, объекты эпохи бронзы и киевской культуры тщательно фиксировались им в полевой документации [4, с. 74]. В ходе раскопок Ф. М. Заверняев вскрыл около 600 м верхнего культурного слоя [1, с. 166]. К сожалению, эти материалы не были опубликованы и достаточно слабо отражены в научных отчетах археолога. С 1993 г. работы на памятнике были продолжены Хотылёвской палеолитической экспедицией Института археологии РАН под руководством К. Н. Гаврилова [1, с. 166]. Краткие сведения об истории

раскопок памятника в XX в. отражены в публикациях [4; 5]. В 2018 г. работы на памятнике были продолжены К. Н. Гавриловым [6], в 2019 г. – Е. А. Шинаковым [7]. Раскопки в указанные годы проводились при участии авторов настоящей статьи. В 2020 г. исследование памятника продолжил Н. Г. Рябчевский.

До возобновления археологических раскопок 2018–2020 гг. на вскрытой площади порядка 1000 м были зафиксированы 2 постройки, углубленные в землю (полуземлянки), и 4 наземные постройки столбовой конструкции, подробное описание которых приведено в недавней публикации Брянского клада [1], в том числе наземная постройка раннего этапа деснинского варианта киевской культуры, аналоги которой найдены в районе поселения Попово-Лежачи-4 на р. Сейм [8, с. 93–95, рис. 59].

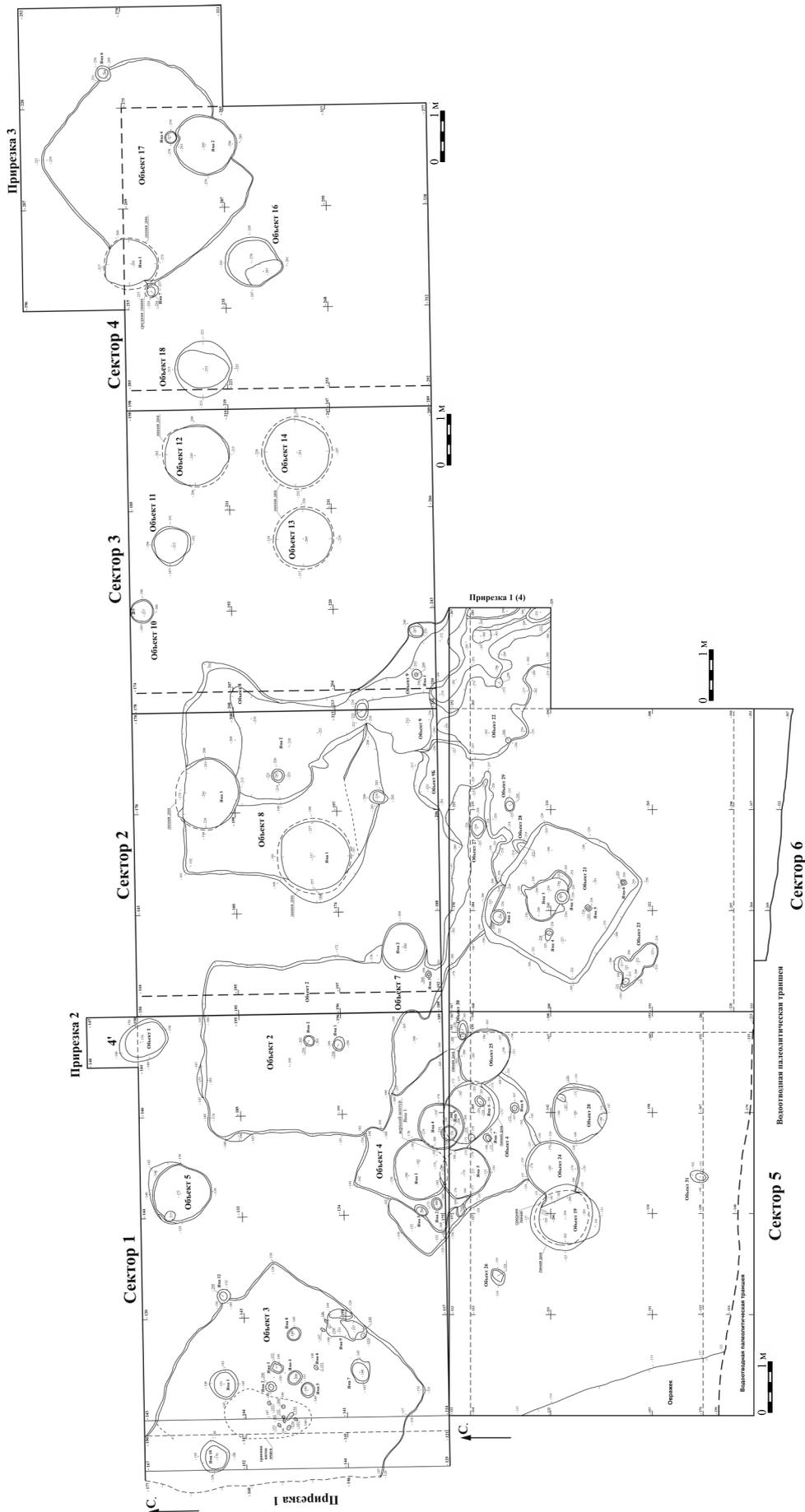

Рис. 2. Общий план объектов горизонта киевской культуры раскопа Д: секторы 1–4 (2019) и секторы 5–6 (2020).

Источник: [3, с. 38, рис. 7; 9, с. 180, рис. 1]

Fig. 2. The general plan of objects of the horizon of the Kyiv culture of the excavation D:

sectors 1–4 (2019) and sectors 5–6 (2020).

Source: [3, p. 38, fig. 7; 9, p. 180, fig. 1]

Методология исследования

Исследования 2019–2020 гг. позволили существенно дополнить картину распространения построек на территории памятника. В 2019 г. Е. А. Шинаковым, В. Н. Гурьяновым и Н. Г. Рябчевским совместно с Хотылёвской палеолитической экспедицией Института археологии РАН на поселении Хотылёво-2 было вскрыто 178 м верхнего слоя. По словам археологов, «раскоп Д был разбит к северу от раскопа Г между двумя оврагами с большим уклоном к восточному

оврагу» [7, с. 28]. В результате был исследован ряд хозяйственных ям, а также 5 жилых построек. Собрано большое количество керамики, восстановлено и реконструировано несколько целых форм сосудов [7, с. 28]. Раскоп был разбит на несколько секторов размерами 6×8 и 6×6 м, для полного исследования вскрытых объектов сделаны 3 прирезки (рис. 2). В 2019–2020 гг. в культурном слое и объектах поселения Хотылёво-2 обнаружен ряд находок (рис. 3–6).

Результаты и их обсуждение

Культурный слой в раскопе 2019 г. достигал толщины 0,6–0,8 м, однако в восточной части, где начинается склон оврага, толщина культурного слоя составляла 0,2–0,3 м. В верхней части культурного слоя (вне объектов) в большом количестве встречена лепная керамика с примесями шамота, дресвы, изредка песка и дробленого кремня. Индивидуальные находки вне объектов представлены железным инструментом, 2 фрагментами иглы (?), фрагментами ножа, железной пластины, серого лощеного биконического пряслица, чернолощеного биконического пряслица с накольчатый орнаментом, кочедыком времени развитого средневековья, целым биконическим пряслицем и гвоздем (вероятно, подковным). Практически все пряслица из раскопа и построек представлены типом 5 (низкие биконические), который, по Обломскому, наиболее распространен на памятниках финального этапа киевской культуры [10, с. 104, 107].

В результате раскопок изучены 9 ям хозяйственного назначения (объекты 1, 5, 10–14, 16 и 18), полностью исследованы 4 жилые постройки (объекты 2, 3, 8 и 17), частично изучена 1 постройка¹ (объект 4). Объекты 6 и 15 при дальнейшем изучении оказались недобраным культурным слоем.

Объект 1 – яма овальной формы хозяйственного назначения. Объект располагается в северо-восточной части сектора 1. Размеры ямы составляют $1 \times 0,75$ м при глубине от поверхности материка 0,3 м.

Объект 2 (постройка 1) размерами $3,7 \times 3,5$ м (не считая промоины в юго-восточном углу) углублен в материк на 0,28–0,43 м. К югу от центральной части постройки и в ее центре расположены 2 столбовые ямы (ямы 1 и 2), вероятно, от опорных столбов. Размеры ямы 1 составляют $0,22 \times 0,28$ м, ямы 2 – $0,21 \times 0,21$ м, обе ямы углублены в материк на 0,31 и 0,57 м. Следы очага в виде прокала толщиной до 0,01 м и размерами $0,2 \times 0,3$ м обнаружены севернее ямы 1. Материал представлен фрагментами лепной и лощеной керамики, причем фрагментов лощеных сосудов здесь найдено больше, чем в других объектах. Обнаружен развал чернолощеной миски из 2 фрагментов (см. рис. 4, 1),

относящейся к таксону формы, предположительно, III (36) диаметром 20 см (здесь и далее описание керамики дано по Обломскому [11, с. 7, 8, табл. 1, рис. 2]). Индивидуальные находки представлены железным кресалом группы стержневых в виде плоского бруска со свернутым из стержня кольцом для подвешивания к поясу (см. рис. 3, 1). Такие кресала известны в материалах черняховской культуры, где они бытовали в IV в. [12, с. 86, рис. 80, 11], а также в материалах пражской культуры в Белорусском Поднепровье [13, с. 331, мал. 102, 3, 4]. Найдены также фрагмент биконического серого лощеного пряслица (см. рис. 3, 5), фрагмент глиняного блока (?) (см. рис. 5, 8), 2 железных изделия (одно из них имеет вид короткой трубочки, согнутой из пластины) (см. рис. 3, 2, 7), железный предмет (см. рис. 3, 3) и железная проволока (?).

Объект 3 (постройка 2) располагался в западной части сектора 1. Западный угол постройки уничтожен оврагом, который, вероятно, образовался уже после того, как поселение было покинуто населением киевской культуры. Размеры постройки составляют $4,5 \times 4$ м при глубине постройки в материке 0,1–0,2 м. Прокал от очага был расположен в центрально-северо-западной части постройки и имел размеры $(0,72–0,98) \times 1,72$ м. Под очагом и рядом с ним обнаружено несколько небольших углублений в материке. Толщина прокала достигала 0,08 м. К северо-востоку и к северо-западу от очага располагались 2 приочажные ямы (ямы 1 и 10) размерами $0,58 \times 0,56$ и $0,62 \times 0,58$ м, которые углублены в материк на 0,08 и 0,22 м соответственно. В центре постройки 2 расположены ямы от центральных опорных столбов (ямы 2, 4 и 5). Размеры ям от опорных столбов составляют $0,20 \times 0,21$; $0,31 \times 0,27$ и $0,30 \times 0,28$ м при глубине от материковой поверхности 0,52; 0,49 и 0,39 м соответственно. К востоку от ямы 4 расположена столбовая яма (яма 8) размерами $0,29 \times 0,26$ м и глубиной 0,45 м от поверхности материка. На северо-восточной границе постройки исследована столбовая яма (яма 12) с расширенным устьем, связанная с объектом 3. Размеры ямы 12 составляют $0,27 \times 0,28$ м при глубине от поверхности материка 0,78 м. В юго-восточной части постройки находились ямы 7 и 9

¹Исследование данной постройки завершено в 2020 г.

(вероятно, хозяйственного назначения). Их размеры составляют $0,5 \times 0,47$ и $0,65 \times 0,85$ м при глубине 0,37 и 0,14 м от поверхности материка. На дне ямы 9 присутствуют углубления, рядом с ней с северной стороны находятся 2 небольших углубления. Яма 3 имеет размеры $0,25 \times 0,18$ м и глубину 0,05 м, она расположена в центральной части постройки южнее ямы 2. Материал из заполнения объекта представлен лепной

керамикой с примесями песка и шамота. В объекте 3 обнаружен развал небольшого горшка диаметром по венчику 10 см, таксона формы I(3а) (см. рис. 4, 2). Индивидуальные находки представлены биконическим пряслицем с заглаженной поверхностью, фрагментами чернолощеного биконического пряслица, диска, железного изделия, а также железным ножом.

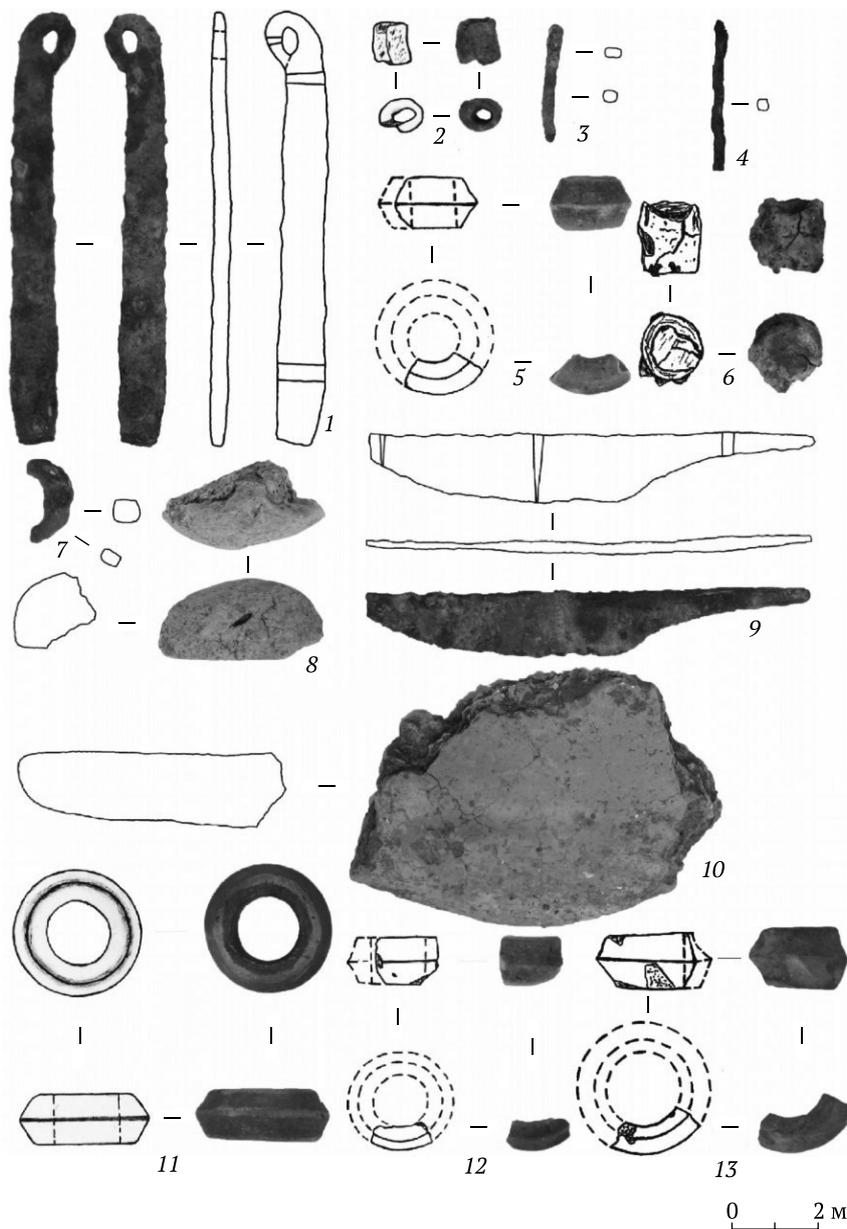

Рис. 3. Индивидуальные находки, обнаруженные в объекте 2 (1 – железное кресало, 2 – железное изделие, 3 – железный предмет, 5 – фрагмент биконического пряслица, 7 – фрагмент железного изделия, 8 – фрагмент глиняного блока), объекте 3 (6 – железное изделие, 9 – железный нож, 10 – фрагмент глиняного диска, 11 – биконическое пряслице, 12 – фрагмент биконического пряслица) и объекте 4 (4 – фрагмент железного изделия, 13 – фрагмент биконического пряслица) поселения Хотылёво-2, обнаруженные при раскопках 2019 г. (рисунки и фотографии Н. Г. Рябчевского)
 Fig. 3. Individual finds found in the object 2 (1 – iron flint, 2 – iron product, 3 – iron object, 5 – biconical whorl fragment, 7 – iron product fragment, 8 – clay block fragment), object 3 (6 – iron product, 9 – iron knife, 10 – fragment of a clay disk, 11 – biconical whorl, 12 – fragment of a biconical whorl) and object 4 (4 – fragment of an iron product, 13 – fragment of a biconical whorl) of the Khotylevo-2 settlement, discovered during excavations in 2019 (drawings and photos by N. G. Ryabchevsky)

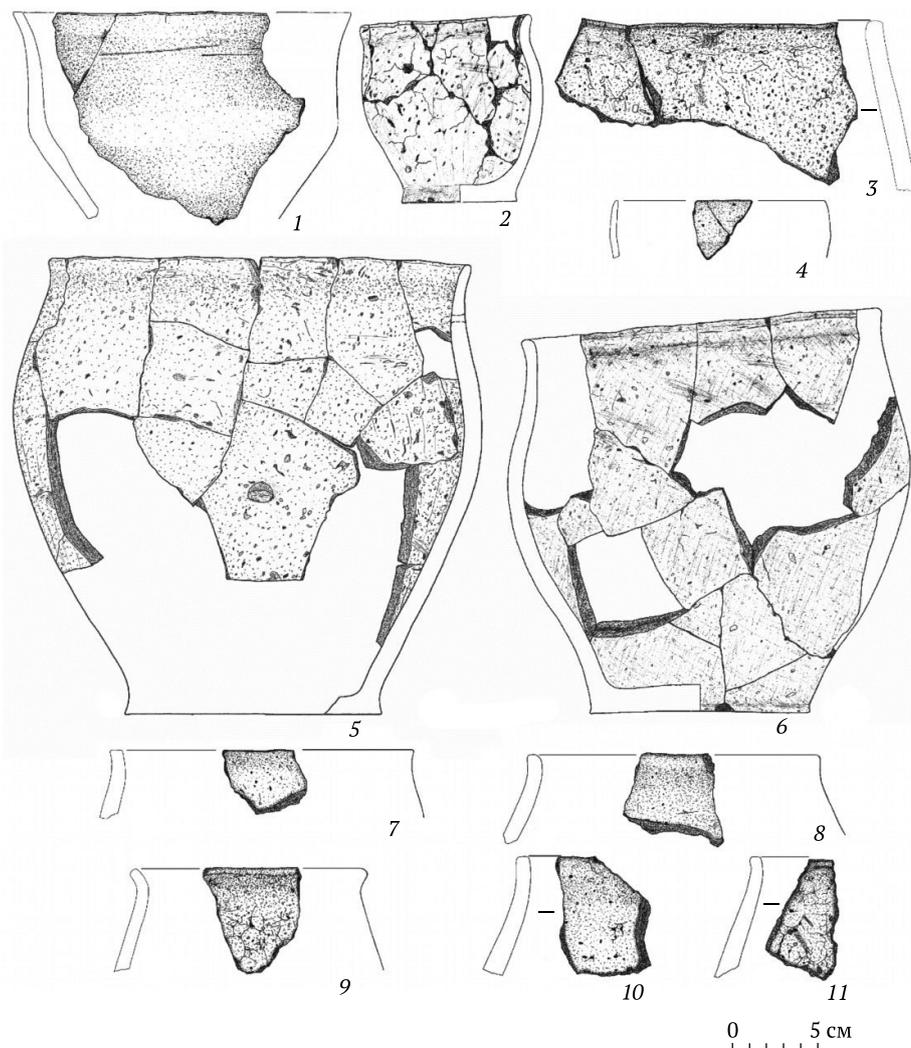

Рис. 4. Керамический материал, найденный в объекте 2 (1), объекте 3 (2), объекте 8 (яме 3) (5, 6), объекте 17 (3, 4, 7–11) поселения Хотылёво-2 в ходе раскопок 2019 г. (рисунки Н. Г. Рябчевского)

Fig. 4. Ceramic material found in the object 2 (1), object 3 (2), object 8 (pit 3) (5, 6), object 17 (3, 4, 7–11) of the Khotylevo-2 settlement during excavations in 2019 (drawings by N. G. Ryabchevsky)

Объект 4 (постройка 3) был частично изучен в 2019 г., его исследование завершилось в 2020 г. Длинной осью объект ориентирован по линии северо-запад – юго-восток, его размеры составляют $3,8 \times 2,8$ м. Постройка углублена в материк на $0,05\text{--}0,38$ м. Объект 4 является жилой постройкой с перекрывающимися друг друга ямами 1, 4–6 и столбовыми ямами 2 и 3 (причем одни из них прорезаны постройкой, а другие сами прорезают ее). Северо-восточным углом объект 4 прорезает объект 2. В северо-западной части постройки располагается небольшой уступ размерами $1,34 \times 0,56$ м, углубленный в материк на $0,1\text{--}0,27$ м. В центральной части расположена яма 1 размерами $1,2 \times 1,2$ м, углубленная в материк на $0,22$ м. Яма 1 перекрывает яму 4, которая расположена в центральной части постройки и углублена в материк на $0,49$ м от дна постройки и на $0,27$ м от дна ямы 1. С юга к яме 1 примыкает яма 5. В плане она округлая, имеет диаметр

около 1 м и глубину $0,17$ м от уровня дна постройки. Яма 4 частично перекрывает яму 6. В плане объект имеет овальную форму, размеры $1,25 \times 1$ м, а глубина от уровня дна постройки составляет $0,45$ м. С востока к яме 6, практически в юго-восточном углу объекта 4, примыкает объект 25. Это остатки хозяйственной ямы. В плане объект имеет овальную форму, размеры $1,2 \times 1,05$ м и глубину $0,46$ м от уровня материка. Ямы 2 и 3 – столбовые ямы, расположенные в западной части постройки. Керамика из постройки лепная, с примесями песка, шамота, изредка дресвы (см. рис. 5, 1, 2). Индивидуальные находки представлены 2 фрагментами железного изделия, а также 1 фрагментом серолощенного пряслица.

Объект 5 – яма хозяйственного назначения округлой формы, расположенная в северной части сектора 1, размерами $1,32 \times 0,98$ м, глубиной $0,37$ м в центре ямы и $0,42$ м в северо-западной части ямы.

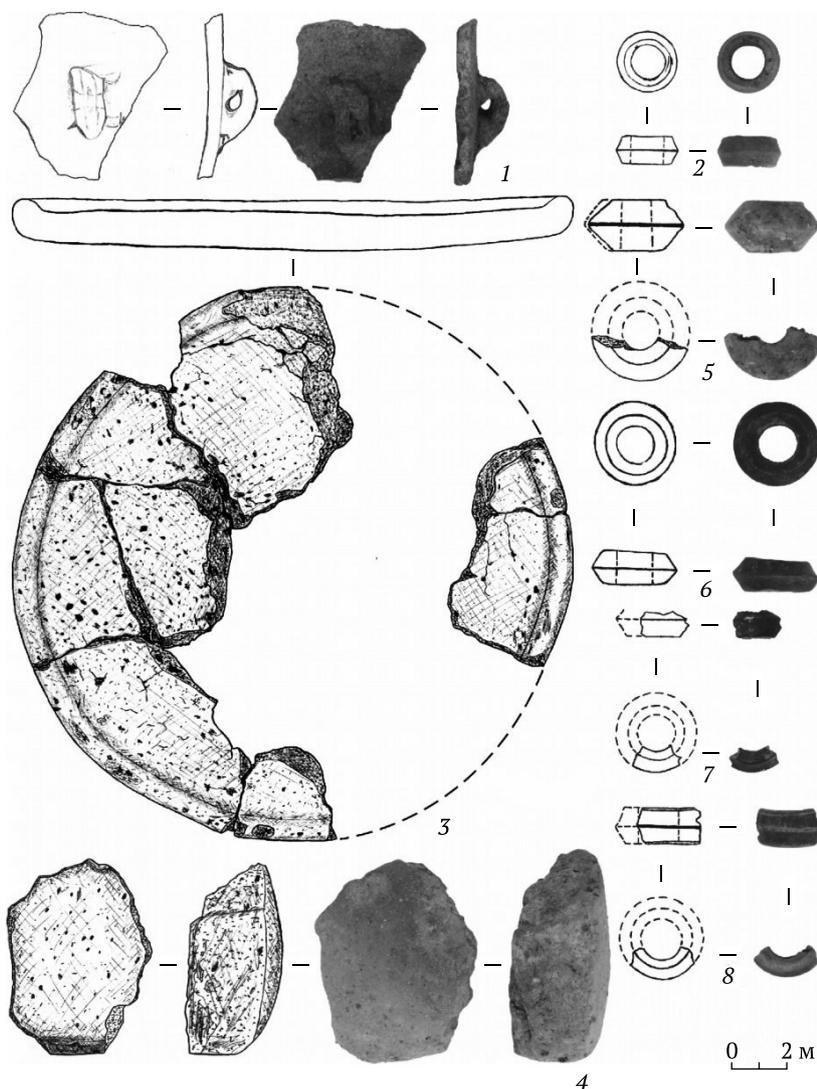

Рис. 5. Индивидуальные находки, обнаруженные в объекте 8 (1 – фрагмент стенки сосуда с ручкой, 2 – биконическое пряслице, 3 – фрагмент диска с бортиком, 4 – фрагмент глиняного грузила) и объекте 17 (5, 7, 8 – фрагменты биконических пряслиц, 6 – биконическое пряслице) поселения Хотылёво-2 по результатам раскопок 2019 г. (рисунки и фотографии Н. Г. Рябчевского)

Fig. 5. Individual finds found in the object 8 (1 – a fragment of a vessel wall with a handle, 2 – a biconical whorl, 3 – a fragment of a disk with a rim, 4 – a fragment of a clay sinker) and object 17 (5, 7, 8 – fragments of a biconical whorl, 6 – a biconical whorl) of the Khotylevo-2 settlement based on the results of excavations in 2019 (drawings and photos by N. G. Ryabchevsky)

Объект 7 располагался у южной стенки на границе секторов 1 и 2. После снятия бровки между секторами 1 и 2 и выборки культурного слоя объект стал больше напоминать вход в постройку (объект 2). В нем расположены 2 ямы (ямы 2 и 3). Яма 2 представляет собой хозяйственную яму округлой формы, размерами 0,98 × 0,88 м и глубиной от поверхности материка 0,16 м в восточной части и 0,02 м в западной части. Яма 3 представляет собой остатки, предположительно, столбовой ямы размерами 0,12 × 0,14 м и глубиной от поверхности материка 0,1 м. В объекте обнаружена лепная керамика с примесями песка и шамота в тесте, а также фрагмент биконического пряслица с заглаженной поверхностью.

Объект 8 (постройка 4) располагался в секторе 2 и восточной частью заходил в сектор 3. Котлован постройки имеет размеры 4,2 × 3,8 м и углубляется в материк на 0,32–0,35 м у северной стенки и на 0,1 м у восточной. Объект – это жилище постройка с 2 хозяйственными ямами (ямы 1 и 3) овальной формы, расширяющимися ко дну, которые, скорее всего, появились после периода существования данной постройки. Яма 1 имеет округлую в плане форму, расположена в юго-западной части объекта и расширяется ко дну. Ее размеры в верхней части составляют 1,36 × 1,36 м, по дну – 1,5 × 1,46 м (при глубине от поверхности материка 0,34 м). В ней обнаружена лепная керамика с примесями песка, ша-

мота, изредка дресвы, а также 2 фрагмента жернова из туфа и фрагментированная глиняная обмазка. Жернова из туфа производились на территории современной Винницкой области населением черняховской культуры и экспортировались в киевскую культуру [14, с. 162–163]. Реконструирована верхняя часть горшка диаметром 22 см, а также венчик с насечками по краю. Яма 3, также имеющая округлую в плане форму, располагается в центральной части объекта у северной стенки и выходит за пределы контура котлована. Размер ямы по верхнему контуру составляет 1,41 × 1,26 м, по дну – 1,42 × 1,23 м. Фрагментированной лепной керамики

и глиняной обмазки в заполнении ямы больше, чем собственно грунта. В ходе камеральной обработки реконструированы 2 целые формы лепных сосудов диаметром по венчику 25 и 21,5 см, которые относятся к таксонам форм I(3а) (см. рис. 4, 5, 6), а также верхняя часть сосуда диаметром 18,5 см таксона формы или II(1), или I(3а), диск с бортиком диаметром 20,7 см (см. рис. 5, 3) с примесями шамота в тесте. Кроме того, в заполнении ямы 3 найден фрагмент железного изделия. В юго-восточной и южной частях котлована постройки обнаружены 2 столбовые ямы размерами 0,36 × 0,27 и 0,42 × 0,36 м.

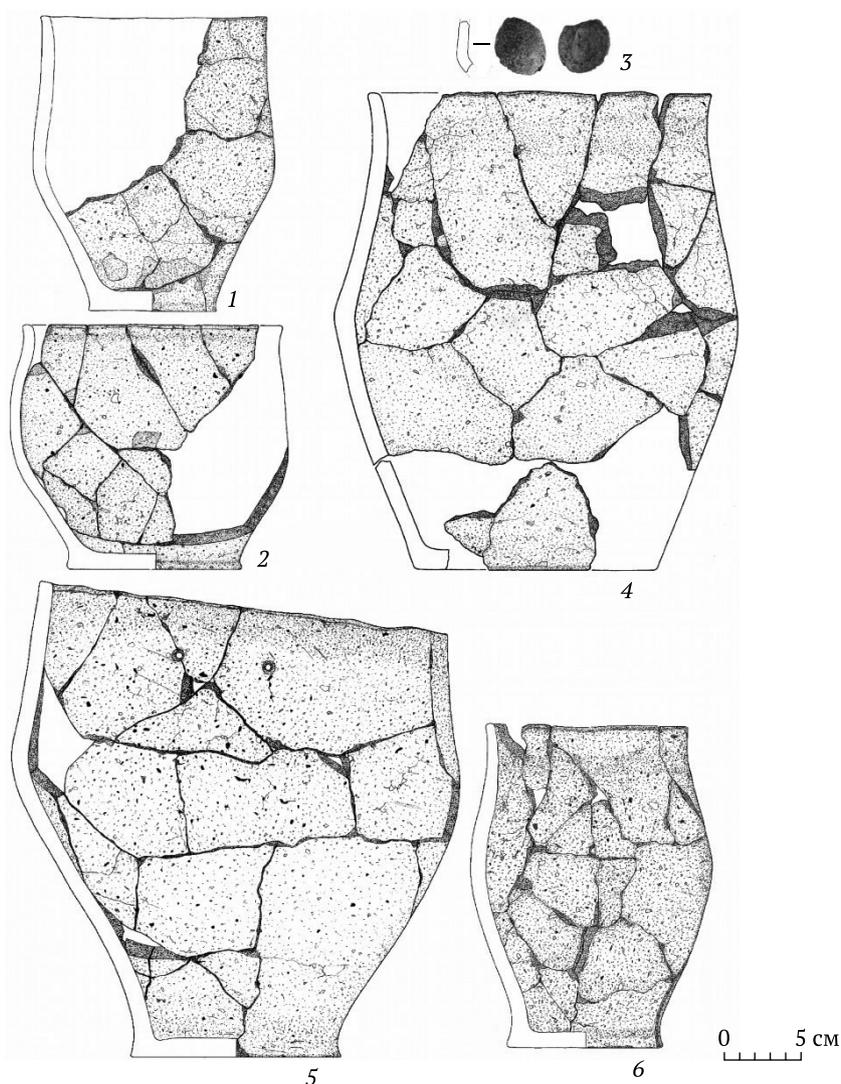

Рис. 6. Индивидуальные находки, обнаруженные в объекте 4 (1, 2); объекте 20 (5, 6); объекте 21 (3, 4) поселения Хотылёво-2 в результате раскопок 2020 г. (рисунки Н. Г. Рябчевского)

Fig. 6. Individual finds found in object 4 (1, 2); object 20 (5, 6); object 21 (3, 4) of the Khotylevo-2 settlement as a result of excavations in 2020 (drawings by N. G. Ryabchevsky)

Яма 2, расположенная в центре, имеет неправильную форму. Вероятнее всего, это промоина. Ее размеры составляют до $2,4 \times 2,3$ м при глубине 0,28 м. В центре постройки находится яма от опорного столба размерами $0,27 \times 0,27$ м и глубиной 0,28 м от материковой поверхности. В юго-восточной части объект был подвержен эрозии, в результате чего в юго-восточном углу постройки образовалась ложбинка, которая проходит от ямы 2 на юго-восток через объект 9 и уходит за пределы раскопа в сторону овражка. В заполнении объекта обнаружена лепная керамика с примесями песка и шамота, а также индивидуальные находки: фрагмент глиняного грузила со следами бокового отверстия (см. рис. 5, 4), биконическое пряслице (см. рис. 5, 2), стенка сосуда с ручкой с примесью крупного песка (см. рис. 5, 1), вероятно, среднеднепровской культуры эпохи бронзы.

Объект 9, скорее всего, является ложбиной или промоиной, направленной в сторону оврага и образованной смывами. Наибольшей глубины, до 0,6 м от дневной поверхности, промоина достигает у южной стенки раскопа. Фрагментов керамических сосудов в объекте обнаружено крайне мало. К объекту 9 с запада примыкает объект 9Б глубиной 0,06–0,17 м от поверхности материка. Он представляет собой приямки и уходит в южную стенку раскопа.

Объект 10 – небольшая яма глубиной 0,32 м от поверхности материка и размерами $0,47 \times 0,47$ м – прилегает к северной стенке раскопа. В заполнении встречено несколько фрагментов лепной керамики.

Объект 11 можно интерпретировать как хозяйственную небольшую яму размерами $0,77 \times 0,77$ м и глубиной 0,26 м. В заполнении обнаружена лепная керамика с примесями песка и шамота. По крупному фрагменту венчика были реконструированы верхняя часть сосуда диаметром 20 см и верхняя часть миски диаметром 16 см с красным лощением.

Объект 12 – хозяйственная яма с расширением ко дну, размерами $1,27 \times 1,2$ м по верхней части и $1,31 \times 1,24$ м по дну, глубиной 0,43 м от поверхности материка. В заполнении также обнаружены лепная керамика и глиняная обмазка в большом количестве. Реконструирована верхняя часть сосуда диаметром по венчику 14 см, а также нетипичный для киевской культуры венчик.

Объект 13 представляет собой яму округлой формы хозяйственного назначения с расширением ко дну, размерами $1,14 \times 1,1$ м по верхнему контуру и $1,24 \times 1,2$ м по дну, глубиной до 0,46 м от поверхности материка. В яме обнаружены фрагменты лепной керамики от разных сосудов и большое количество глиняной обмазки.

Объект 14 также представляет собой яму округлой формы хозяйственного назначения, которая расширяется ко дну. Размеры ямы составляют $1,32 \times 1,25$ м по верхнему контуру и $1,44 \times 1,4$ м по дну при глубине 0,39 м от поверхности материка. В яме обнаружены фрагменты лепных сосудов

с примесью песка, шамота и дресвы в тесте, а также большое количество глиняной обмазки. Было реконструировано несколько верхних частей сосудов диаметром 24,5; 9,7; 15,0 и 10,0 см, последняя относится, скорее всего, к таксону формы I(3а). Также в объекте встречены фрагмент диска диаметром 21 см и фрагмент железного изделия.

Не исключено, что объекты 12–14 были печами открытого типа для обжига глиняных изделий, а затем использовались как мусорные ямы.

Объект 16 – яма овальной формы размерами $1,13 \times 0,98$ м и глубиной 0,37 м от поверхности материка, вероятнее всего хозяйственного назначения – в юго-западной части имеет заглабление до 0,09 м от уровня дна. В объекте обнаружено несколько фрагментов лепной керамики с примесями песка и шамота.

Объект 17 (постройка 5) представляет собой жилую постройку подквадратной формы, ориентированную по линии северо-восток – юго-запад. Объект находится на склоне. Скорее всего, котлован был выровнен по уровню, однако не исключено, что постройка частично подверглась эрозии почвы. Котлован имеет размеры $3,83 \times 3,52$ м, глубина у северо-западной стенки от поверхности материка составляет 0,49 м. В постройке находятся 2 хозяйственные ямы (одна из них (яма 1) появилась, предположительно после разрушения данной постройки, а вторая (яма 2) – до ее появления), одна столбовая яма (яма 4) от центрального опорного столба, которая смещена к юго-востоку, и 2 столбовые ямы (ямы 6 и 7), примыкающие к котловану с северо-востока и юго-запада. В центральной части объекта обнаружено небольшое пятно прокала от очага размерами $0,2 \times 0,3$ м и толщиной до 0,02 м. В заполнении слоя объекта встречена фрагментированная керамика. В процессе камеральной обработки удалось реконструировать несколько верхних частей сосудов диаметром 12,5; 18,0; 14,0 и 17,0 см (см. рис. 4, 3, 4, 7–11).

Индивидуальные находки представлены биконическим серолощенным пряслицем (см. рис. 5, 6), 1 фрагментом биконического пряслица (см. рис. 5, 5) и 2 фрагментами пряслиц с черным лощением (см. рис. 5, 7, 8).

Яма 1 в объекте 17, вероятнее всего, являлась хозяйственной и имела расширение ко дну. Она располагается в северо-западном углу постройки, ее размеры составляют $1,01 \times 0,92$ м в верхней части и $1,08 \times 1,03$ м по дну при глубине от уровня материкового дна постройки 0,2 м. В заполнении данной ямы обнаружена лепная керамика с примесями песка, шамота, а также венчик с черным лощением. Яма 2 округлой формы, размерами $1,24 \times 1,19$ м и глубиной от уровня дна постройки до 0,17 м. В ней обнаружено небольшое количество фрагментов лепной керамики с примесью песка и шамота. Яма 4 является столбовой ямой от опорного столба, смещен-

ного к юго-востоку от центра котлована постройки. Ее размеры составляют $0,25 \times 0,25$ м при глубине 0,39 м. С северо-восточной стороны яма практически примыкает к яме 2. Яма 6 примыкает к северо-восточной стенке котлована с наружной стороны, является столбовой и имеет размеры $0,32 \times 0,33$ м и глубину 0,33 м от поверхности материка. Яма 7 примыкает к юго-западной стенке котлована и к западной стенке ямы 1 с наружной стороны. Это столбовая яма с расширением в центральной части, размерами $0,24 \times 0,24$ м при глубине 0,3 м от уровня поверхности материка.

Объект 18 представляет собой яму овальной формы хозяйственного назначения с линзовидным заполнением. Размеры ямы составляют $1,13 \times 1,12$ м при глубине 0,2 м от поверхности материка. В ее заполнении обнаружено небольшое количество фрагментов лепной керамики.

В 2020 г. авторами было продолжено исследование раскопа Д и вскрыто 88 м слоя киевской культуры. На предварительном этапе был убран старый отвал палеолитического раскопа, который проверялся металлоискателем, и проведен сбор всего материала. В отвале найдено небольшое количество керамики, фрагмент бронзовой пружины (имитация) от фибулы, ножа, железного инструмента с заклепкой бифаса, рыболовный крючок, 2 фрагмента кремневых ножевидных пластин. Часть пружины от фибулы – это первая находка вещей круга эмалей на памятнике. Она представляет собой, вероятнее всего, половину имитированной пружины от треугольной фибулы, на внутренней части которой имеются потертости, скорее всего в месте изгиба над иглой. Однако не исключено, что это все же пронизка.

Раскоп состоял из 2 секторов размерами 6×8 и 6×6 м и прирезки в восточной части раскопа. Был доисследован объект 4 и обнаружена новая постройка 6 (объект 21), которая имеет уклон по линии северо-запад – юго-восток и располагается на краю склона оврага. Размеры котлована постройки 6 составляют $2,65 \times 2,46$ м. Котлован имеет глубину от поверхности материка от $-0,2$ до $-0,33$ м [3, с. 37–41]. Всего в постройке обнаружены 6 ям разного назначения. Яма 1 от центрального столба имеет размеры $0,28 \times 0,29$ м при глубине 0,63 м от дна котлована постройки. С северо-восточной части к яме от центрального столба примыкает довольно обширное золистое заполнение (яма 3) размерами $0,96 \times 1,11$ м, углубленное в дно котлована на расстояние от $-0,1$ до $-0,15$ м. В северо-западном углу постройки расположена округлая яма (яма 2) размерами $0,33 \times 0,33$ м и глубиной от поверхности матери-

ка $0,13-0,19$ м. В южной части котлована находится ряд небольших ям (ямы 4–6), расположенных по линии северо-запад – юго-восток. Их средние размеры $(0,1-0,14) \times (0,15-0,26)$ м при глубине от $-0,03$ до $0,1$ м от поверхности материка. В постройке был встречен развал большого сосуда (см. рис. 6, 4) таксона формы II (1) и фрагмент глиняного тигля (см. рис. 6, 3).

Хозяйственные ямы (объекты 19, 20, 24 и 25) имеют средние размеры от $0,90-1,06$ до $1,10-1,30$ м и глубину от поверхности материка от $-0,42$ до $-0,85$ м. Одна из ям (объект 20) расширяется ко дну. Выявлено несколько, вероятно, столбовых ям (объекты 26–31), яма неправильной формы непонятного назначения (объект 23), а также продолжающаяся промоина из раскопа 2019 г. в северо-восточной части раскопа 2020 г. (объект 22). В объекте 20 был встречен развал 2 сосудов таксонов форм II (1) и I (3а), которые удалось реконструировать (см. рис. 6, 5, 6). Кроме того, в объекте найдено бронзовое кольцо с незамкнутыми краями. Развалы 2 небольших сосудов, относящихся к таксонам форм II (1) и I (3а), обнаружены и в объекте 4 (см. рис. 6, 1, 2). Индивидуальные находки из слоя и объектов представлены железными оковками, застёжкой, латунной накладкой с железной клепкой на фрагменте металла, другими железными предметами, фрагментами ножей, пряслиц, тиглей, дисков, изразца нового времени из промоины, бронзовым кольцом с незамкнутыми краями, венчиком и стенкой керамического сита.

Керамический материал из раскопа 2020 г. представляет собой преимущественно лепную толстостенную керамику, однако встречается и лощеная, но мелкофрагментированная керамика. Керамический материал представлен горшкообразными сосудами с примесями крупного и мелкого шамота, органики, изредка дробленого кремня. Обнаруженные в объектах развалы целых форм сосудов, а также минимальное количество найденных за все время датирующих вещей могут говорить о том, что данное поселение было покинуто жителями, возможно, в результате предстоящей угрозы и (или) в спешке [9, с. 181].

На основании анализа находок и керамического материала объекты, исследованные в 2019–2020 гг., можно отнести к раннему (середина III в. – первая половина IV в. н. э.) и позднему (начало – 3-я четверть V в. н. э.) периодам киевской культуры. Вопрос о соотношении жилых построек и ям хозяйственного назначения в настоящее время решить достаточно сложно. Несомненно, одни ямы возникли до существования построек, другие – позже, и они не связаны с постройками, в которых обнаружены.

Заключение

Таким образом, в ходе археологических работ 2019–2020 гг. были открыты и изучены 6 углубленных в землю построек жилого назначения.

Количество исследованных на памятнике построек, по сути, удвоилось по сравнению с предыдущим периодом изучения поселения (1969–2018).

Полуземлянки с центральным столбом и открытым очагом близ него наиболее характерны для деснинского варианта киевской культуры [15, с. 37; 16, с. 81]. Характер взаимного расположения и концентрация

построек позволяют утверждать, что в ходе работ 2019–2020 гг. была изучена юго-восточная часть жилой зоны поселения в восточной части памятника [3, с. 41].

Библиографические ссылки

1. Гаврилов КН, Гурьянов ВН, Чубур АА, Шинаков ЕА. Материалы киевской культуры поселения Хотылёво-2. В: Обломский АМ, редактор. *Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.)*. Москва: ИА РАН; 2018. с. 166–172. DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-93061-129-8.
2. Гаврилов КН, Воскресенская ЕВ, Машенко ЕН. Верхнепалеолитические стоянки в окрестностях с. Хотылёво. В: Гаврилов КН, Очередной АК, Желтова МН, редакторы. *Культурная география палеолита Восточно-Европейской равнины: от микока до эпиграветта. Путеводитель конференции – полевого семинара; 10–16 сентября 2019 г.; Москва, Россия*. Москва: Институт археологии РАН; 2019. с. 80–146. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-295-7.80-146.
3. Рябчевский НГ, Гурьянов ВН, Гаврилов КН. Раскопки слоя киевской культуры стоянки Кладбищенская балка (Хотылёво-2). В: Ивашов МВ, редактор-составитель. *Археологические исследования в Центральном Черноземье – 2020*. Липецк: Новый взгляд; 2021. с. 37–41.
4. Чубур АА, Гаврилов КН, Чеплянская ЕА. Верхние слои многослойного поселения Хотылёво-2 на Десне (эпоха бронзы, железный век). В: Прокофьев ЕИ, редактор. *Деснинские древности. Выпуск 2. Сборник материалов Межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф. М. Заверняева; 15–17 апреля 2002 г.; Брянск, Россия*. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского; 2002. с. 74–84.
5. Шинаков ЕА, Рябчевский НГ. Памятники I тысячелетия н. э. на территории с. Хотылёво. В: Скоробогатов АМ, редактор. *Археология восточноевропейской лесостепи. Материалы II Международной научной конференции; 18–20 декабря 2015 г.; Воронеж, Россия*. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет; 2016. с. 406–411.
6. Гаврилов КН, Гурьянов ВН, Рябчевский НГ. Раскопки слоя киевской культуры на стоянке Хотылёво-2. В: Ивашов МВ, редактор-составитель. *Археологические исследования в Центральном Черноземье – 2018*. Липецк: Новый взгляд; 2019. с. 32–34.
7. Шинаков ЕА, Рябчевский НГ, Гурьянов ВН, Гаврилов КН. Исследования поселения киевской культуры Хотылёво-2. В: Ивашов МВ, редактор-составитель. *Археологические исследования в Центральном Черноземье – 2019*. Липецк: Новый взгляд; 2020. с. 28–39.
8. Обломский АМ. Каталог памятников. Курская область. В: Обломский АМ, редактор. *Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.)*. Москва: Институт археологии РАН; 2007. с. 90–106.
9. Рябчевский НГ. Раскопки верхнего слоя стоянки Кладбищенская балка (Хотылёво-2) в 2020 г. В: Киселева АМ, редактор. *Актуальная археология – 6. Материалы Международной научной конференции молодых ученых; 4–7 апреля 2022 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН; 2022. с. 179–182. DOI: 10.31600/978-5-6047952-1-7.
10. Обломский АМ. *Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н. э.* Москва: Археологическое агентство; 1991. 287 с.
11. Обломский АМ. *Днепровское лесостепное Левобережье в поздне римское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.)*. Москва: Наука; 2002. 255 с. (Раннеславянский мир).
12. Магомедов БВ. *Черняховская культура. Проблема этноса*. Люблин: Университет Марии Кюри-Склодовской; 2001. 290 с.
13. Вяргей ВС. Помнікі тыпу Прагі-Карчак і Лукі-Райкавецкай. У: Шадыра ВІ, Вяргей ВС, рэдактары. *Археалогія Беларусі. Том 2. Жалезны век і Ранняя сярэднявечча*. Мінск: Беларуская навука; 1999. с. 317–347.
14. Магомедов БВ. Производственный и бытовой инвентарь, предметы убора и оружие. В: Баран ВД, редактор. *Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период*. Киев: Наукова думка; 1990. с. 160–172.
15. Терпиловский РВ. *Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э.* Люблин: Университет Марии Кюри-Склодовской; 2004. 232 с.
16. Башкатов ЮЮ. Генеза слов'янського житла за матеріалами першої половини I тис. н. е. В: Івакін ГЮ, редактор. *Від венеців до Русі. Збірник наукових праць на пошану доктора історичних наук, професора Дениса Никодимовича Козака з нагоди його 70-ліття*. Київ: Майдан; 2014. с. 69–84.

References

1. Gavrilo K N, Guryanov V N, Chubur A A, Shinakov E A. [Materials of Kyiv culture of the settlement Khotylevo-2]. In: Oblomsky A M, editor. *Bryanskii klad ukrashenii s vyemchatoi emal'yu vostochnoevropetskogo stilya (III v. n. e.)* [Bryansk treasure of jewelry with excavated enamel of the Eastern European style (3rd century AD)]. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; 2018. p. 166–172. Russian. DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-93061-129-8.
2. Gavrilo K N, Voskresenskaia E V, Mashhenko E N. Upper-Palaeolithic sites in the vicinity of the village of Khotylevo. In: Gavrilo K N, Ocherednoi A K, Zheltova M N, editors. *The cultural geography of the Paleolithic in the East-European plain from the micoquian to the epigravettian. Conference field workshop guide book; 2019 September 10–16; Moscow, Russia*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; 2019. p. 80–146. Russian. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-295-7.80-146.
3. Ryabchevsky N G, Guryanov V N, Gavrilo K N. [Excavations of the layer of the Kyiv culture of the Cemetery Beam Site (Khotylevo-2)]. In: Ivashov M V, editor-compiler. *Arkheologicheskie issledovaniya v Tsentral'nom Chernozem'e – 2020* [Archaeological research in the Central Chernozem region – 2020]. Lipetsk: Novyi vzglyad; 2021. p. 37–41. Russian.
4. Chubur A A, Gavrilo K N, Cheplyanskaya E A. [The upper layers of the multilayer settlement of Khotylevo-2 on the Desna (Bronze Age, Iron Age)]. In: Prokofiev E I, editor. *Desninskie drevnosti. Vypusk 2. Sbornik materialov Mezghosudarstvennoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati F. M. Zavernyaeva; 15–17 aprelya 2002 g.; Bryansk, Rossiya* [Desna antiquities.

Issue 2. Collection of materials of the Interstate scientific conference dedicated to the memory of F. M. Zavernyaev; 2002 April 15–17; Bryansk, Russia]. Bryansk: Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky; 2002. p. 74–84. Russian.

5. Shinakov EA, Ryabchevsky NG. [Monuments of the 1st millennium AD on the territory of the village of Khotylevo]. In: Skorobogatov AM, editor. *Arkheologiya vostochnoevropeiskoi lesostepi. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 18–20 dekabrya 2015 g.; Voronezh, Rossiya* [Archaeology of the Eastern European forest-steppe. Materials of the 2nd International scientific conference; 2015 December 18–20; Voronezh, Russia]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University; 2016. p. 406–411. Russian.

6. Gavrillov KN, Guryanov VN, Ryabchevsky NG. [Excavations of the Kyiv culture layer at the Khotylevo site 2]. In: Ivashov MV, editor-compiler. *Arkheologicheskie issledovaniya v Tsentral'nom Chernozem'e – 2018* [Archaeological research in the Central Chernozem region – 2018]. Lipetsk: Novyi vzglyad; 2019. p. 32–34. Russian.

7. Shinakov EA, Ryabchevsky NG, Guryanov VN, Gavrillov KN. [Studies of the settlement of the Kyiv culture of Khotylevo-2]. In: Ivashov MV, editor-compiler. *Arkheologicheskie issledovaniya v Tsentral'nom Chernozem'e – 2019* [Archaeological research in the Central Chernozem region 2019]. Lipetsk: Novyi vzglyad; 2020. p. 28–39. Russian.

8. Oblomsky AM. [Catalogue of monuments. Kursk region]. In: Oblomsky AM, editor. *Pamyatniki kievskoi kul'tury v lesostepnoi zone Rossii (III – nachalo V v. n. e.)* [Monuments of Kyiv culture in the forest-steppe zone of Russia (3rd – beginning of the 5th century AD)]. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; 2007. p. 90–106. Russian.

9. Ryabchevsky NG. [Excavation of the upper layer of the Cemetery Beam Site (Khotylevo-2) in 2020]. In: Kiseleva AM, editor. *Aktual'naya arheologiya – 6. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh; 4–7 aprelya 2022 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Current Archaeology – 6. Materials of the International scientific conference of young scientists; 2022 April 4–7; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 2022. p. 179–182. Russian. DOI: 10.31600/978-5-6047952-1-7.

10. Oblomsky AM. *Etnicheskie protsessy na vodorazdele Dnepra i Dona v I–V vv. n. e.* [Ethnic processes on the Dnieper and Don watershed in the 1st–5th centuries AD]. Moscow: Arkheologicheskoe agentstvo; 1991. 287 p. Russian.

11. Oblomsky AM. *Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v pozdnerimskoe i gunnskoe vremya (seredina III – pervaya polovina V v. n. e.)* [The Dnieper forest-steppe Left Bank in the Late Roman and Hunnic times (middle of the 3rd – first half of the 5th century AD)]. Moscow: Nauka; 2002. 255 p. (Ranenslavianskii mir). Russian.

12. Magomedov BV. *Chernyakhovskaya kul'tura. Problema etnosa* [Chernyakhovskaya culture. The problem of ethnicity]. Lublin: Marie Curie-Sklodowska University; 2001. 290 p. Russian.

13. Vyargei VS. [Sites like Prague-Korczak and Luka-Rajkovetskaya]. In: Shadyra VI, Vjargej VS, editors. *Arheologija Belarusi. Tom 2. Zhalezny vek i Rannjaj sjarjednjavechcha* [Archaeology of Belarus. Volume 2. Iron Age and Early Medieval]. Minsk: Belaruskaja navuka; 1999. p. 317–347. Belarusian.

14. Magomedov BV. [Production and household equipment, headgear and weapons]. In: Baran VD, editor. *Slavyane Yugo-Vostochnoi Evropy v predgosudarstvennyi period* [Slavs of South-Eastern Europe in the pre-state period]. Kiev: Naukova dumka; 1990. p. 160–172. Russian.

15. Terpilovsky RV. *Slavyane Podneprov'ya v pervoi polovine I tysyacheletiya n. e.* [Slavs of the Dnieper region in the first half of the 1st millennium AD]. Lublin: Marie Curie-Sklodowska University; 2004. 232 p. Russian.

16. Bashkatov YY. [Genesis of Slavic dwellings by the materials of the first half of the 1st millennium AD]. In: Ivakin GY, editor. *Vid venediv do Rusi. Zbirnyk naukovykh prac' na poshanu doktora istorychnykh nauk, profesora Denysa Nykodymovycha Kozaka z nagody jogo 70-littja* [From wenedi to Rus'. Collection of studies in honour of doctor of historical sciences, professor Denis Nikodimovich Kozak]. Kyiv: Maidan; 2014. p. 69–84. Ukrainian.

Статья поступила в редколлегию 31.03.2022.
Received by editorial board 31.03.2022.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

КРЫНИЦА ЗНАЇСТВА

SOURCE STUDIES

УДК 93/94

ТАБАЧНАЯ РЕКЛАМА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ РУССКИХ ГОРОДОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.¹

А. П. СОЛОПОВ¹⁾

¹⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия

Рассматриваются возможности концептуального подхода к изучению истории повседневности посредством исследования табачной рекламы на рубеже XIX–XX вв. Демонстрируется методология изучения массовой ментальности рассматриваемого периода через социально-психологический анализ рекламных материалов. Выделены основные мотивы, применявшиеся рекламистами XIX в. Проанализирована специфика свойственной тому времени рецепции распространенных элементов продающего нарратива, в частности мотивов здоровья, надежности, удобства, комфорта и т. д., а также уникальных смысловых акцентов, к примеру использования военно-патриотического нарратива для эстетизации и героизации не связанных с оборонной сферой продуктов. Сделаны выводы об элементах сходства и различия между современными и актуальными для XIX в. паттернами восприятия продающего нарратива. Выделены особенности, характерные только для последних: использование детских образов в качестве символической единицы для обозначения слабого и уязвимого взрослого, неразрывная связь патриотического и военного нарративов в массовом сознании и т. д. Отдельное внимание уделяется аспектам рекламы, связанным с актуальным для рассматриваемого периода трендом женской эмансипации, в рамках которого женское курение становилось элементом символического уравнения женщин и мужчин через апроприацию конвенционально маскулинной привычки. Очерчивается перспектива дальнейшего изучения рекламы товаров статусного и досугового потребления в качестве источника по истории повседневности России XIX в. Через элементы продающего нарратива

¹Материал статьи представлен в виде доклада на VI Международном российско-белорусском конкурсе студенческих научных работ по истории «Общий путь к Великой победе: подвиг народов бессмертен» (2021).

Образец цитирования:

Солопов А. П. Табачная реклама как источник изучения повседневности русских городов на рубеже XIX–XX вв. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;1:82–92.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-82-92>

For citation:

Solopov AP. Tobacco advertising as a source for studying the everyday life of Russian cities at the turn of the 19th–20th centuries. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;1:82–92. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-82-92>

Автор:

Арсений Павлович Солопов – магистрант кафедры истории России XIX – начала XX в. исторического факультета. Научный руководитель – доктор исторических наук, доцент Д. А. Андреев.

Author:

Arseniy P. Solopov, master's degree student at the department of Russian history of the 19th – early 20th century, faculty of history.
arssolopov@mail.ru

предлагается рассматривать ментальные аспекты эпохи, этические и эстетические ценностные системы, принятые среди представителей различных групп целевой аудитории.

Ключевые слова: история повседневности; городская повседневность; реклама; реклама как исторический источник; табачная продукция; массовое сознание.

ТЫТУНЁВАЯ РЭКЛАМА ЯК КРЫНІЦА Вывучэння Штодзённасці РУСКІХ ГАРАДОЎ НА МЯЖЫ XIX–XX стст.

А. П. СОЛАПАЎ^{1*}

^{1*} Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава,
Ленінскія горы, 1, 119991, г. Масква, Расія

Разглядаюцца магчымасці канцэптуальнага падыходу да вывучэння гісторыі штодзённасці з дапамогай даследавання тытунёвай рэкламы на рубяжы XIX–XX стст. Дэманструецца метадалогія вывучэння масавай ментальнасці азначанага перыяду праз сацыяльна-псіхалагічны аналіз рэкламных матэрыялаў. Вылучаны асноўныя матывы, якія выкарыстоўвалі рэкламісты XIX ст. Прааналізавана спецыфіка ўласцівай дадзенаму перыяду рэцэпцыі распаўсюджаных элементаў рэкламнага наратыву, у прыватнасці матываў здароўя, надзейнасці, зручнасці, камфорту і г. д., а таксама ўнікальных для дадзенай эпохі сэнсавых акцэнтаў, да прыкладу выкарыстання ваенна-патрыятычнага наратыву для эстэтызацыі і гераізацыі не звязаных з абароннай сферай прадуктаў. Зроблены высновы аб элементах падабенства і адрознення паміж сучаснымі і актуальнымі для XIX ст. патэрнамі ўспрымання рэкламнага наратыву. Выдзелены асаблівасці, характэрныя для апошніх: выкарыстанне дзіцячых вобразаў у якасці сімвалічнай адзінкі для абазначэння слабoga і ўразлівага дарослага, непарыўная сувязь патрыятычнага і ваеннага наратываў у масавай свядомасці і г. д. Асаблівая ўвага надаецца аспектам рэкламы, звязаным з актуальным для таго часу трэндам жаночай эмансіпацыі, у рамках якога жаночае курэнне становілася элементам сімвалічнага ўраўнення жанчын і мужчын праз апрапрыяцыю канвенцыянальна маскуліннай звычкі. Акрэсліваецца перспектыва далейшага вывучэння рэкламы тавараў статуснага спажывання ў якасці крыніц па гісторыі штодзённасці Расіі XIX ст. Праз элементы рэкламнага наратыву прапануецца разгледзець ментальныя аспекты эпохі, этычныя і эстэтычныя каштоўнасныя сістэмы, прынятыя сярод прадстаўнікоў розных груп мэтавай аўдыторыі.

Ключавыя словы: гісторыя штодзённасці; гарадская штодзённасць; рэклама; рэклама як гістарычная крыніца; тытунёвая прадукцыя; масавая свядомасць.

TOBACCO ADVERTISING AS A SOURCE FOR STUDYING THE EVERYDAY LIFE OF RUSSIAN CITIES AT THE TURN OF THE 19th–20th CENTURIES

A. P. SOLOPOV^a

^aLomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

The article discusses the possibilities of a conceptual approach to the study of the history of everyday life through the study of tobacco advertising of a specific period. A brief overview of the existing tools for studying the history of everyday life and advertising is given, on the basis of which a methodology for studying the mass mentality of the time period under consideration is derived through a socio-psychological analysis of contemporary advertising materials. Within the framework of the existing classifications adopted in the psychology and sociology of advertising, the main motives used by the advertisers of the 19th century in their creatives are highlighted, the specifics of the reception of such common elements of the selling narrative as the motives of health, reliability, convenience, comfort, etc., as well as specific semantic accents unique to this era, to for example, the use of a military-patriotic narrative for the aestheticisation and heroisation of products absolutely unrelated to the defense sphere. Conclusions are drawn about the elements of similarity and difference between modern patterns of perception of the selling narrative and those relevant for the 19th century, and the specifics characteristic only of the latter are also highlighted: the use of children's images as a symbolic unit to denote a weak and vulnerable adult, the inseparable connection in the mass consciousness of patriotic and military narratives, etc. Special attention is paid to the aspects of advertising related to the trend of female emancipation relevant for the period under consideration, in which female smoking became a kind of element of the symbolic equation with the male part of society through the appropriation

of conventionally masculine habits. As a result of the analysis, the prospect of further studying the advertising of goods of status and leisure consumption as sources on the history of everyday life in Russia of the 19th century opens up by examining the details of their design (visual code in its stylistic and symbolic aspects) and content, as well as those addressed by the advertiser in his work. Through the elements of the selling narrative, it is proposed to consider the mental aspects of the era, ethical and aesthetic value systems adopted among representatives of various target audience groups.

Keywords: history of everyday life; urban everyday life; advertising; advertising as a historical source; tobacco products; mass consciousness.

Введение

История повседневности, как направление исторической науки, возникла относительно недавно и, следовательно, находится еще в стадии становления. Повседневность можно рассматривать как нечто будничное, ежедневное, обыденное, ничем не примечательное и повторяющееся изо дня в день² или как «природно-телесное и лично-общественное бытие / поведение человека, необходимая предпосылка и общий компонент всех остальных форм людской жизнедеятельности» [1, с. 22]. В данных трактовках повседневность выступает в качестве необходимой предпосылки личного и общественного бытия человека. Именно повседневность, окружение человека и условия социализации являются факторами, определяющими возможности, причины и обстоятельства принятия состоявшегося исторического выбора [2, с. 65–80]. Таким образом, повседневность предшествует событиям, изучаемым в рамках более распространенных и конвенционально признаваемых разделов исторической науки.

Впервые самоценным объектом научного исследования повседневность выступила в работе З. Фрейда «Психопатология повседневной жизни», где она рассматривается в качестве фундаментальной осознаваемой и неосознаваемой предпосылки человеческого целеполагания и деятельности [3].

Существенную роль в превращении повседневности в объект исторического исследования сыграл американский культуролог и антрополог К. Гирц. Согласно его концепции любая культура представляет собой иерархическую символическую систему, непосредственно связанную с определенными общественными структурами и повседневными типизированными практиками и доступную для интерпретации [4].

Развитие истории повседневности связано в первую очередь с группой французских исследователей, объединенных журналом «Анналы», – М. Блоком, Л. Февром, Ф. Броделем. Именно они начали рассматривать экономическую, социальную и политическую историю на двух уровнях, где первый уровень представлен структурами предметной жизни, связанной с материальными, фактическими, кван-

тифицируемыми проявлениями человеческой деятельности, а второй – структурами нематериальной жизни, затрагивающими сферу человеческой психологии и каждодневных практик [5]. История для них – наука, описывающая не просто совокупность событий, а единство, непрерывность, целостность истории человечества, рассмотренной во всех направлениях ее изменений [6].

В российской науке понятие повседневности вошло в широкое употребление в конце XX в. Его распространение связано с именем историка и культуролога Ю. М. Лотмана. В деталях одежды, манере поведения и прочих обыденных проявлениях он находил ключ к пониманию культурного кода и особенностей мировосприятия конкретного человека. Повседневное и обычное виделось им как «обрядовое» [7, с. 249].

Реклама также является достаточно нетривиальным и малоизученным объектом исторической науки. В исследовательских работах реклама часто используется лишь в качестве иллюстративного материала. Этой тематикой занимаются О. В. Сляднева [8], В. В. Ученова [9], М. С. Очковская [10] и др. На изучении рекламной индустрии сфокусированы в основном учебные пособия. В то же время в смежных гуманитарных дисциплинах есть множество работ, посвященных анализу рекламы с точки зрения социологии, философии и психологии. Среди подобных авторов необходимо упомянуть Ж. Бодрийяра [11], Р. Барта [12], Д. Огилви [13] и др.

Именно реклама, как вид контента, всецело построенного на эксплуатации архетипов массового сознания в конкретный период [14, с. 212], представляется одним из наиболее валидных источников изучения повседневности, позволяющих рассмотреть ценностный аспект модели мировосприятия жителей определенной городской среды.

Ярким примером может служить табачная реклама. Особенности досугового и статусного потребления ярко характеризуют общество, а значит, реклама такой продукции транслирует ценностные установки, распространенные в данном социуме,

²Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1983. Т. 3. С. 162.

а также объекты интереса индивидов. В настоящей работе анализируется реклама, выпускавшаяся в период с начала 1860-х гг. до революционных событий 1917 г.

Ликвидация жестких ограничений частной типографской деятельности в 1863 г. существенно стимулировала выпуск рекламной продукции, превратив ее из атрибута оформления конкретного заведения в полноценный элемент продающего нарратива, существующий отдельно от места производства или продажи продвигаемого товара [15, с. 18]. Ра-

дикальные реформы в экономике страны, последовавшие за революцией 1917 г., фундаментально изменили структуру российской рекламной индустрии [16, с. 93].

Целью данного исследования является многофакторный анализ содержания плакатов и газетных объявлений, посредством которых табачная реклама продвигалась в крупных городах Российской империи во второй половине XIX – начале XX в., а также изучение воздействия рекламы на целевую аудиторию.

Теоретические основы исследования

Изучение истории повседневности предполагает использование множества методологических опций. Локальный и вариативный характер предмета этой отрасли научного знания не позволяет выделить наиболее эффективные подходы к ее изучению. В силу специфики анализ исследований на данную тему требует тщательного подбора научных инструментов.

Несмотря на то что в научных публикациях сравнительно редко используется общепринятое в классической социологии определение повседневности («реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [17, с. 38]), именно оно фундаментально значимо для корректной методологической работы в данном направлении. Повседневность дуалистична: с одной стороны, она абсолютно субъективна, поскольку конституируется тем, что является «здесь и сейчас» для определенного индивида [18, с. 99], с другой стороны, она укоренена в объективной реальности, будучи неразрывно связанной с миром и социумом, в которых индивид существует. Именно сбалансированный анализ индивидуально-психологических аспектов повседневной жизни и ее широкого хронологического контекста – социального, этнического, культурного – составляет цель исследования истории повседневности.

По Фрейдю культура неразрывно объединяет между собой духовные ценности и ценности обыденной жизни, следовательно, изучение одного неизбежно проливает свет на другое [3, с. 31]. И макроисторический анализ фактических аспектов жизнедеятельности индивидов, и реконструкция ментального макроконтракта событий политической, культурной, военной или социально-экономической истории в действительности являются не конфликтующими, а взаимодополняющими точками зрения на предмет и методологию истории повседневности.

Представляя «реальность в себе», состоящую из правил языка, определенных предписаний для ис-

пользования созданных руками человека объектов, норм человеческого общения, обычаев и т. д., повседневность выступает ключом для понимания модуса функционирования конкретного общества. Ментальность и ценностная ориентация в значительной степени определяют паттерны поведения политических и экономических агентов [19, с. 323].

Выступая местом прямого столкновения объективных и субъективных факторов, повседневность может быть представлена как поле взаимодействия действительности и ее социально обусловленных интерпретаций. Методология изучения повседневности представляет собой «поле, где с наибольшей полнотой осуществляется творческий синтез дисциплин практически всего гуманитарного цикла, где переосмысляются, дополняя друг друга, данные археологии, лингвистики, литературоведения и фольклористики, экономической и социальной истории» [20, с. 7]. Исследование же рекламы как источника, раскрывающего ценностные аспекты обыденной жизни, требует также привлечения социально-психологических и психоаналитических методов, поскольку напрямую связано с изучением коллективного бессознательного и различных форм массовой ментальности.

По мнению Г. Хосю, качественная реклама должна «подготовить человека к определенному выводу, сориентировать, побудить к определенному действию» [21, с. 36]. В современной психологической науке существует множество подходов к классифицированию рекламы и выделению техник, обеспечивающих эффективность ее взаимодействия с аудиторией.

Методологические основы данного исследования заключаются в применении существующего инструментария работы с рекламным нарративом в отношении источников второй половины XIX – начала XX в. в целях выявления преобладающих паттернов и тематических блоков, вызывавших наиболее сильный отклик у аудитории урбанизированных граждан Российской империи.

Результаты и их обсуждение

Придя в Россию лишь в начале XVIII в., культура потребления табачной продукции очень быстро заняла свою нишу как в экономике, так и в бытовой среде [16, с. 12]. Тем не менее интеграция чуждой привычки в массовое сознание, ее нормализация – долгий и непростой процесс, который в сочетании с очевидной потребностью рынка в росте и привлечении новых секторов целевой аудитории привел к моментальному и колоссальному всплеску рекламной активности в этой сфере потребления. Начиная с 1860-х гг. табачная реклама обрела свое место в жизни русских городов – и на улицах (вывески, афиши и плакаты), и в печати (объявления в журналах и газетах). Увеличивая продажи продвигаемой продукции, реклама также стимулировала вложения в саму себя: порождая подъем, она сама порождалась этим подъемом [22, с. 447]. Благодаря такой амбивалентной тенденции возник обширный корпус источников на соответствующую тему. Несмотря на отсутствие сведений, которые позволили бы точно судить об объеме созданной в рассматриваемый период рекламной продукции (вплоть до конца первой четверти XX в. в России не велся учет выпускаемых афишных материалов), имеющиеся публикации позволяют провести подробный анализ табачной рекламы.

Оказывая влияние в первую очередь на эмоциональную составляющую личности, реклама действует многомерно, применяя самые разные методы внушения: апелляцию к авторитетам, многократный повтор текстуальных формул в целях их фиксации в сознании потребителя [23], специфическое использование цветовых кодов [24] и т. д. Все эти хорошо известные способы привлечения внимания и снижения уровня критического восприятия потенциального покупателя активно применялись в рассматриваемый период.

Ученые выделяют следующие уровни психологического воздействия рекламы на потребителя:

- когнитивный (познавательный аспект, передача информации) – донесение до аудитории набора данных о качественных характеристиках товара;

- аффективный (эмоциональный аспект, формирование отношения) – создание целостной установки, позитивных коннотаций с продвигаемым продуктом;

- суггестивный (внушение) – бессознательное усваивание информации потенциальным покупателем независимо от его активного мышления;

- конативный (определение поведения) – мотивация покупателя к приобретению продукта [23, с. 508].

В рекламе может использоваться множество мотивов, которые принято подразделять на рациональные, эмоциональные и нравственные [23, с. 515]. Все виды мотивов достаточно ярко проявляют себя в дореволюционной рекламе табачных изделий. Так, мотив надежности и гарантий, снижения сопряженных с потреблением рисков выступает одной из доминант стратегии продвижения крупнейшего рекламодателя российских газет того периода – гильзовой фабрики торгового дома «А. Катък и К°» [25, с. 336]. Так, одно из объявлений (рис. 1) демонстрирует заключение научной экспертизы, доказывающей полную безопасность табачного продукта.

Мотив здоровья, как ни парадоксально, весьма часто прослеживается в рекламе табачной продукции того времени. В этом контексте регулярным является обращение к детским образам. Полностью игнорируя вред табачного дыма, подобные креативы фокусируются на безопасности материалов, используемых при создании табачного продукта (рис. 2). В данном случае ребенок выступает не как особый персонаж со своими характеристиками, а как архетипическое изображение предельно уязвимого взрослого.

Через аналогичную модель восприятия детства проявляется и такой рекламный мотив, как удобство и дополнительные преимущества курения (рис. 3). Детский образ в данном случае снова выступает ультимативным архетипом слабости. Демонстрация того, что даже ребенок способен эффективно пользоваться продвигаемой продукцией, становится центральным посылом продающего нарратива.

Рис. 1. Рекламный плакат гильзовой фабрики торгового дома «А. Катък и К°».

Источник: Национальная электронная библиотека Российской Федерации

Fig. 1. Advertising poster of the sleeve factory of the trading house «A. Katyk and C°».

Source: National Electronic Library of the Russian Federation

Рис. 2. Рекламный плакат гильзовой фабрики торгового дома «А. Катък и К°».

Источник: Национальная электронная библиотека Российской Федерации

Fig. 2. Advertising poster of the sleeve factory of the trading house «A. Katyk and C°».

Source: National Electronic Library of the Russian Federation

Эмоциональные мотивы также широко представлены в рекламных материалах рассматриваемого периода. Мотив значимости, самореализации, который демонстрирует потребность человека в признании и повышении своего социального статуса, – наиболее часто встречающаяся форма рекламного послания. Занимая особое место среди товаров статусного потребления, табачная продукция выставлялась атрибутом богатства, роскоши и бытового комфорта, что, в свою очередь, эмоционально стимулировало потенциального потребителя к покупке. В ряде случаев эта тенденция выражалась предельно явно. Например, реклама папирос «Роскошь» табачной фабрики «И. Л. Шерешевский» (рис. 4) концентрируется вокруг изображения папи-

росы над логотипом продукции. Стоит отметить использование в рекламе темных, контрастных цветов с преобладанием красного и черного, которые явно переключаются с расцветкой парадной армейской формы и призваны символизировать статус потребителя.

Интересно, что в рассматриваемый период наблюдается смена тенденций в мифологизации и восприятии черного цвета. Красный цвет неизменно символизировал красоту и связь с чувственным и эмоциональным восприятием [26, с. 349], черный цвет, ранее выступавший символом смирения, скорби, смерти, отрешения от мирской суеты [24], стал ассоциироваться с серьезностью и высоким социальным статусом.

Рис. 3. Рекламный плакат гильзовой фабрики торгового дома «А. Катик и К°». Источник: Национальная электронная библиотека Российской Федерации

Fig. 3. Advertising poster of the sleeve factory of the trading house «A. Katyk and C°». Source: National Electronic Library of the Russian Federation

Другой, менее эксплицитный подход к использованию этого нарратива для продвижения табачной продукции заключался в обращении к ориентальной тематике, т. е. предполагал стереотипное восприятие стран Востока как территории роскоши и комфорта. Так, на рекламной афише табачной фабрики «Оттоман» (рис. 5) представлены двое жителей Османской империи в национальной одежде. Судя по лежащим на столе коробкам с папиросами, они оба курят продукцию рекламируемой фабрики. Обилие этнической символики, национальные костюмы и богатые предметы быта – все это призвано создать коннотацию экзотики и дороговизны товара.

Не менее значимым эмоциональным мотивом в рекламе является мотив свободы и личной независимости. Наиболее ярко он проявился в сегменте табачной рекламы, направленном на женскую аудиторию. Усиливавшиеся в рассматриваемый период процессы женской эмансипации, превращение женщин в самостоятельную группу потребителей [27, с. 312] сделали крайне выгодной стратегией про-

Рис. 4. Рекламный плакат табачной фабрики «И. Л. Шерешевский». Источник: Национальная электронная библиотека Российской Федерации

Fig. 4. Advertising poster of the tobacco factory «I. L. Shereshevsky». Source: National Electronic Library of the Russian Federation

движения табака посредством использования образов свободных представительниц прекрасного пола. Апроприация курения, воспринимавшегося ранее в качестве исконно маскулинной привычки, стала для женщин способом демонстрации стремления к равноправию. В рекламе это находило проявление в виде эстетизации и героизации курящей женщины. Например, рекламный плакат гильз «Победа» (рис. 6) явно отсылает к описанным тенденциям: изображенная на нем женщина спокойно и уверенно опирается на белого медведя, покорно ей, и держит в руке шкатулку с продвигаемым товаром.

В рассматриваемый период мотив гордости и патриотизма очень часто использовался в рекламных материалах, в то время как в современной отечественной рекламе он применяется достаточно редко [23, с. 517]. В противоположность рассмотренным ориентальным образам здесь формировался эстетический код, свойственный патриотическому мышлению и восприятию территории проживания как «своей земли» [28, с. 86].

Рис. 5. Рекламный плакат табачной фабрики «Оттоман».
Источник: Национальная электронная библиотека Российской Федерации

Fig. 5. Advertising poster of the tobacco factory «Ottoman».
Source: National Electronic Library of the Russian Federation

Рис. 6. Рекламный плакат фирмы «А. Койлю и К°».
Источник: Национальная электронная библиотека Российской Федерации

Fig. 6. Advertising poster of the firm «A. Koylyu and Co.».
Source: National Electronic Library of the Russian Federation

Появление новых табачных линеек часто было приурочено к знаковым событиям в истории страны. К примеру, чрезвычайной популярностью пользовались выпущенные в продажу после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. папиросы «Скобелевские», названные так в честь известного генерала этой войны М. Д. Скобелева [16, с. 33]. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. на прилавках появились папиросы «Варяг» (рис. 7), капитализировавшие резонансное и вызвавшее сильный патриотический отклик событие, которое укрепляло ассоциации между потреблением табачной продукции и героизмом.

Стоит отметить, что характер патриотической тематики в рекламе рассматриваемого периода всегда был неразрывно связан с милитаристской эстетикой, в которой фактически отсутствовала дис-

тинкция между государством, армией и архетипическими героическими образами. Все это работало на дальнейшее закрепление ассоциации между продвигаемым товаром и сторонами общественной и политической жизни, наиболее позитивно воспринимаемыми массами.

Для романтизации и эстетизации процесса курения активно применялся мотив любви, причем как в сугубо романтическом ключе, создавая коннотации чувственности и успеха у противоположного пола (нередко такие креативы сочетались с ориентальной эстетикой в целях усиления транслируемого нарратива (рис. 8)), так и в рамках традиционной семейной жизни, формируя вокруг продвигаемой продукции атмосферу уюта и душевной близости (рис. 9).

Рис. 7. Рекламный плакат товарищества табачной фабрики «Саатчи и Мангуби».
Источник: Национальная электронная библиотека Российской Федерации

Fig. 7. Advertising poster of the partnership of the tobacco factory «Saatchi and Mangubi».
Source: National Electronic Library of the Russian Federation

Рис. 8. Рекламный плакат табачной фабрики торгового дома «Шишман и Дурунча».
Источник: Национальная электронная библиотека Российской Федерации

Fig. 8. Advertising poster of the tobacco factory of the trading house «Shishman and Duruncha».
Source: National Electronic Library of the Russian Federation

Рис. 9. Рекламный плакат табачной фабрики «Дукат».
Источник: Национальная электронная библиотека Российской Федерации

Fig. 9. Advertising poster of the tobacco factory «Dukat».
Source: National Electronic Library of the Russian Federation

Одна из конвенционально выделяемых в современной науке групп рекламных мотивов относится к нравственности. Примеры этого вида рекламы в рассматриваемый период встречаются крайне редко. Так, практически нет образов, связанных с этичностью потребления или с защитой окружающей среды. Это обусловлено отсутствием запроса на подобные темы в обществе, поскольку они были актуализированы существенно позже.

В рекламе рубежа XIX–XX вв. мотив порядочности и доброты проявлялся ярко и многоаспектно. Создатели или заказчики рекламы активно обращались к теме заботы о старшем поколении, а также к теме традиционных семейных ценностей, как,

например, на рекламной афише папирос «Нарзан» (рис. 10).

Широко был представлен мотив социального единства и гармонии. К примеру, на плакате, рекламирующем табак товарищества табачной фабрики «А. Н. Богданов и К°» (рис. 11), изображены разные по возрасту и социальному статусу персонажи, репрезентирующие среднестатистических жителей русского города. Всех их, от школьника до корабейника, от военного до болезненного, будто сошедшего с карикатуры интеллигента, объединяет именно табак, курение которого как бы стирает границы между ними, формируя новую социальную общность.

Рис. 10. Рекламный плакат табачной фабрики «Оттоман».
Источник: Национальная электронная библиотека Российской Федерации

Fig. 10. Advertising poster of the tobacco factory «Ottoman».
Source: National Electronic Library of the Russian Federation

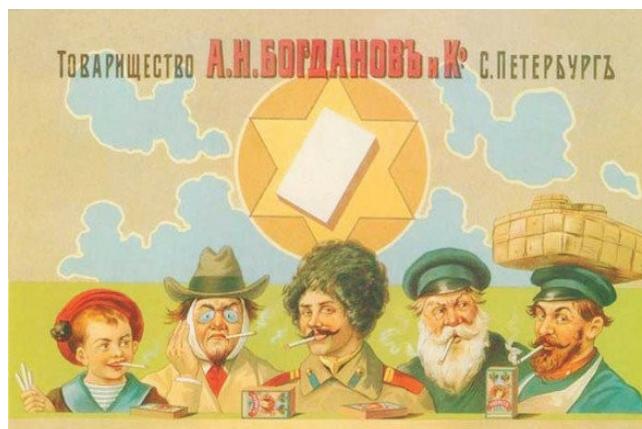

Рис. 11. Рекламный плакат товарищества табачной фабрики «А. Н. Богданов и К°».
Источник: Национальная электронная библиотека Российской Федерации

Fig. 11. Advertising poster of the partnership of the tobacco factory «A. N. Bogdanov and Co».
Source: National Electronic Library of the Russian Federation

Заключение

Темы и мотивы, использовавшиеся рекламистами XIX – начала XX в. для продвижения табачной продукции, практически идентичны тому, что сегодня можно наблюдать в маркетинговых стратегиях почти любой отрасли. За исключением освещения такой темы, как защита окружающей среды, ничего не изменилось. При настолько сильном сходстве затрагиваемых тем ярко становится виден контраст между их восприятием в XIX в. и в современный период. Образы, использовавшиеся в XIX – начале XX в., свидетельствуют о массовой ментальности того времени. Коннотации богатства, аристократизма, личного достоинства, авантюризма и даже тенденции к женской эмансипации задействовались (пусть с поправкой на историко-культурный контекст, вносящий свои коррективы в визуальный и тематический коды) практически идентично их современному пониманию с точки зрения посыла. Детские образы, употребляемые сейчас в первую очередь в целях актуализации зрительской эмпатии³, ассоциировались тогда с уязвимостью, воспринимаясь, по сути, наравне со взрослыми образами, однако в качестве их более слабой итерации. Доступность взрослого элемента потребления ребенку виделась не с этической или эстетической точки зрения, а как маркер предельной простоты и удобства. Патриотический нарратив был практически

всцело сконцентрирован на милитаристской тематике и героизации продвигаемого продукта через формирование стойкой ассоциации между ним и образами, связанными с армией и войной. Куда более очевидным был ориенталистский сентимент в массовом сознании: жители стран Востока воспринимались стереотипно и несли определенную культурную функцию. Отход от этой тенденции наблюдается только в XX в. [29, с. 28].

История повседневности выступает прежде всего описательной наукой, ее суть заключается в выяснении деталей и особенностей протяженных во времени паттернов, явлений, их состояния в конкретный момент и динамики дальнейших изменений, а также их восприятия массами в целом и конкретными группами в частности. Табачная реклама, локальное и незначительное явление, позволяет на ярких примерах рассмотреть и обозначить для дальнейшего исследования множество аспектов мироописательной картины городского жителя России рубежа XIX–XX вв. и через понимание его модуса восприятия действительности более глубоко контекстуализировать самые разные стороны событийной истории. Ведь понять причины каких-либо действий и решений в полной мере невозможно без осознания ментальности, лежащей в их основе.

Библиографические ссылки

1. Касавин ИТ, Щавелев СП. *Анализ повседневности*. Москва: Канон+; 2004. 432 с.
2. Schulze W. *Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Micro-Historie*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 1994. 82 S.
3. Фрейд З. *Психопатология обыденной жизни*. Санкт-Петербург: Алетейя; 1997. 191 с.
4. Гирц К. *Интерпретация культур*. Москва: РОССПЭН; 2004. 560 с.
5. Braudel F. Histoire et sciences sociales. La longue durée. *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1958;4:725–753.
6. Афанасьев ЮН. Фернан Бродель и его видение истории. *Новая и новейшая история*. 1985;5:62–71.
7. Лотман ЮМ. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века. В: Лотман ЮМ. *Избранные статьи*. Том 1. *Статьи по семиотике и типологии культуры*. Таллинн: Александра; 1992. с. 248–288.
8. Сляднева ОВ. *Очерки истории российской рекламы. Часть 1*. Санкт-Петербург: СПбГУ; 2007. 161 с.
9. Ученова ВВ, Старых НВ. *История рекламы*. Москва: Юнити-Дана; 2008. 496 с.
10. Очковская МС. Реклама в царской России во второй половине XIX – начале XX в.: поиск национальной специфики. *Реклама. Теория и практика*. 2014;1(61):2–22.
11. Бодрийяр Ж. *Система вещей*. Зенкин СН, переводчик. Москва: Рудомино; 1995. 168 с.
12. Барт Р. Риторика образа. В: Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Москва: Прогресс; 1994. с. 297–318.
13. Огилви Д. *Огилви о рекламе*. Гостев А, Новикова Т, переводчики. Москва: Эксмо; 2007. 232 с.
14. Кошлякова МО. Архетипическая символика в рекламной коммуникации. *Сервис в России и за рубежом*. 2011; 7:209–217.
15. Поспелова ГМ. *Московские вывески вчера и сегодня*. Москва: Кучково поле; 2019. 320 с.
16. Богданов ИА. *Дым отечества, или Краткая история табакокурения*. Москва: Новое литературное обозрение; 2007. 280 с.
17. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности*. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
18. Степанова АА. Теоретические подходы в осмыслении культуры повседневности. *Наука, образование и культура*. 2017;7(22):98–100.
19. Седова АК. Историко-эволюционные предпосылки исследования рационального и иррационального поведения экономических агентов. *Инновации и инвестиции*. 2019;9:322–325.

³Колчина Н. О., Скворцова М. О. Детский образ как фактор рекламного воздействия // Сб. материалов VII Науч.-практ. интернет-конф. «Стратегические коммуникации в современном мире: от теоретических знаний к практическим навыкам». Саратов, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/conf/files/2018/10/skvorcova_m.o_kolchina_n.o_statya.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

20. Смирнова ЕД. *Повседневность Средневековья*. Минск: Бизнесофсет; 2005. 148 с.
21. Хосю Г. Рекламный успех. *Международный симпозиум по рекламе*. 1969;2:36–45.
22. Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Том 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное*. Москва: Весь мир; 2007. 592 с.
23. Музыкант ВЛ. Рекламный текст и эмоции человека. В: Райгородский ДЯ, редактор-составитель. *Психология и психоанализ рекламы: личностно-ориентированный подход*. Самара: Бахрах-М; 2001. с. 506–550.
24. Рожнов И. Реклама и цвет. В: Райгородский ДЯ, редактор-составитель. *Психология и психоанализ рекламы: личностно-ориентированный подход*. Самара: Бахрах-М; 2001. с. 368–374.
25. Прохоров ДА. Крымские караимы и развитие табачной промышленности в Российской империи в конце XIX – начале XX века. *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья*. 2018;10:334–370.
26. Kuna DP. The concept of suggestion in the early history of advertising psychology. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 1976;12(4):347–353.
27. Пушкарева НЛ, Секенова ОИ. Преподавательницы Бестужевских женских курсов как феномен российской эмансипации второй половины XIX – начала XX в. *Вопросы образования*. 2020;1:302–316. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-1-302-316.
28. Полюшкевич ОА. «Свои» и «чужие»: социокультурные маркеры. *Дискуссия*. 2011;5:84–89.
29. Говорунов АВ, Кузьменко ОП. Ориентализм и право говорить за другого. *Международный журнал исследований культуры*. 2013;2(11):26–43.

References

1. Kasavin IT, Shchhavelev SP. *Analiz povsednevnosti* [Analysis of everyday life]. Moscow: Kanon+; 2004. 432 p. Russian.
2. Schulze W. *Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Micro-Historie*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 1994. 82 S.
3. Freud S. *Psikhopatologiya obydennoi zhizni* [Psychopathology of everyday life]. Saint-Petersburg: Aleteiya; 1997. 191 p. Russian.
4. Girts K. *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of cultures]. Moscow: ROSSPEN; 2004. 560 p. Russian.
5. Braudel F. Histoire et sciences sociales. La longue durée. *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1958;4:725–753.
6. Afanas'ev YuN. [Fernand Braudel and his vision of history]. *Novaya i noveishaya istoriya*. 1985;5:62–71. Russian.
7. Lotman YuM. [Poetics of everyday behavior in Russian culture of the 18th century]. In: Lotman YuM. *Izbrannye stat'i. Tom 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles. Volume 1. Articles on semiotics and typology of culture]. Tallinn: Aleksandra; 1992. p. 248–288. Russian.
8. Slyadneva OV. *Ocherki istorii rossiiskoi reklamy. Chast'1* [Essays on the history of Russian advertising. Part 1]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2007. 161 p. Russian.
9. Uchenova VV, Starykh NV. *Istoriya reklamy* [History of advertising]. Moscow: Yuniti-Dana; 2008. 496 p. Russian.
10. Ochkovskaya MS. [Advertising in tsarist Russia in the second half of the 19th – early 20th century: search for national specifics]. *Reklama. Teoriya i praktika*. 2014;1(61):2–22. Russian.
11. Baudrillard J. *Le Système des objets*. Paris: Gallimard; 1968. 288 p. Russian edition: Baudrillard J. *Sistema veshchei*. Zenkin SN, translator. Moscow: Rudomino; 1995. 168 p.
12. Bart R. [Rhetoric of the image]. In: Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress; 1994. p. 297–318. Russian.
13. Ogilvy D. *Ogilvi o reklame* [Ogilvy about advertising]. Gostev A, Novikova T, translators. Moscow: Eksmo; 2007. 232 p. Russian.
14. Koshlyakova MO. [Archetypal symbolism in advertising communication]. *Servis v Rossii i za rubezhom*. 2011;7:209–217. Russian.
15. Pospelova GM. *Moskovskie vyveski vchera i segodnya* [Moscow signs yesterday and today]. Moscow: Kuchkovo pole; 2019. 320 p. Russian.
16. Bogdanov IA. *Dym otechestva, ili Kratkaya istoriya tabakokureniya* [The smoke of the fatherland, or A brief history of tobacco smoking]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2007. 280 p. Russian.
17. Berger P, Lukman T. *Social'noe konstruirovaniye real'nosti* [Social construction of reality]. Moscow: Medium; 1995. 323 p. Russian.
18. Stepanova AA. [Theoretical approaches in understanding the culture of everyday life]. *Nauka, obrazovanie i kul'tura*. 2017;7(22):98–100. Russian.
19. Sedova AK. Historical and evolutionary prerequisites for the study of rational and irrational behaviour of economic agents. *Innovatsii i investitsii*. 2019;9:322–325. Russian.
20. Sмирнова ЕД. *Povsednevnost' Srednevekov'ya* [Everyday life of the Middle Ages]. Минск: Бизнесофсет; 2005. 148 p. Russian.
21. Hosju G. [Advertising success]. *Mezhdunarodnyi simpozium po reklame*. 1969;2:36–45. Russian.
22. Braudel F. *Material'naiia civilizaciia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. Tom 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Material civilisation, economy and capitalism, 15th–18th centuries. Volume 1. Structures of everyday life: possible and impossible]. Moscow: Ves' mir; 2007. 592 p. Russian.
23. Музыкант ВЛ. [Advertising text and human emotions]. In: Raigorodskii DYa, editor-translator. *Psikhologiya i psikhooanaliz reklamy: lichnostno-orientirovannyi podkhod* [Psychology and psychoanalysis of advertising: personal-oriented approach]. Samara: Bahrah-M; 2001. p. 506–550. Russian.
24. Rozhnov I. [Advertising and color]. In: Raigorodskii DYa, editor-translator. *Psikhologiya i psikhooanaliz reklamy: lichnostno-orientirovannyi podkhod* [Psychology and psychoanalysis of advertising: personal-oriented approach]. Samara: Bahrah-M; 2001. p. 368–374. Russian.
25. Prokhorov DA. Crimean karaims and the development of the tobacco industry in the Russian empire from the middle of the nineteenth to the early twentieth century. *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 2018;10:334–370. Russian.

26. Kuna DP. The concept of suggestion in the early history of advertising psychology. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 1976;12(4):347–353.

27. Pushkareva NL, Sekenova OI. Female lecturers at the faculty of history and philology of the Bestuzhev women's higher education courses as a manifestation of Russian emancipation of the second half of the 19th – early 20th century. *Educational Studies*. 2020;1:302–316. Russian. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-1-302-316.

28. Polyushkevich OA. [«Own» and «strangers»: sociocultural markers]. *Discussion*. 2011;5:84–89. Russian.

29. Govorunov AV, Kuzmenko OP. Orientalism and a right to speak for an another. *International Journal of Cultural Studies*. 2013;2(11):26–43. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.10.2022.
Received by editorial board 28.10.2022.

ЭТНОЛОГИЯ

ЭТНАЛОГІЯ

ETHNOLOGY

УДК 338.48-6:39(476)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ В БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

И. В. ОЛЮНИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается современный этап развития этнографического туризма в Беларуси. Анализируются результаты анкетирования и интервьюирования представителей туристической индустрии Беларуси. Выявляются проблемы организации туристического обслуживания, а также возможные пути их решения. Отмечается, что на современном этапе развития туристической индустрии Беларуси актуальной задачей является формирование регионального этнографического туристического продукта. Его реализация представляется наиболее оптимальной на специализированных объектах, например в этнографических и краеведческих музеях и комплексах, агроэкоусадебках, домах ремесел. Базовыми компонентами этнографического тура выступают гастрономический, событийный и интерактивный. Важнейшая роль в построении и продвижении этнографического туристического продукта принадлежит экскурсоводам. Совершенствование содержания экскурсий с применением современных технологий и участие туристов в народных праздниках и обрядах, их обучение традиционным ремеслам и промыслам, а также дегустация блюд и напитков национальной кухни становятся необходимыми компонентами этнографического тура. Делается вывод о том, что в условиях возрастающей эмоциональной ценности путешествия приоритет в развитии этнографического туризма должен отдаваться построению региональных стратегий и дифференциации безопасного и инклюзивного этнографического туристического продукта для всех категорий туристов.

Ключевые слова: Беларусь; этнографический туризм; туристические услуги; интерпретация; этнокультурное наследие; экскурсовод.

Образец цитирования:

Олюнина ИВ. Этнографический туризм в Беларуси: проблемы развития. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;1:93–101.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-93-101>

For citation:

Olunina IV. Ethnographic tourism in Belarus: development problems. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;1:93–101. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-1-93-101>

Автор:

Ирина Владимировна Олюнина – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета.

Author:

Irina V. Olunina, PhD (history), docent; associate professor at the department of ethnology, museology and history of arts, faculty of history.
irinaolunina@yandex.ru

ЭТНАГРАФІЧНЫ ТУРЫЗМ У БЕЛАРУСІ: ПРАБЛЕМЫ РАЗВІЦЦА

І. У. АЛЮНІНА^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Разглядаецца сучасны этап развіцця этнаграфічнага турызму ў Беларусі. Аналізуецца вынікі апытання і інтэрв'ювання прадстаўнікоў беларускай турыстычнай індустрыі. Выяўляюцца праблемы арганізацыі турыстычнага абслугоўвання, а таксама магчымыя шляхі іх рашэння. Адзначаецца, што на сучасным этапе развіцця турыстычнай індустрыі Беларусі актуальнай задачай з'яўляецца фарміраванне рэгіянальнага этнаграфічнага турыстычнага прадукту. Яго рэалізацыя прадстаўляецца аптымальнай на спецыялізаваных аб'ектах, напрыклад у этнаграфічных і краязнаўчых музеях і комплексах, аграэкасядзібах, дамах рамёстваў. Базавымі кампанентамі этнаграфічнага тура з'яўляюцца гастронамічны, падзейны і інтэрактыўны. Вядучая роля ў будаванні і прасоўванні этнаграфічнага турыстычнага прадукту належыць экскурсаводам. Удасканаленне зместу экскурсій з прымяненнем сучасных тэхналогій і ўдзелам турыстаў у народных святах і абрадах, навучанне іх традыцыйным рамёствам і промыслам, а таксама дэгустацыя страў і напояў нацыянальнай кухні становяцца неабходнымі кампанентамі этнаграфічнага тура. Адзначаецца, што ва ўмовах нарастаючай эмацыйнай каштоўнасці падарожжа прыярытэт у развіцці этнаграфічнага турызму павінен аддавацца пабудове рэгіянальных стратэгіяў і дыферэнцыяцыі бяспечнага і інклюзіўнага этнаграфічнага турыстычнага прадукту для ўсіх катэгорый турыстаў.

Ключавыя словы: Беларусь; этнаграфічны турызм; турыстычныя паслугі; інтэрпрэтацыя; этнакультурная спадчына; экскурсавод.

ETHNOGRAPHIC TOURISM IN BELARUS: DEVELOPMENT PROBLEMS

I. V. OLUNINA^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article considers the current stage of development of ethnographic tourism in Belarus and analyses the results of a survey and interview with the representatives of the tourism industry of the Republic of Belarus. The main problematic issues in the organisation of tourist services are identified, the possible ways of its solution are characterised. Ethnographic tourism is the most important economic resource of the industry. Ethnocultural heritage of the Republic of Belarus is the basis for building local strategies for tourism development. Formation of a regional ethno-tourism product is the actual task at the current stage of development of the tourism industry in Belarus. The implementation of such a tourist product is optimal at specialised facilities: ethnographic and local history museums and complexes, agroecostates, houses of crafts. The basic components of an ethnographic tour are gastronomic, event and interactive. The leading role in the construction and promotion of the ethno-tourist product belongs to the guides. Improving the content of excursions with the use of modern technologies and the participation of tourists in folk holidays and rituals, as well as teaching traditional crafts, tasting dishes and drinks of national cuisine become essential components of an ethnographic tour. In the context of the increasing emotional value of travel, priority in the development of ethnographic tourism should be given to building regional strategies and differentiating a safe and inclusive ethno-tourism product for all categories of tourists.

Keywords: Belarus; ethnographic tourism; tourist services; interpretation; ethnocultural heritage; guide.

Введение

Приоритетом государственной программы развития туризма на 2021–2025 гг. «Беларусь гостеприимная» является внутренний туризм. Затяжное течение пандемии COVID-19 приостановило развитие туристической отрасли во всем мире. Это дало возможность переосмыслить ее основные направления на ближайшие годы. За 2021–2022 гг. в Беларуси появились новые туристические объекты, вырос интерес к путешествиям по стране, а также закрепилась

тенденция к использованию туристической дестинацией собственных ресурсов.

Каждый белорусский регион обладает уникальным этнокультурным наследием, грамотная презентация которого позволяет создавать конкурентоспособные туристические программы. Отзывы туристов свидетельствуют о том, что основной интерес сконцентрирован на ознакомлении с бытом, культурой, обычаями людей, которые живут в гар-

мении с природной средой конкретного региона. У туристов появляется возможность обогатить свои представления об окружающем мире и приобрести уникальный опыт познания традиционной культуры местного населения. Таким образом, развитие этнографического туризма в Беларуси выступает перспективным направлением.

В допандемийный период появился ряд публикаций, в которых данная проблематика была частично исследована. Так, в 2018 г. Национальным агентством по туризму было проведено маркетинговое исследование «Оценка туристического потенциала регионов Республики Беларусь: спрос, предложение, конкуренция и рыночные тенденции», третий раздел которого посвящен формированию регионального туристического продукта¹. В работе Л. М. Гайдукевича, О. С. Мозговой и Я. Кучеровой [1] охарактеризовано ресурсное обеспечение регионального развития туризма, а также структура управления туризмом на региональном уровне. В коллективной монографии [2] проанализированы принципы формирования и специфика продвижения туристического продукта, созданного на основе культурного наследия, исследован фольклорно-этнографический потенциал туристических объектов Беларуси как основа развития культурного туризма, а также особенности организации культурного туризма в сельской местности. В фокусе внимания авторов коллективной монографии [3] находится потенциал неаграрных способов развития сельских территорий. В работе подчеркивается, что этнокультурная составляющая региона слабо задействована в продвижении его туристической привлекательности, но имеет высокий потенциал для создания новых отраслей и сфер деятельности. В. А. Клицунова в исследовании [4] отмечает эффективность подходов к интерпретации культурного наследия, которые позволяют создать конкурентоспособный туристический продукт. Исследование [5] посвящено вопросам развития инфраструктуры белорусского туризма на основе культурных ландшафтов, архитектурных объектов, агроэкоусадеб, домов ремесел, фольклорного наследия. Многие аспекты туристической отрасли освещены в материалах конференций [6; 7].

А. И. Тарасёнок описывает опыт создания 17 туристических дестинаций. Были разработаны стратегии их развития и организованы туристские кластеры [8]. В исследовании [9] отмечается, что Брестская и Гродненская области обладают наиболее высоким потенциалом для их создания [9, с. 215].

За 2011–2017 гг. под общим руководством О. В. Сивогракова было разработано несколько десятков стратегий устойчивого развития для территорий районных и сельских советов. Проведенный автором

данной статьи анализ стратегий устойчивого развития территорий показал, что в данных стратегиях уделено мало внимания объектам этнокультурного наследия [10].

По мнению В. Л. Блищ, этнокультурное наследие является базой для развития этнографического туризма, который используется многими странами как ресурс экономической и культурной устойчивости [11, с. 311].

В сентябре 2021 г. Национальное агентство по туризму провело I Международную научно-практическую конференцию «Перспективы развития туризма в современных условиях: мировые тенденции и региональные контексты», которая стала попыткой оценить последствия пандемии и определить векторы развития туристической отрасли Беларуси. В материалах конференции аспекты современного этнографического туризма были косвенно затронуты в публикациях Л. М. Гайдукевича, С. В. Чувак, П. М. Сапотько и др. [12]. В сентябре 2022 г. состоялась II Международная научно-практическая конференция «Перспективы развития туризма в современных условиях: мировые тенденции и региональные контексты». Ряд докладов, в частности С. А. Демьянова, О. В. Ежель, были посвящены состоянию и потенциалу туристической инфраструктуры Беларуси [14]. Попыткой осмыслить негативные последствия пандемии COVID-19 для белорусского туристического рынка стали публикации С. А. Демьянова [13–15]. Анализ текущей ситуации в сфере туризма Беларуси представлен в коллективной монографии [16].

Большинство работ не дают исчерпывающего представления об актуальной проблематике развития этнографического туризма, что позволило сформулировать следующие гипотезы.

1. В современных условиях существует запрос на потребление регионального туристического продукта в Республике Беларусь. Туристы посещают этнографические объекты, интересуются бытом, традициями и локальными особенностями различных дестинаций страны. Оптимальной представляется реализация этнографического туристического продукта на базе специализированных объектов (этнографические и краеведческие музеи, агроэкоусады, дома ремесел и т. д.).

2. В структуре этнографического тура выделяются компоненты, пользующиеся наиболее высоким спросом среди туристов, – гастрономический, событийный, крафтовый и др. Туристов интересует этнокультурное наследие конкретной дестинации, представленное ее жителями в аутентичном варианте.

3. В презентации локального этнографического туристического продукта определяющей является роль гида. Экскурсовод должен досконально знать

¹Оценка туристического потенциала регионов Республики Беларусь: спрос, предложение, конкуренция и рыночные тенденции. Минск : Колорград, 2018. 220 с.

специализированную методику интерпретации компонентов этнокультурного наследия.

Для проверки данных гипотез были решены следующие задачи:

- определены туристические объекты в Беларуси, на которых презентация регионального этнографического туристического продукта осуществляется наиболее эффективно;
- выявлены основные компоненты этнотуризма, определены наиболее популярные туристические направления;
- охарактеризована роль экскурсовода при презентации локального этнографического туристического продукта.

На первом этапе исследования использовался метод анкетирования. Обработка, оценка и интерпретация ответов были проведены с помощью контент-анализа. Заочный групповой опрос проводился среди представителей туристической индустрии Беларуси в июне – августе 2020 г. при поддержке Республиканского союза туристической индустрии и Национального агентства по туризму. В опросе приняли участие 64 человека (20 мужчин и 44 женщины), при этом 42 респондента являлись жителями Минска, 22 респондента – жителями других белорусских регионов. Возраст опрашиваемых составлял от 22 до 70 лет. В связи с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией опрос проводился в дистанционном формате, через социальные сети *Facebook* и *ВКонтакте* и электронную почту. Кро-

ме того, опросник был размещен на сайте Национального агентства по туризму, а также на сайте Республиканского союза туристической индустрии. Подобное исследование было проведено впервые. Оно позволило выявить основные проблемы развития этнографического туризма в Беларуси.

Анкета содержала 28 вопросов. В качестве цели анкетирования было указано проведение научного исследования, при этом разъяснялись его значение и перспективы использования результатов, а также было указано, что анкетирование является анонимным. Первые два вопроса касались географических, возрастных, гендерных и профессиональных особенностей респондентов. Основная часть анкеты состояла из трех блоков. Первый блок был связан с мотивацией современного туриста, второй блок посвящен определению характеристик этнографического туризма и его региональным особенностям, третий блок нацелен на выявление проблем и сложностей при формировании современного туристического продукта и взаимодействии субъектов туристической деятельности².

Большую часть респондентов составляли гиды, экскурсоводы, руководители туристических групп (17 человек) и менеджеры туристических организаций (27 человек). Также в опросе приняли участие хозяева агроэкоусадеб (5 человек), сотрудники музеев и учреждений культуры (4), преподаватели туристических дисциплин (5), госслужащие (4), журналисты, тревел-блогеры (2 человека)³.

Основная часть

На первом этапе исследования в 2020 г. был проведен анализ анкет в целях последующей интерпретации выявленных закономерностей. Первичный контент-анализ был проведен на одном типе источников, сопоставимых по объему и структуре. Затем было проведено уточнение понятийно-категориального аппарата и выявлены проблемы на основе наиболее часто повторяющихся ответов респондентов.

В определении этнографического туризма возникают расхождения как в отечественных, так и в зарубежных публикациях. В зарубежной литературе чаще используется термин «этнотуризм». Он трактуется как специализированный вид культурного туризма, в котором основное внимание уделяется деятельности человека, а не природе и делается попытка дать представление об образе жизни местного населения. На официальном сайте Республики Беларусь также используется термин «этнотуризм»⁴. Объектами посещения указаны этнографические и краеведческие музеи, этнографические комплек-

сы, центры народного творчества, агроэкоусадеб, дома фольклора, центры традиционной культуры и быта, дома ремесел. Среди возможных активностей для туристов перечислены праздники и обряды («Колядные цари», «Женитьба Терешки»), ремесла, дегустации, а среди событийных мероприятий отмечены этнофестивали («Зов Полесья», «Мотальскія прысмакі», «Вишневый фестиваль» в Глубоком, «Жураўлі і журавіны Міёрскага краю»).

В русскоязычной литературе существуют разные трактовки этнотуризма, который принято считать частью культурного туризма. Этнотуризм часто смешивают с фольклорным, экологическим или даже аборигенным и джайлоо-туризмом. Выделяют такие виды этнотуризма, как антропологический, этнический и ностальгический, или туризм диаспоры (посещение мест рождения либо проживания предков). Основной проблемой при определении этнографического туризма является современный динамический комплекс предложений, включающих элементы различных видов туристической

²Арх. Ин-та искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы. Ф. 6. Оп. 14. Д. 261. С. 1.

³Там же. С. 1–64.

⁴Этнографический туризм в Беларуси // Официальный сайт Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belarus.by/ru/travel/ethno-tourism> (дата обращения: 12.12.2021).

деятельности [17, с. 298–299]. Следует отметить, что термины «этнотуризм», «этнографический туризм» и «этнокультурный туризм» не выступают синонимами, однако в литературе на данную тему часто используются именно в таком качестве. По мнению автора статьи, в отношении такого вида туристической деятельности на территории Беларуси наиболее уместным является использование термина «этнографический туризм».

подавляющее большинство участников опроса основным мотивом туристического путешествия по своей стране назвали возможность удовлетворить свою потребность в отдыхе и познании нового. Более трети респондентов отметили важность создания визуального впечатления от поездки в социальных сетях. Кроме того, мотивами путешествия по Беларуси, по мнению опрошенных, выступают необходимость восстановить здоровье после заболеваний и стрессов и оздоровить детей, стремление замедлить ритм жизни, а также любопытство, самоутверждение, желание разнообразить жизнь, получить впечатления. Ознакомление с бытом, культурой, традициями, обычаями людей, которые живут в гармонии с окружающей природной средой определенной туристической дестинации, выступает мотивом для 40 % респондентов⁵. При этом главной ценностью путешествия представляются погружение в традиционную народную культуру, постижение ее аутентичности и колорита.

В качестве важнейших компонентов этнографических туров участники опроса назвали быт сельского населения, обряды и праздники, национальную кухню, местную речь, а также самих жителей – носителей местной культуры. Основой подобных туров является наследие регионов Беларуси, представленное в этнографических комплексах. Среди них музейный комплекс старинных народных ремесел и технологий «Дудutki», Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта, Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций, этнокомплекс «Млын» в Заславле, музей народного творчества «Бездежский фартушок», Музей народного быта и старинных технологий в Беловежской пуще, этнокомплекс «Белорусская этнографическая деревня XIX века» в Буйничах. По мнению 60 % опрошенных, эти объекты являются центрами формирования, продвижения и реализации локального этнографического туристического продукта на современном этапе развития внутреннего туризма Беларуси.

Важными объектами этнографического туризма Беларуси в XXI в. стали агроэкоусадьбы. За последние 15 лет их количество возросло с 34 субъектов в 2006 г. до более чем 3000 субъектов в 2021 г.⁶ Такая динамика обусловлена комплексом причин: госу-

дарственной поддержкой сектора, прогрессивной нормативно-правовой базой, льготной программой кредитования «Белагропромбанка» на развитие агроэкотуризма, активностью общественных региональных советов и местных энтузиастов, международной технической помощью. Главным преимуществом усадеб, по мнению респондентов, является сегментирование видов туристических услуг для целевой аудитории (гастрономия, крафт-туризм, этнография, оздоровление, активный отдых, аграрный туризм, анимация и т. д.), что стимулирует развитие малого и среднего семейного бизнеса, более эффективное функционирование этнокомплексов, частных и государственных сельскохозяйственных парков. Туристов привлекает возможность выбирать различные направления отдыха, которые предусматривают определенную программу. В нее могут входить организация зеленых маршрутов с посещением природных территорий, приготовление и дегустация национальных блюд согласно белорусским народным традициям питания, активные туристические маршруты с использованием спортивной инфраструктуры, тематических парков и палаточных городков, знакомство с элементами регионального этнокультурного наследия.

Ответы респондентов показывают рост популярности этнокулинарных туров. Во время подобного путешествия туристы знакомятся с особенностями гастрономических традиций туристической дестинации. В процессе посещения гастрономических фестивалей и ярмарок туристы могут наблюдать за работой местных фермерских хозяйств, пекарен, сыроварен и других пищевых производств. При этом способ организации путешествия может меняться от традиционной экскурсии с дегустацией до семинаров, мастер-классов и обучения профессионалов производству и приготовлению продуктов и блюд [18, с. 329]. Белорусский этнолог, специалист в области традиций питания белорусов, доктор исторических наук, профессор Т. А. Новогородский считает, что потенциал Беларуси в данном виде туристической деятельности весьма высок [19]. С 2008 г. в д. Мотоль Ивановского района Брестской области проходит международный гастрофест «Мотальскія прысмакі», который демонстрирует богатство и разнообразие полесских блюд, а также способствует активизации интереса туристов к изучению уникальных местных традиций питания. В событийном сегменте среди респондентов наиболее популярны местные этнокультурные фестивали, такие как «Вишневый фестываль» в Глубоком, «Жураўлі і журавіны Міёрскага краю», «Зов Полесья» и др. В допандемийный период подобные мероприятия имели высокую востребованность. Именно такие мероприятия становятся

⁵Арх. Ин-та искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы. Ф. 6. Оп. 14. Д. 261. С. 1–64.

⁶Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/katalog/turizm-i-turisticheskie-resursy-v-respublike-belar/index.php> (дата обращения: 21.12.2021).

важнейшим ресурсом для производства современного этнографического туристического продукта. Базой для его реализации являются, например, туристические дестинации в деревнях Дудutki, Строчицы и Мотоль [20, с. 16].

Таким образом, среди предложений на белорусском туристическом рынке сегодня наиболее востребованы туры, связанные с традиционной белорусской культурой. Наиболее полным это знакомство может быть в кластерных этнотуристических дестинациях (например, «Муховэцька кумора»), так как предлагаемый здесь комплексный туристический продукт способствует сохранению и популяризации местного историко-культурного и природного наследия, а также может быть обеспечивает пребывание туристов, основанное на принципах устойчивого развития. По мнению 25 % респондентов, в тур можно включить этнический (ностальгический, сентиментальный) компонент, предполагающий посещение туристами мест детства или юности, могил родственников либо возвращение эмигрантов в места исторического проживания. В программу тура могут быть включены элементы ритуального (некропольного) туризма при посещении кладбищ и мест памяти. В любом случае культура и этническая принадлежность коренного населения туристической дестинации являются туристической достопримечательностью [21, с. 48–51].

Факторами развития современного этнографического туризма участники опроса считают рост предложения услуг для туристов «золотого возраста», развитие экомышления туристов, повышение качества и дифференциация услуг, предпочтение краткосрочного отдыха и туров выходного дня. Преимущества выбора этнотуристов очевидны. Это покой, уединенность, чистый воздух, природный ландшафт, сельская культура, экологичность передвижения, возможность наблюдать за животными и птицами. Экологический и этнографический виды туризма, по мнению большинства респондентов, являются наиболее перспективными в Беларуси⁷.

В качестве препятствий для развития этнографического туризма участники опроса назвали затрудненность в достижимости дестинаций, недостаточное предложение, слабую плотность услуг, низкую квалификацию кадров, сезонность, проблемы с инфраструктурой. Респонденты указали также на отсутствие региональных особенностей этнографического туристического продукта, инклюзивных предложений, несоответствие оказанной услуги ожиданиям клиентов. Представители туристической индустрии испытывают серьезные сложности при налаживании контактов с местными властями. Среди таких слож-

ностей отмечены бюрократизм, отсутствие заинтересованности в сотрудничестве. Важным аспектом является острая необходимость совершенствования законодательной базы и внедрения современных технологий в процессе продвижения этнографического туристического продукта.

Решить проблемы в туристической отрасли, по мнению участников опроса, позволят следующие условия. В первую очередь необходима поддержка инициатив представителей турбизнеса на всех уровнях. Более 20 % респондентов считают, что для государственного регулирования отрасли должна быть создана отдельная структура. Факторами успешного регионального развития туризма две трети опрошенных назвали стратегическое планирование и налаживание связей между всеми участниками процесса. Внедрение технологий, постепенное брендинг дестинаций, а также эффективный статистический учет названы залогом успешного развития туризма.

Автором исследования были учтены недостатки первого этапа: случайный отбор респондентов, непрезентабельность выборки, статистические погрешности и т. д. В силу заочной формы проведения опроса и недостаточной объективности его результатов было принято решение продолжить исследование. На его втором этапе в январе 2022 г. проведены 11 глубинных интервью с ведущими представителями белорусской туристической индустрии⁸.

В 2020–2021 гг. трансформации произошли не только в нормативно-правовой сфере (вышла новая редакция Закона Республики Беларусь «О туризме», изменились правила оказания туристических услуг, а также налогообложения субъектов агротуризма), но и в туристической отрасли в целом. Сократилось количество агроусадоб и количество туристов⁹, «просел» рынок корпоративных мероприятий. Сезон 2022 г. стал точкой отсчета для возобновления активного туризма, однако количество и формат мероприятий пока находятся в стадии роста. По оценкам многих экспертов, событийный сегмент является самым проблемным полем отрасли, так как нет устоявшегося календаря событий, организаторы подтверждают проведение мероприятия за несколько дней (групповое посещение невозможно). Кроме того, из года в год повторяются ошибки с размещением фуд-кортов, санитарных зон, наблюдаются недостаточное количество, низкое качество или высокая цена сувениров и т. д. Все это снижает интерес туристов к популярным фестивалям.

Основные акценты интервью касались объектов этнографического туризма, способов формирования и продвижения этнографического туристического продукта и перспектив развития регионального

⁷Арх. Ин-та искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы. Ф. 6. Оп. 14. Д. 261. С. 1–64.

⁸Там же. Д. 265. С. 1–50.

⁹Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/katalog/turizm-i-turisticheskie-resursy-v-respublike-belar/index.php> (дата обращения: 21.12.2021).

этнотуризма. Запрос на этнографический туристический продукт наблюдается среди небольшого количества образованных, в некотором смысле искушенных, элитарных туристов, которые готовы максимально подробно ознакомиться с особенностями региональной традиционной культуры. Таким туристам необходимо обеспечить доступное и целостное восприятие культурного ландшафта дестинации как единого природно-культурного комплекса. В этнографическом туре следует применять дифференцированный подход. Многокомпонентная структура этнографического туристического продукта должна быть построена с учетом личного опыта туриста, а новые знания должны быть презентованы доступно и эстетично, в развлекательном формате. В. А. Клицунова считает сформированными подобные программы в скансене «Дудутки» и экомузее «Мир пчел». В качестве образца этнографического тура она отметила программу Л. Н. Бычко в д. Стойлы Брестской области¹⁰. Многие эксперты ведущими назвали музеи в деревнях Дудутки и Строчицы, парк-музей интерактивной истории «Сула». Большинство голосов интервьюируемых (из 11 опрошенных на это указали 9 человек) были отданы за туры в деревни Мотоль и Бездеж.

Базовыми компонентами этнотура, по мнению подавляющего большинства интервьюируемых (из 11 респондентов это отметили 10 человек), являются гастрономический, событийный и интерактивный. Интерактивный компонент включает организацию мастер-классов по народным технологиям и ремеслам, а также музыкальную программу (песни, танцы, анимационные, театральные и музыкальные элементы). В идеальном этнотуре эксперты отрасли видят возможность наблюдать за носите-

лями изучаемой культуры и участвовать в их повседневных действиях. Основную ответственность за презентацию этнокультурного наследия несет гид, сопровождающий группу. По мнению председателя Белорусского общества экскурсоводов и гидов-переводчиков С. И. Бусько, экскурсовод должен ознакомить группу с программой тура, а для этого он должен хорошо знать туристический продукт¹¹. Именно гид определяет интересы туриста (группы туристов) и выбирает оптимальные методы и техники интерпретации этнокультурного наследия для него (них). При этом желательны аналогии с современной жизнью. Для успешного формирования этнографического туристического продукта необходима консолидация усилий местных экскурсоводов, этнологов, музееведов, искусствоведов, историков, краеведов, маркетологов, ивенторов и других специалистов. Организаторам туров следует избегать коммерциализации, а также популяризации программ за счет упрощения этнографических элементов национальной культуры.

Результаты опроса показали, что в туристической сфере Беларуси есть следующие проблемы: отсутствие подробного SWOT-анализа этнокультурных ресурсов региона, недостаточная инфраструктура, несформированность либо неотлаженная работа механизмов государственно-частного партнерства. Профессионалы отрасли также указали на необходимость инклюзивного подхода при организации экотуров. Отсутствие системности регионального планирования и целенаправленного построения локальных стратегий развития туризма, формирования и продвижения территориального бренда не позволяет максимально и эффективно охватить целевую аудиторию.

Заключение

Таким образом, на основе опроса потенциальных туристов и интервьюирования представителей туристической индустрии проанализирован современный этап развития белорусского этнографического туризма, выявлены основные проблемы в данной сфере и возможные способы их решения, предлагаемые практиками отрасли. Исследование показало существующий запрос туристов на потребление регионального этнотурпродукта в Республике Беларусь. В качестве ведущих объектов на этапе анкетирования были определены Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта, музейный комплекс старинных народных ремесел и технологий «Дудутки», Ветковский музей старобрядачества и белорусских традиций, этнокомплекс «Млын» в Заславле, музей народного творчества «Бездежский фартушок», Музей народного быта и старинных технологий в Беловежской пуще, эт-

нокомплекс «Белорусская этнографическая деревня XIX века» в Буйничах и др., в глубинных интервью в Мотольский краеведческий музей и музей народного творчества «Бездежский фартушок» были названы ведущими туристическими объектами. Это позволяет сделать вывод о том, что реализация этнографического туристического продукта является максимально эффективной на специализированных объектах.

Также были выявлены компоненты этнографического тура, пользующиеся наибольшим спросом у туристов, – гастрономический, событийный, крафтовый и др. При этом основное внимание туристов привлекает этнокультурное наследие конкретной дестинации, представленное ее жителями в аутентичном варианте. Кроме того, комплексная презентация этнокультурного наследия должна быть актуальной, интерактивной, оригинальной и доступной

¹⁰Арх. Ин-та искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы. Ф. 6. Оп. 14. Д. 265. С. 35.

¹¹Там же. С. 10.

для всех категорий туристов, что может обеспечить только опытный гид. Профессиональный экскурсовод, обладающий навыками корректной интерпретации этнокультурного наследия, оптимально сочетает необходимые компоненты этнографического туристического продукта и обеспечивает их эффективную подачу.

В условиях эпидемиологической нестабильности расширение интерактивных экскурсионных программ путем увеличения актуализации этнографических туров является ведущим фактором развития внутреннего туризма в Республике Беларусь. Совершенствование содержания экскурсий с при-

менением современных технологий и участие туристов в народных праздниках и обрядах, их обучение традиционным ремеслам и промыслам, а также дегустация блюд и напитков национальной кухни становятся необходимыми компонентами этнографического тура. Преодоление проблем с кадрами, инфраструктурой, ограниченным предложением услуг должно иметь комплексное решение. В условиях возрастающей эмоциональной ценности путешествия приоритет в развитии этнографического туризма должен отдаваться региональным стратегиям и дифференциации безопасного и инклюзивного этнотуристического продукта.

Библиографические ссылки

1. Гайдукевич ЛМ, Мозговая ОС, Кучерова Я. *Региональное планирование развития туризма*. Минск: БГЭУ; 2010. 286 с.
2. Гайдукевич ЛМ, Решетников ДГ, Хухлындина ЛМ, Боровко МВ, Клицунова ВА, Борисенко НМ. *Культурно-историческое и природное наследие Беларуси: теория и практика использования в туризме*. Минск: Четыре четверти; 2013. 348 с.
3. Вярцінская ТС, Каштэлян ІС, Пахоменка АМ, Пчолкіна ОС, Хансэн І, Шпакоўская НГ і інш. *Гісторыя і культура ў сельскім развіцці = История и культура в сельском развитии*. Малініна ММ, рэдактар. Мінск: Прапілеі; 2014. 200 с.
4. Клицунова ВА. *Интерпретация наследия в туризме. Новые подходы в эпоху экономики впечатлений*. 2-е издание. Минск: Четыре четверти; 2021. 220 с.
5. Локотко АИ. *Маршруты белорусского туризма: историко-культурные ландшафты Беларуси*. Минск: Беларуская навука; 2018. 319 с.
6. Новгородский ТА, Олюнина ИВ, редакторы. *Современная туристическая индустрия: актуальные проблемы и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции; 24–25 мая 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. 162 с.
7. Гайдукевич ЛМ, Давыденко ЛН, Решетникова АН, редакторы. *Современные тенденции развития международного туризма в мире и Республике Беларусь в условиях глобализации: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию основания кафедры международного туризма факультета международных отношений Белорусского государственного университета; 12 октября 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. 291 с.
8. Тарасёнок АИ. Эффекты стратегического планирования развития дестинаций экологического туризма (на примере Брестской и Гродненской областей). *Вестнік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 5. Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія*. 2016;1:77–83.
9. Тарасёнок АИ, Дедок ВМ, Малеронок ВМ. Элементы новой экономики в сфере туризма: кластеры и информационные технологии. *Новая экономика*. 2020;75(1):212–219.
10. Олюнина ИВ. Стратегия устойчивого развития территории как основа концепции развития этнографического туризма Беларуси. В: Локотка АИ, рэдактар. *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Выпуск 32*. Мінск: Права і эканоміка; 2022. с. 544–551.
11. Кириенко ЕГ, Решетников ДГ, Тарасёнок АИ, Сасим ЛВ, Блищ ВЛ, Гончарук НА и др. *Конкурентоспособность туристического комплекса Республики Беларусь: современные тенденции и вызовы*. Кириенко ЕГ, Решетников ДГ, редакторы. Минск: Ковчег; 2018. 400 с.
12. Портной МП, редактор. *Материалы I Международной научно-практической конференции «Перспективы развития туризма в современных условиях: мировые тенденции и региональные контексты»; 28 сентября 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: А. Н. Варахсин; 2021. 412 с.
13. Демьянов С. Негативные последствия COVID-19 для белорусского туризма. В: Воронович И, редактор. *Материалы II Международной научно-практической конференции «Перспективы развития туризма в современных условиях: мировые тенденции и региональные контексты»; 28 сентября 2022 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Колорград; 2022. 208–212 с.
14. Демьянов С. Негативные последствия пандемии COVID-19 для белорусского туристического рынка. *Туризм и гостеприимство*. 2020;2:64–69.
15. Демьянов С. Туристический рынок Республики Беларусь – 2021: вызовы и проблемы. *Туризм и гостеприимство*. 2021;1:3–8.
16. Гулый ФА, Данильчук ДИ, Ильин ОИ, Филиппов АА. *Белорусский туризм в условиях глобальной эпидемиологической угрозы: анализ ситуации и пути восстановления отрасли*. Минск: ИВЦ Минфина; 2021. 188 с.
17. Олюнина ИВ. Роль этнографического туризма в функционировании туристической дестинации. В: Локотка АИ, рэдактар. *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Выпуск 25*. Мінск: Права і эканоміка; 2018. с. 298–304.
18. Тарасёнок АИ, Мозговая ОС, Гайдукевич ЛМ, Чернозипунников ИН, Хомич СА, Аношко ЯИ и др. *Стратегия устойчивого развития экологического туризма в Беларуси*. Гайдукевич ЛМ, Хомич СА, редакторы. Минск: БГУ; 2008. 351 с.
19. Наваградскі ТА. *Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX–XX стст.* Мінск: БДУ; 2015. 243 с.
20. Тарасёнок АИ, Кабушкин НИ, Горбылева ЗМ, Баранова ТЕ, Траскевич АГ. *Инновационные инструменты продвижения туристических услуг Республики Беларусь*. Минск: БГЭУ; 2011. 254 с.
21. Олюнина ИВ. *Виды туристической деятельности в Республике Беларусь*. Минск: БГУ, 2021. 105 с. 1 CD-ROM: 4,33 Мб.

References

- Gaidukevich LM, Mozgovaya OS, Kucherova Ya. *Regional'noe planirovanie razvitiya turizma* [Regional tourism development planning]. Minsk: Belarus State Economic University; 2010. 286 p. Russian.
- Gaidukevich LM, Reshetnikov DG, Khukhlyndina LM, Borovko MV, Klitsunova VA, Borisenko NM. *Kul'turno-istoricheskoe i prirodnoe nasledie Belarusi: teoriya i praktika ispol'zovaniya v turizme* [Cultural, historical and natural heritage of Belarus: theory and practice of use in tourism]. Minsk: Chetyre chetverti; 2013. 348 p. Russian.
- Vjarcinskaja TS, Kashtieljan IS, Pahomenka AM, Pcholkina OS, Hansjen I, Shpakovskaja NG, et al. [History and culture in rural development]. Malinina MM, editor. Minsk: Prapilei; 2014. 200 p. Belarusian, Russian.
- Klitsunova VA. *Interpretatsiya naslediya v turizme. Novye podkhody v epokhu ekonomiki vpechatlenii* [Interpretation of heritage in tourism. New approaches in the era of the experience economy]. 2nd edition. Minsk: Chetyre chetverti; 2021. 220 p. Russian.
- Lokotko AI. *Marshruty belorusskogo turizma: istoriko-kul'turnye landshafty Belarusi* [Routes of Belarusian tourism: historical and cultural landscapes of Belarus]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2018. 319 p. Russian.
- Novogrodskii TA, Olunina IV, editors. *Sovremennaya turistskaya industriya: aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 24–25 maya 2018 g.; Minsk, Belarus'* [Modern tourism industry: current problems and development prospects: materials of the International scientific and practical conference; 2018 May 24–25; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. 162 p. Russian.
- Gaidukevich LM, Davydenko LN, Reshetnikova AN, editors. *Sovremennye tendentsii razvitiya mezhdunarodnogo turizma v mire i Respublike Belarus' v usloviyakh globalizatsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 20-letiyu osnovaniya kafedry mezhdunarodnogo turizma fakul'teta mezhdunarodnykh otnoshenii Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta; 12 oktyabrya 2018 g.; Minsk, Belarus'* [Current trends in the development of international tourism in the world and the Republic of Belarus in the context of globalisation: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the founding of the department of international tourism of the faculty of international relations of the Belarusian State University; 2018 October 12; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. 291 p. Russian.
- Tarasionak AI. The effects of ecotourism destinations' strategic planning (case of Brest and Grodno regions). *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 5: Economics. Sociology. Biology.* 2016;1:77–83. Russian.
- Tarasionak AI, Dedok VM, Maleronok VM. [Elements of the new economy in the field of tourism: clusters and information technologies]. *Novaya ekonomika.* 2020;75(1):212–219. Russian.
- Olunina IV. The strategy of sustainable development of the territory as a basis for the concept of development of ethnographic tourism in Belarus. In: Lakotka AI, editor. *Pytanni mastactvaznavstva, jetnologii i fal'klarystyki. Vypusk 32* [Trials of craftsmanship, ethnology and folklore. Issue 32]. Minsk: Prava i ekanomika; 2022. p. 544–551. Russian.
- Kiriyenko EG, Reshetnikov DG, Tarasionak AI, Sasim LV, Blishch VL, Goncharuk NA, et al. *Konkurentosposobnost' turistskogo kompleksa Respubliki Belarus': sovremennye tendentsii i vyzovy* [Competitiveness of the tourist complex of the Republic of Belarus: current trends and challenges]. Kiriyenko EG, Reshetnikov DG, editors. Minsk: Kovcheg; 2018. 400 p. Russian.
- Portnoi MP, editor. *Materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Perspektivy razvitiya turizma v sovremennykh usloviyakh: mirovye tendentsii i regional'nye konteksty»; 28 sentyabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Materials of the 1st International scientific and practical conference «Prospects for the development of tourism in modern conditions: global trends and regional contexts»; 2021 September 28; Minsk, Belarus]. Minsk: A. N. Varaksin; 2021. 412 p. Russian.
- Demyanov S. [Negative impact of the COVID-19 on the Belarusian tourism]. In: Voronovich I, editor. *Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Perspektivy razvitiya turizma v sovremennykh usloviyakh: mirovye tendentsii i regional'nye konteksty»; 28 sentyabrya 2022 g.; Minsk, Belarus'* [Materials of the 2nd International scientific and practical conference «Prospects for the development of tourism in modern conditions: global trends and regional contexts»]. Minsk: Kolorgrad; 2022. 208–212 p. Russian.
- Demyanov S. Negative impact of the COVID-19 pandemic on the Belarusian tourism market. *Turizm i gostepriimstvo.* 2020;2:64–69. Russian.
- Demyanov S. Tourist market of the Republic of Belarus – 2021: challenges and problems. *Turizm i gostepriimstvo.* 2021;1:3–8. Russian.
- Gulyi FA, Danil'chuk DI, Il'in OI, Philippov AA. *Belorusskii turizm v usloviyakh global'noi epidemiologicheskoi ugrozy: analiz situatsii i puti vosstanovleniya otrasli* [Belarusian tourism in the context of a global epidemiological threat: analysis of the situation and ways to restore the industry]. Minsk: Information Center of the Ministry of Finance; 2021. 188 p. Russian.
- Olunina IV. [The role of ethnographic tourism in the functioning of a tourist destination]. In: Lakotka AI, editor. *Pytanni mastactvaznavstva, jetnologii i fal'klarystyki. Vypusk 25* [Trials of craftsmanship, ethnology and folklore. Issue 25]. Minsk: Prava i ekanomika; 2018. p. 298–304. Russian.
- Tarasionak AI, Mozgovaya OS, Gaidukevich LM, Chernozipunnikov IN, Khomich SA, Anoshko YaI, et al. *Strategiya us-toichivogo razvitiya ekologicheskogo turizma v Belarusi* [Strategy for sustainable development of ecological tourism in Belarus]. Gaidukevich LM, Khomich SA, editors. Minsk: Belarusian State University; 2008. 351 p. Russian.
- Navagrodskii TA. *Jevaljucyja tradycyj harchavannja belarusaw u XIX–XX stst.* [Evolution of the traditional food for Belarusians at the 19th–20th centuries]. Minsk: Belarusian State University; 2015. 243 p. Belarusian.
- Tarasionak AI, Kabushkin NI, Gorbyleva ZM, Baranova TE, Traskevich AG. *Innovatsionnye instrumenty prodvizheniya turistskikh uslug Respubliki Belarus'* [Innovative tools for promoting tourism services in the Republic of Belarus]. Minsk: Belarus State Economic University; 2011. 254 p. Russian.
- Olunina IV. *Vidy turistskikh deyatelnosti v Respublike Belarus'* [Types of tourism activities in the Republic of Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. 105 p. 1 CD-ROM: 4,33 Mb. Russian.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

SCIENTIFIC EVENTS

**НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАФЕДРЫ АРХЕОЛОГИИ И СПЕЦИАЛЬНЫХ
ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 2022 г.**

**НАВУКОВЫЯ МЕРАПРЫЕМСТВЫ КАФЕДРЫ АРХЕАЛОГІІ
І СПЕЦЫЯЛЬНЫХ ГІСТАРЫЧНЫХ ДЫСЦЫПЛІН ГІСТАРЫЧНАГА
ФАКУЛЬТЭТА БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА Ў 2022 г.**

**SCIENTIFIC EVENTS AT THE DEPARTMENT OF ARCHAEOLOGY
AND SPECIAL HISTORICAL DISCIPLINES OF THE FACULTY OF HISTORY
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY IN 2022**

Кафедра археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта арганізавала два навуковыя мерапрыемствы ў 2022 г.

Міжнародная навуковая канферэнцыя «Археалогія Беларусі і сумежных тэрыторый: людзі і рэчы» на гістарычным факультэце вядучага ўніверсітэта краіны адбылася 5–7 кастрычніка 2022 г. У пленарным і секцыйным пасяджэннях прынялі ўдзел каля 80 прадстаўнікоў айчынных і замежных навуковых, адукацыйных і музейных устаноў. Сярод іх супрацоўнікі і аспіранты БДУ, Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай, Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы, Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Аркадзя Куляшова, Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь, Гомельскага палацава-паркавага ансамбля, Інстытута археалогіі Расійскай акадэміі навук, Дзяржаўнага Эрмітажа (Расія) і інш. Для маладых даследчыкаў, якія толькі пачынаюць свой шлях у навуцы, была арганізавана асобная студэнцкая секцыя. Канферэнцыя праходзіла ў вочным фармаце, аднак была прадугледжана магчымасць і дыстанцыйнага ўдзелу пры дапамозе платформы *Skype for business*.

Праца канферэнцыі пачалася з прывітальнага слова дэкана гістарычнага факультэта доктара гістарычных навук, прафесара А. Г. Кахановіча. Ён ахарактарызаваў апошнія дасягненні ўніверсітэцкай археалогіі, акрэсліў яе задачы і перспектывы. На пленарным пасяджэнні прагучалі даклады, якія асвятлялі вынікі грунтоўных даследаванняў помнікаў каменнага – бронзавага вякоў на поўдні Беларусі (А. Г. Калечыц, М. М. Крывальцэвіч), а таксама раскрывалі малавядомыя старонкі гісторыі беларускай археалогіі XX ст. (А. У. Вайтовіч, В. І. Шадыра).

Ранішняе секцыйнае пасяджэнне першага дня канферэнцыі было прысвечана археалогіі каменнага і бронзавага вякоў. Былі заслуханы разнапланавыя даклады, якія ўводзілі ў навуковы абарот новыя даныя па актуальных праблемах першабытнай археалогіі. К. А. Барысевіч прадставіла агляд неалітычных матэрыялаў Паўночнага Прыільмення і Верхняга Паволхаўя. А. М. Вашанаў прапанаваў альтэрнатыўны падыход да вылучэння кудлаеўскай культуры. М. І. Ткачова азнаёміла слухачоў з сучасным станам даследавання праблемы паходжаньня керамікі на тэрыторыі Беларускага Пасожжа. Цікавасць удзельнікаў выклікаў калектыўны даклад Д. І. Цвіркі, М. М. Крывальцэвіча, П. Кіцеля

і Т. В. Якубоўскай, прысвечаны палеаэкалагічным умовам функцыянавання супольнасцей неаліту – бронзавага веку на тэрыторыі помніка Какорыца-4 у Заходнім Палессі.

Тэматыка другой секцыі ахоплівала шырокае кола пытанняў па вывучэнні археалагічных артэ-фактаў. А. А. Чубур прааналізаваў праблему ідэнтыфікацыі і інтэрпрэтацыі картападобных артэ-фактаў палеалітычнага часу з тэрыторыі Верхняга Падняпроўя. К. А. Кашына і М. М. Чарняўскі ў сваім сумесным дакладзе агучылі асноўныя вынікі даследавання антрапаморфных выяў на кераміцы перыяду неаліту – бронзавага веку лясной зоны Паўночна-Усходняй Еўропы. Даследчыкі разгледзелі як змест і стылістыку выяў, так і асаблівасці тэхнікі, у якой былі выкананы творы першабытнага мастацтва. Два выступленні былі прысвечаны метадыцы вывучэння старажытных прылад працы і зброі. С. С. Велент-Шчэрбач раскрыла асобныя аспекты трасалагічнага аналізу крамянёвых пласцін з помнікаў Верхняга Панямоння. С. Б. Ліневіч акрэсліў праблему апісання марфалогіі каменных свідраваных сякер. Асобны блок дакладаў прадэманстраваў напрацоўкі даследчыкаў у галіне аналізу артэ-фактаў пазнейшых эпох. М. А. Дорах засяродзіўся на магчымасцях прымянення гісторыка-культурнага падыходу да вывучэння марфалогіі керамічнага посуду з гродзенскага Старога замка. У цэнтры ўвагі К. А. Кухаравай знаходзілася гістарыяграфія вывучэння шклянных бранзалетаў старажытнаруускага часу. Паведамленне М. В. Клімава закранала праблему выкарыстання археалагічных знаходак у якасці гістарычнай крыніцы. Разглядаючы парахаўніцу з крэпасці Сокал, даследчык не абмежаваўся апісаннем умоў выяўлення знаходкі і рэканструкцыяй яе першапачатковага знешняга выгляду, але прапанаваў сваю трактоўку падзей 1579 г., у выніку якіх каштоўны прадмет мог быць страчаны. З грунтоўным дакладам, прысвечаным пытанням ідэнтыфікацыі і атрыбуцыі артэ-фактаў Навейшага часу, выступіў В. І. Кошман.

Ранішняе секцыйнае пасяджэнне другога дня канферэнцыі было прысвечана археалогіі Сярэднявекі і постсярэднявекі. У шэрагу дакладаў былі рэзюміраваны вынікі даследаванняў пахаванняў і асобных катэгорый пахавальнага інвентару VIII–XI стст. В. М. Тарасевіч прапанавала рэканструкцыю жаночага ювелірнага ўбору з грунтовага некропаля Наўры ІІ. П. С. Курловіч распавяла аб асноўных аспектах вывучэння кургана № 1 курганнай групы № 2 археалагічнага комплексу Рэчкі. А. В. Вайцяховіч зрабіў даклад аб курганных старажытнасцях вярхоўяў Бярэзіны (Дняпроўскай). В. А. Дрэвіла прааналізавала матэрыялы могільніка Каласы, атрыманыя экспедыцыяй БДУ ў 1984 г. В. А. Макоўская прадставіла новыя звесткі аб курганым могільніку Камена-1. Пахаванні позняга Сярэднявекі – ранняга Новага часу з храмаў Паўночнай Беларусі разгледзеў В. У. Чараўко. Вялікую цікавасць у прысутных выклікаў даклад В. С. Крумплеўскага аб вопыце стварэння фармалізаванай базы прымет пахавальнага абраду. Падчас

пасяджэння былі заслуханы і абмеркаваны паведамленні аб магчымасці распрацоўкі мадэлей кавальскай вытворчасці ў Полацкім і Рязанскім княствах (У. І. Заўялаў, Н. М. Церахава) і аб арганізацыі сістэм водазабеспячэння ў гарадах Беларусі XI–XVII стст. (Л. У. Калядзінскі). Не засталася па-за ўвагай удзельнікаў канферэнцыі і праблематыка гісторыі навукі. В. В. Бегунова распавяла аб унёску В. Р. Тарасенкі ў археалагічнае вывучэнне Смаленшчыны ў 1920-я гг.

Вячэрняя секцыя была прысвечана археалогіі жалезнага веку. Два выступленні закраналі пытанні вывучэння гарадзішчаў. М. І. Лашанкоў разгледзеў знаходкі ранняга жалезнага веку з Банцараўскага гарадзішча, Т. С. Бубенька прадставіла вынікі даследаванняў найбольш старажытных умацаваных паселішчаў Віцебскага Падзвіння. Праблемы рэстаўрацыі і кансервацыі знаходак абмяркоўваліся ў калектыўным дакладзе, агучаным Л. С. Варацінскай і А. І. Драбушэўскім. Даследчыкі падзяліліся вопытам захавання і экспанавання археалагічных знаходак з зарубінецкага могільніка Гарошкаў.

Некалькі дакладаў былі падрыхтаваны па выніках вывучэння асобных катэгорый рэчаў ранняга жалезнага веку і рымскага часу. А. Д. Сахончык і Д. І. Ліндзянкоў распавялі аб скарбе жалезнага веку, які быў выяўлены каля вёскі Першамайск у Лоеўскім раёне. Г. М. Бяліцкая прадставіла рэчавыя знаходкі перыяду рымскіх уплываў з басейна ніжняй плыні Гарыні. Н. М. Дубіцкая прааналізавала вырабы з гліны, знойдзеныя на помніках культуры Абідня. У. А. Лучшава прадэманстравала магчымасці і абмежаванні выкарыстання шыйных упрыгожанняў вельбарскай культуры ў якасці маркера культурных сувязей насельніцтва.

У апошні дзень працы канферэнцыі адбылося пасяджэнне студэнцкай секцыі. Тэматыка дакладаў маладых даследчыкаў была вельмі шырокай. Выступоўцы разгледзелі гісторыю вывучэння шэрагу помнікаў і археалагічных культур (Д. А. Атрохаў, К. А. Рогач, Я. А. Сілуянаў), вызначылі сучасны стан даследавання асобных катэгорый прадметаў, што датуюцца жалезным векам (М. П. Семіжон), Сярэднявекі (В. А. Есіс) і Новым часам (П. Г. Вацура, Д. М. Ісакава).

Падводзячы вынікі канферэнцыі, удзельнікі высока ацанілі праслуханыя даклады. Было адзначана, што навуковае мерапрыемства аб'яднала прадстаўнікоў розных даследчых школ і напрамкаў. Плён такога супрацоўніцтва дазваляе разлічваць на далейшае паспяховае ўкараненне новых метадаў і тэхналогій у беларускую археалагічную навуку. Высокую ацэнку атрымала практыка арганізацыі адмысловай дыскусійнай пляцоўкі для студэнтаў. Перспектыва канструктыўнага абмеркавання напрацовак на навуковым форуме павінна заахочваць моладзь да самастойнай даследчай дзейнасці.

На гістарычным факультэце БДУ 2 снежня 2022 г. быў праведзены Рэспубліканскі круглы стол памяці доктара гістарычных навук, прафесара Аляксандра Андрэевіча Егарэйчанкі – вядомага навукоўцы, які на працягу амаль чвэрці стагоддзя ўзначальваў

кафедру археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта БДУ.

У мерапрыемстве прынялі ўдзел супрацоўнікі БДУ, Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі і іншых навуковых устаноў. На пасяджэнні быў заслуханы шэраг дакладаў, прысвечаных розным аспектам творчага шляху А. А. Егарэйчанкі.

Цікавасць удзельнікаў выклікалі выступленні Ю. П. Латушковай і М. В. Клімава. Выпускнікі гістарычнага факультэта БДУ падзяліліся з прысутнымі сваімі ўспамінамі аб студэнцкіх археалагічных практыках, якія праходзілі пад кіраўніцтвам А. А. Егарэйчанкі ў 1990-я гг. У той час навуковец праводзіў даследаванні гарадзішчаў жалезнага веку на тэрыторыі Цэнтральнай і Паўночнай Беларусі. Яго экспедыцыі станавіліся сапраўдным выпрабаваннем для многіх першакурснікаў. Лагер размяшчаўся за 5 км ад раскопак, начаваць даводзілася ў вясковых школах і брызентавых намётах, а жыццё было падпарадкавана суроваму распарадку, выкананне якога надзвычай жорстка пільнаваў Аляксандр Андрэевіч. Абодва дакладчыкі з удзячнасцю ўзгадалі своеасаблівы падыход даследчыка да падрыхтоўкі лабарантаў: ён ставіў перад студэнтамі складаныя задачы і дабіваўся амаль бездакорнага іх рашэння, пры гэтым сам стараўся не даваць парад і падказак.

А. У. Любы закрануў важныя тэмы фарміравання нацыянальнага гістарычнага наратыву і ролі археалагаў у падрыхтоўцы ўніверсітэцкіх дапаможнікаў па гісторыі Беларусі. Выступоўца вылучыў два пакаленні вучэбнай літаратуры, прысвечанай старажытнаму перыяду гісторыі нашай краіны. Першае пакаленне падручнікаў (нацыяцэнтрычнае) убачыла свет у 1990-я гг. Наступны этап асэнсавання мінулага, звязаны з выкладаннем гісторыі Беларусі ў еўрапейскім ці сусветным кантэксце (так званы цывілізацыйны падыход), распачаўся ўжо ў новым тысячагоддзі. У гэты час выходзяць падручнікі другога пакалення. Дакладчык адзначыў, што ў канцы 2000-х гг. да працы па напісанні падручнікаў для вышэйшай школы далучыўся А. А. Егарэйчанка. Вядомы археолог лічыў неабходным разглядаць ва ўніверсітэцкім курсе такія пытанні, як этнічная прыналежнасць супольнасцей жалезнага веку, кантакты старажытных груп насельніцтва і інш.

Асобны блок дакладаў уключаў разгляд праблем, якія ўваходзілі ў кола навуковых інтарэсаў А. А. Егарэйчанкі, аўтарытэтнага спецыяліста ў галіне археалогіі позняга бронзавага і жалезнага вякоў Беларусі. М. М. Крывальцэвіч азнаёміў слухачоў з сучасным станам і перспектывамі вывучэння позняга перыяду эпохі бронзы ва Усходнім Палессі. А. Д. Сахончык акрэсліў ключавыя напрамкі даследавання помнікаў позняга бронзавага і ранняга жалезнага вякоў з Цэнтральнай і Паўночнай Беларусі. В. І. Шадыра прысвяціў сваё выступленне Браслаўскаму Паазер'ю як памежнай зоне культур ранняга жалезнага веку. С. Б. Ліневіч прадставіў вынікі тыпалагічнага і культурна-храналагічнага аналізу каменнага арнаментаванага молата з калекцыі Столінскага раённага краязнаўчага музея.

Дакладчыкі, аддаючы даніну павягі ўнёску А. А. Егарэйчанкі ў вывучэнне археалогіі Беларусі, сфармулявалі найбольш актуальныя праблемы, якія сёння стаяць перад беларускай навуковай супольнасцю. Надзённымі задачамі з'яўляюцца пашырэнне крыніцзнаўчай базы і ўдасканаленне метадалагічнага апарату даследавання. Спецыялістам неабходна скіраваць увагу на распрацоўку мікра-рэгіянальных перыядызацыйных схем і дэтальны таксанамічны падзел матэрыялаў. У прырытэце павінны знаходзіцца міждысцыплінарныя праекты.

Падчас працы круглага стала на гістарычным факультэце БДУ дзейнічала выстава асноўных публікацый А. А. Егарэйчанкі, арганізаваная супрацоўнікамі Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Па выніках выстаўкі спецыялістамі бібліятэкі быў падрыхтаваны буклет біябібліяграфічнага характару¹.

Такім чынам, навуковыя мерапрыемствы, праведзеныя кафедрай археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта БДУ восенню – зімой 2022 г., выклікалі шырокі рэзананс сярод даследчыкаў. Па аднадушным меркаванні ўдзельнікаў, і канферэнцыя, і круглы стол прайшлі на высокім узроўні. Запланаваная публікацыя зборніка дакладаў стане важнай падзеяй у навуковым жыцці Беларусі.

А. У. Вайтовіч², П. С. Курловіч³

¹Памяці вучонага А. А. Егарэйчанкі [Электронны рэсурс]. URL: <https://csl.bas-net.by/pdf/2022/12/egareychanka-buklet.pdf> (дата звароту: 10.12.2022).

²Александра Владимировна Вайтович – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета.

Аляксандра Уладзіміраўна Вайтовіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Aliaksandra V. Vaitovich, PhD (history), docent; associate professor at the department of archaeology and special historical disciplines, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: vaitovich.aliaksandra@gmail.com

³Полина Сергеевна Курлович – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета.

Паліна Сяргеёўна Курловіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; загадчык кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Palina S. Kurlovich, PhD (history), docent; head of the department of archaeology and special historical disciplines, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: kurlovichp@bsu.by

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

<i>Лисовская Т. В.</i> Дискурс-анализ в изучении конфессиональной истории: теория и практика.....	5
---	---

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Кметова М., Сырны М.</i> Внешняя политика Польши накануне четвертого раздела: между нацистской Германией и Советским Союзом (1938–1939).....	19
<i>Горохов С. А., Дмитриев Р. В., Захаров И. А.</i> Историческая география религиозной конкуренции в Индии в XX – начале XXI в.	28
<i>Мацель В. М.</i> Внешнеполитическая стратегия КНР эпохи Си Цзиньпина	38
<i>Саватеева Д. В.</i> Трансформация системы социального страхования населения в Федеративной Республике Германии под влиянием вызовов XXI в.....	50
<i>Садаков Д. А.</i> Разработка ответных мер США на попытки КНДР вести гибридную войну в 1966–1976 гг.	58

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Рябчевский Н. Г., Гурьянов В. Н.</i> Постройки киевской культуры на поселении Хотылёво-2: раскопки 2019–2020 гг.	69
--	----

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Солопов А. П.</i> Табачная реклама как источник изучения повседневности русских городов на рубеже XIX–XX вв.	82
--	----

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Олюнина И. В.</i> Этнографический туризм в Беларуси: проблемы развития.....	93
--	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Вайтович А. В., Курлович П. С.</i> Научные мероприятия кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета в 2022 г.....	102
---	-----

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Лісоўская Т. В.</i> Дыскурс-аналіз у вывучэнні канфесійнай гісторыі: тэорыя і практыка	5
---	---

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Кметава М., Сырны М.</i> Знешняя палітыка Польшчы напярэдадні чацвёртага падзелу: паміж нацысцкай Германіяй і Савецкім Саюзам (1938–1939)	19
<i>Гарохаў С. А., Дзмітрыеў Р. В., Захараў І. А.</i> Гістарычная геаграфія рэлігійнай канкурэнцыі ў Індыі ў XX – пачатку XXI ст.	28
<i>Мацэль В. М.</i> Знешнепалітычная стратэгія КНР эпохі Сі Цзіньпіна	38
<i>Савацеева Д. У.</i> Трансфармацыя сістэмы сацыяльнага страхавання насельніцтва ў Федэратыўнай Рэспубліцы Германіі пад уплывам выклікаў XXI ст.	50
<i>Садакоў Д. А.</i> Распрацоўка мер ЗША ў адказ на спробы КНДР весці гібрыдную вайну ў 1966–1976 гг.	58

АРХЕАЛОГІЯ

<i>Рабчэўскі М. Г., Гур’янаў В. М.</i> Пабудовы кіеўскай культуры на паселішчы Хатылёва-2 раскопак 2019–2020 гг.	69
---	----

КРЫНІЦАЗНАЎСТВА

<i>Соланаў А. П.</i> Тытунёвая рэклама як крыніца вывучэння штодзённасці рускіх гарадоў на мяжы XIX–XX стст.	82
---	----

ЭТНАЛОГІЯ

<i>Алюніна І. У.</i> Этнаграфічны турызм у Беларусі: праблемы развіцця	93
--	----

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

<i>Вайтовіч А. У., Курловіч П. С.</i> Навуковыя мерапрыемствы кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 2022 г.	102
--	-----

CONTENTS

BELARUSIAN HISTORY

<i>Lisouskaya T. V.</i> Discourse analysis in the study of confessional history: theory and practice	5
--	---

WORLD HISTORY

<i>Kmeťová M., Syrný M.</i> Polish foreign policy on the eve of the 4 th division: between nazi Germany and the Soviet Union (1938–1939)	19
<i>Gorokhov S. A., Dmitriev R. V., Zakharov I. A.</i> Historical geography of religious competition in India in the 20 th – early 21 st century	28
<i>Matsel V. M.</i> Foreign policy strategy of the People’s Republic of China in the era of Xi Jinping	38
<i>Savatseyeva D. V.</i> Transformation of social insurance system of the population in the Federal Republic of Germany under the influence of the challenges of the 21 st century	50
<i>Sadakov D. A.</i> Development of the USA responses to North Korean attempts to conduct a hybrid war in 1966–1976	58

ARCHAEOLOGY

<i>Ryabchevsky N. G., Guryanov V. N.</i> Buildings of the Kyiv culture at the settlement of Khotylevo-2: excavations of 2019–2020	69
---	----

SOURCE STUDIES

<i>Solopov A. P.</i> Tobacco advertising as a source for studying the everyday life of Russian cities at the turn of the 19 th –20 th centuries	82
---	----

ETHNOLOGY

<i>Olunina I. V.</i> Ethnographic tourism in Belarus: development problems	93
--	----

SCIENTIFIC EVENTS

<i>Vaitovich A. V., Kurlovich P. C.</i> Scientific events at the department of archaeology and special historical disciplines of the faculty of history of the Belarusian State University in 2022	102
--	-----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в наукометрические базы данных научных публикаций Scopus и РИНЦ.

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 1. 2023**

**Часопіс Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 1. 2023**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.

Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы *Е. В. Жерносек, А. С. Люкевич*
Технический редактор *Д. Ф. Когут*
Корректоры *А. С. Горгун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 31.01.2023.

Тираж 65 экз. Заказ 35.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, г. Минск.

© БГУ, 2023

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 1. 2023**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.

Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors *E. V. Zhernosek, A. S. Lyukevich*
Technical editor *D. F. Kogut*
Proofreaders *A. S. Gorgun, L. A. Merkul'*

Signed print 31.01.2023.

Edition 65 copies. Order number 35.

Republic Unitary Enterprise
«Publishing Center of the Belarusian State University».
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
6 Ćyrvonaarmiejskaja Str., Minsk 220030.

© BSU, 2023